

БАРБАРА МОРРИГАН

НЕСПЯЩИЕ

Охотники за мирами

Барбара Морриган

Неспящие

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морриган Б.

Неспящие / Б. Морриган — «Эксмо», 2023 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-180108-3

В Аструме уже несколько лет бушует эпидемия эгерума — загадочной болезни, погружающей людей в вечный сон. Бороться с ней бесполезно, противостоять — невозможно, хотя врачи не оставляют попыток. Тори — простой мальчишка, который любит хорошее пиво, шумные кабаки и красивых девушек. Но загадочная смерть его отца, врача, меняет все. Что скрывает молодой аптекарь по имени Абео? Можно ли верить девчонке, утверждающей, что разгадала тайну людей с черными глазами? Роман-однотомник Барбары Морриган, автора книг «Чудовище и чудовища» и «Сердце, что растопит океан». Главные герои — простые люди, оказавшиеся в непростой ситуации, со своими привычками и тревогами. Любовная линия slowburn, яркая ненависть, перерастающая в искреннюю любовь. Роман «Неспящие» поднимает актуальные социальные и моральные вопросы, трогающие каждого. Читатель проследит путь становления трех героев — от опасных подростков до тех, кто вершит судьбы государства.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180108-3

© Морриган Б., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Часть I	8
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	65
Глава 12	70
Глава 13	75
Глава 14	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Барбара Морриган Неспящие

© Морриган Б., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Иллюстрация на обложке MLarty

Дизайн переплета Кати Петровой

Иллюстрации на форзаце, нахзаце и в блоке Барбары Морриган

* * *

Меня всегда восхищало, с какой легкостью Барбара умеет говорить о сложном: об одиночестве, о долге и о выборе, который встает перед человеком.

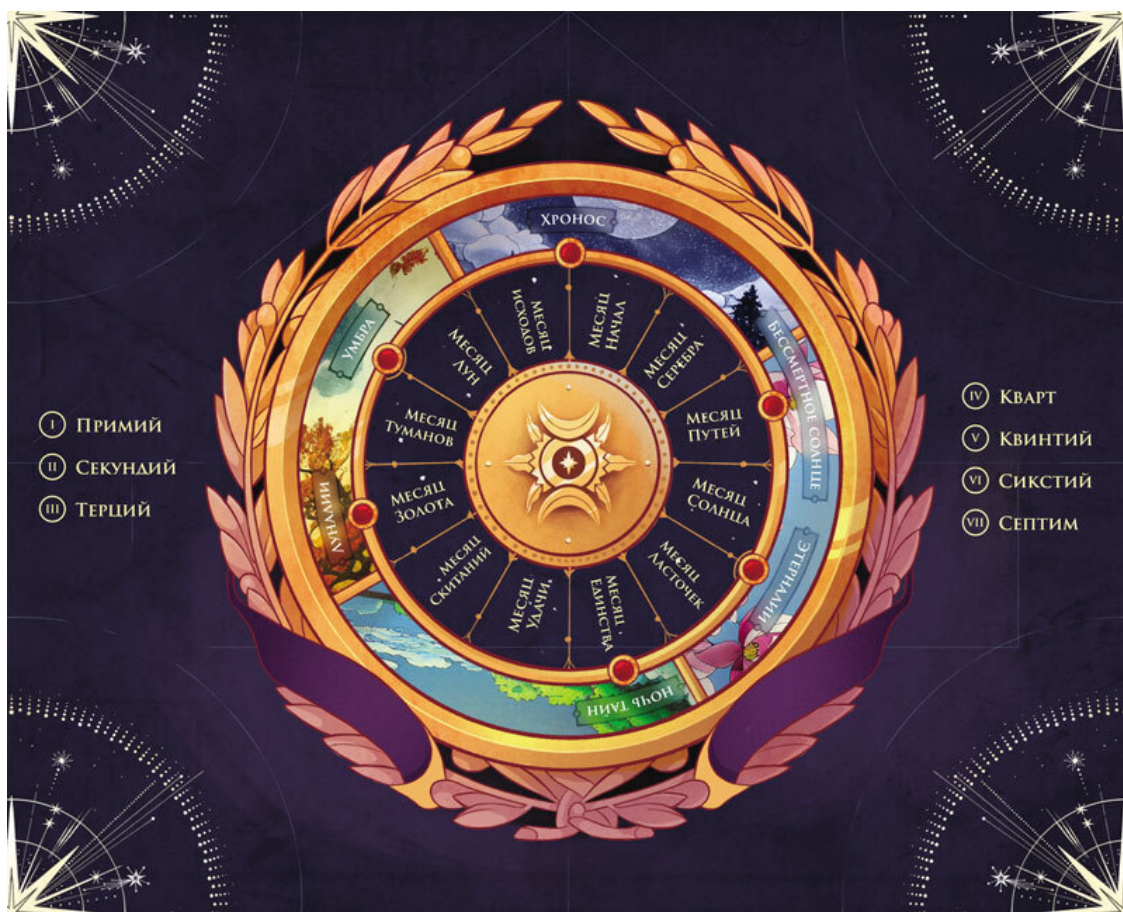
В этой книге читатель смотрит глазами простого и, прямо скажем, не самого умного парня Тори. Ему нравятся пиво и красивые девушки, а решать всякие там судьбы мира – совсем не нравится.

Но тут такое дело, Тори.

Как наверняка говорила тебе твоя мама: «А ты через не могу».

УНА ХАРТ, писательница и литературный агент

В хорошей кабацкой истории всего понемногу. Незамысловатая завязка: стечение обстоятельств, которое могло случиться с каждым из нас. Герой, достаточно сильный и смекалистый, чтобы свернуть горы, но в то же время простой и понятный. Как твой старший брат или парень из соседнего двора. Героиня, загадочная и притягательная, сильная духом и добрая сердцем. И долгая дорога впереди. В хорошем рассказе найдётся место и смеху, и слезам, и радости, и боли. И, разумеется, поучительному финалу, где всё встаёт на свои места. Конечно, в зависимости от рассказчика, история может меняться, и на месте бравого героя оказывается круглый дурак, а все дороги, героини, слёзы и радости, подвиги и клятвы сливаются в одну безвкусную и пёструю картину, где не отличишь добра от зла, а глупой шутки от грубого фарса жизни. Но важнее всего соблюсти баланс правды и вымысла. Поверят тебе или нет – совершенно не важно, если слушатель отлично провёл время за кружечкой пива.

Часть I

Глава 1

Город на реке

*Нет в мире силы могущественней, чем человеческая глупость.
Флюмен. Эврийские провинции. Аструм*

Медная монетка тихо звякнула о поверхность рельсов. Ритмичный стук колёс приближающегося поезда нарастал с каждой секундой.

– Ну всё, хватит! – Четырнадцатилетний Декси Рамио нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Цыц! – шикнул на него Тори и продолжил с осторожностью выкладывать рыжие кругляшки на гладкую поверхность. Тори действовал с видом бывалого знатока: он дожидался, пока машинист заметит его, и отступал в самый последний момент, едва не оказавшись под колёсами. Рассчитать время нужно было с точностью до секунды: чем сильнее поезд успеет замедлиться, тем больше вероятность, что монеты превратятся в ровные блинчики вместо того, чтобы разлететься в стороны. Пожалуй, это умение было одним из величайших достижений Тори за все девятнадцать лет жизни.

Наконец Тори отпрянул и бросился в кусты. Декси с облегчением выдохнул и последовал за другом. Он постоянно уговаривал Виатора сходить к железной дороге, но при приближении поезда робел. Сколько раз он слышал истории, как мальчишек ловили за подобными шалостями путевые обходчики! Заканчивались все эти байки самым непредсказуемым образом: порой проказники получали выговор, а иногда оказывались за решёткой, а то и вовсе на плахе. Последний вариант обычно можно было услышать из уст родителей или городских стражей. Их хлебом не корми – дай запугать честного гражданина, который не замышляет ничего дурного, кроме как расплющить пару старых монет без особой на то причины!

Поезд промчался мимо исполинским призраком. Увенчанный золотыми крыльями и напоминающий огромную птицу, он сиял в солнечных лучах. Тори всегда завораживала железная дорога, и в глубине души он представлял, что мог бы стать проводником или даже машинистом и что колесил бы по империи в нарядном бордовом мундире с золотыми застёжками. Но на роль проводников выбирали людей пижонистых и совершенно невыносимых. Тех, которые всегда говорят «спасибо», «пожалуйста» и «доброго вам дня». А от машинистов и вовсе требовали заоблачных умений, например управлять поездом. Возмутительная несправедливость! Однако Тори не унывал: на самом деле идея работы как таковой мало пересекалась со сферой его интересов. А вот выпивка, вкусная еда и красивые девчонки – очень даже! И не просто пересекались, а составляли её целиком. Так что профессия котельщика его вполне устраивала: она приносила деньги на всё вышеперечисленное, но не требовала особых умений и не вынуждала мыться чаще раза в неделю.

Земля задрожала под колёсами проносящихся мимо вагонов. Они промелькнули пёстрой вереницей и вскоре исчезли вдалеке, теряясь за поворотом, скрытым лесной зеленью.

Парни выскочили из кустов и в нетерпении бросились туда, где оставили свои сокровища. К их разочарованию, на рельсах осталось всего два медных ория, один из которых к тому же дал трещину.

– Вот же дрянь, – вздохнул Тори, опускаясь на корточки.

– А я говорил – нужно брать эсы! Они не трескаются...

Для умного не по годам парнишки, каким прослыл Декси, в вопросах экономики он был удивительно легкомыслен. Узнай его мама, что Декси выложил на рельсы серебряные эсы, она бы отвесила ему такую звонкую затрещину, что вздрогнули бы даже боги.

– Сколько раз напоминать тебе правила? Мы транжирим только то, чем нельзя заплатить за пиво! Усёк?

Дальше началась лекция о жизненных приоритетах и финансовой грамотности. Смысл ее заключался главным образом в том, что вымогать деньги у матушки нужно с умом, иначе рискуешь остаться без выпивки, когда все остальные будут веселиться. Виатор Рэсис, он же Тори, он же гигант мысли всея Аструма, считал себя экспертом во всех жизненных вопросах, а потому никогда не упускал шанса поучить уму-разуму младшего товарища. Декси, впрочем, не возражал: он с малых лет следовал за Тори по пятам, равняясь на соседа и мечтая во всём на него походить. Мальчишка немного отставал в физическом развитии и выглядел ещё совсем ребёнком, а потому они с широкоплечим Тори до смешного походили на карлика и гиганта из старой эврийской сказки. Хотя Декси и был ужасно надоедлив, Виатор день за днём стоически терпел его присутствие. Порой он всем своим видом демонстрировал, что Декси сидит у него в печёнках, но в глубине души признавал, что крепко привязался к мальчику. Тори нравилось, что ему заглядывают в рот и уважают, в то время как ровесники не брезговали возможностью посмеяться над его умственными способностями и простодушием. Правда, сейчас Декси совсем его не слушал и явно витал в облаках с отсутствующим видом.

– Эй! Я для кого тут распинаюсь?!

– А?

– Бэ! Сонную муху проглотил, что ли?

– Прости, я просто... не выспался, – Декси широко зевнул.

– Ты ж до обеда дрых!

– Ага, но что-то всё равно в сон клонит. Может, погода...

– Такой молодой, а уже как старый дед бубнишь! В колене хоть не стреляет? А то на следующей неделе обещали дожди.

Декси насупился и тряхнул головой, отчего рыжие кудри рассыпались по загорелому лбу.

– Вот снились бы тебе такие сны, как мне, ты бы тоже не захотел просыпаться!

Тори мгновенно окунулся в воспоминания о прошедшей ночи. Прекрасные девушки с пышными формами подносят ему вино с лучших виноделен Аструма. Они от души смеются над его искромётными остротами, танцуют, прижимаются к нему так близко, что тёплая нежная кожа... Словом, ни одной причины просыпаться.

– И что же тебе такое снилось? Что ты внезапно стал императором?

– Нет. – Декси явно злило, что Тори не воспринимает его слова всерьёз. Он и вовсе засомневался, стоит ли рассказывать сон, но желание поделиться видением взяло верх. – Я видел... себя.

– Как интересно, – с напускным равнодушием протянул Тори.

– Но я был другим, – продолжил Декси, не обращая на него внимания. – Во мне как будто что-то... изменилось. Я стал сильнее – и совершал удивительное! Например, мог поднять огромный камень, не касаясь его!

– У-у-у! Прямо по волшебству? Может, ты потомственный охайский колдун? – саркастически поинтересовался Тори.

– Ага, тридцать раз. Я с тобой важным делюсь, а ты...

– Да ладно тебе! – Тори за шею притянул к себе мальчишку, кулаком растрепал ему волосы. Декси с трудом высвободился из крепкого захвата и недовольно фыркнул, но на лице его наконец засияла улыбка. Они с Тори были как братья, которые могут сколько угодно драться и задирать друг друга, но их особую духовную связь не нарушить никому.

– Ну так и что, прямо целый камень?

– Целый камень! Стоило только захотеть! И всё это было так... по-настоящему.

– А может, ты и правда можешь? Знаешь, как герои из этих твоих книжек!

– Брось, – смутился Декси. – Кто в это верит?

– А ты попробуй! Мало ли?

Воодушевившись, Тори принялся высматривать что-то под ногами. Его взгляд заскользил по булыжникам и сухим веткам и остановился на монетах, что всё ещё лежали на рельсах.

– А хоть бы и монеты! Начнём с малого!

– Тори, это был просто сон... – отмахнулся Декси.

Декси с детства тянулся к знаниям, как мотылёк к свету, и все пророчили мальчишке большое будущее. Его постоянно можно было застать с книгой в руках: он глотал всё подряд, от приключенческих романов и древних легенд до книг по астрономии и истории... До тех пор, пока не попал под покровительство Тори, разумеется. С тех пор книги перестали интересовать Декси, ведь Виатор Рэсис книг не читал. Да и возраст его предполагал, что Декси пора перестать верить в сказки, чем стоит гордиться, как и каждым прочим этапом взросления. И всё же глаза Декси заблестели, полные надежды. Каждому хочется верить в чудеса.

– Ну ладно, – робко кивнул Декси, немного поразмыслив. Он опустился на корточки возле рельса и осмотрел сплюсненные монеты. Декси чувствовал себя ужасно неловко: что, если Тори пошутил и сейчас начнет покатываться со смеху от его жалких попыток? Однако его товарищ молчал и внимательно наблюдал, скрестив руки на груди. Казалось, ему и правда интересно. Декси постарался припомнить свой сон и сосредоточиться. Он поднёс пальцы к вискам и принялся сверлить монеты взглядом. Сердце забилось быстрее, а в груди потеплело от таинственного предчувствия. С каждой секундой Декси всё сильнее ощущал, как этот момент наполняется волшебством, как цвета вокруг становятся ярче, а его собственная кровь кипит, будто раскалённая лава. Он напрягся и покраснел, сжатые губы задрожали от напряжения, но ничего не произошло. Декси хотел было сдаться, но внимательный взгляд карих глаз товарища заставил его взять себя в руки. Он не может ударить в грязь лицом! Ни одно чудо в мире не даётся без труда. Декси глубоко вдохнул и сконцентрировал всё своё внимание на рыжине чеканной меди. Весь остальной мир перестал существовать, время растянулось вязкой смолой... Монеты задрожали! Декси не мог поверить своим глазам, но неровные медные края едва заметно колебались, ловя отражение солнечных лучей. Декси перестал дышать, в восхищении глядя, как совершает нечто невероятное... Из транса его вырвал оглушительный гудок. Кто-то схватил Декси за рукав и с силой потянул, отчего они оба кубарем покатались по земле.

Поезд пронёсся мимо, едва не зацепив парней, но Тори успел оттащить замечтавшегося товарища от путей.

– Совсем сдурел?! – закричал он, немного отдышавшись.

– Но я же... Ты видел? Я же смог...

– Да ни хрена ты не смог! – рявкнул Тори, поднимаясь на ноги и отряхивая штаны от придорожной пыли.

– Но монеты же...

– Рельсы дрожат, когда едет поезд! Это даже ребёнок знает!

Декси не ответил. Он растерянно сидел на земле и смотрел перед собой опустошённым взглядом. Значит, никакого волшебства не было? Простая физика? И почему наука всё время норовит разрушить загадочное очарование мира вокруг? Ей что, больше всех надо?!

Смягчившись, Тори помог другу подняться и постарался его приободрить, дружески потрепав по плечу. Кажется, его желание подурачиться вышло из-под контроля, и мальчишка и правда поверил в сказки. Теперь Тори чувствовал себя виноватым.

– Да ладно тебе, всё это колдовство – такая хрень! Пусть охайцы этими глупостями занимаются! Пойдём, – Тори хлопнул товарища по плечу, – а то к обеду опоздаем.

Кажется, в тот день на обед был рыбный суп. А может, каша с тушёными грибами... Все дни во Флюмене были похожи один на другой. Этот городок застрял где-то на границе западных и южных провинций империи – и точно так же застрял во времени. Здесь уже давно

не происходило ничего необычного, и временами даже можно было понять местную шпану, поджигающую кошкам хвосты и воруящую апельсины с рынка – хоть какое-то развлечение. Для женщин это город пьющих мужчин, не владеющих ничем, кроме грубого ремесла. Для мужчин – город, где, кроме пьянства и чёрной работы, занять себя решительно нечем. Для богатых Флюмен – дыра, для бедных, впрочем, тоже. Ни тех, ни других здесь особенно и не встречается: флюменцы умудрялись быть средними абсолютно во всём, от черт лица до уровня семейного дохода. Ну а для учёного, художника или любого другого пытливого ума Флюмен – настоящий кошмарный сон. Отсутствие имперской патетики читалось не только в отношении горожан к жизни. Сам городок выглядел соответствующе: если Мирах – величественная столица Аструма – напоминал павлина с роскошным оперением, то Флюмен скорее походил на ошипанного петуха. Когда-то его перья переливались нефритовой зеленью в лучах солнца, но сейчас добрая половина их полиняла, часть осыпалась, а оставшиеся торчат в разные стороны. Узким улочкам, тянущимся вдоль каналов, сложно было дать однозначное описание. Местами здесь сохранилась изысканная архитектура, принесённая ноттами много веков назад. Величие и значимость этого народа неоспоримы: именно благодаря им зародилась Пурпурная империя, получившая такое название благодаря заметным издалека роскошным знамёнам. Но едва ли былую величественность строений теперь можно было рассмотреть в запущенной потемневшей лепнине и мозаиках, половину чешуек которых давно отковыряли местные дети. А совсем фатальной ситуацию делали эврийские постройки, уродующие ландшафт своей угловатой незамысловатостью. Жители западных провинций, в отличие от южных соседей, уважали функциональность и не стремились к монументальному величию. Подобная участь ждала многие города, появившиеся после основания империи: ноттская эстетика накладывалась на традиции местных жителей, порождая отвратительный плод этого греховного союза, лишённый всякого художественного вкуса и последовательности. Но вслед за ноттскими порядками непременно следовало тепло, свет и единство перед лицом общего врага. Ради этого можно было потерпеть их вычурные мозаики и колониальные замашки.

Сейчас весь остальной мир застыл в томительном ожидании надвигающейся беды: Аструм глодала эпидемия эгерума, а мирный договор с охайцами, заключённый почти двадцать лет назад, подходил к концу. Некогда могущественная Пурпурная империя, в свое время освободившая целый континент от захватчиков Аш'Кхари, теперь балансировала над пропастью, и народ её был полон страхов и опасений. Но только не флюменцы. Они были полны праздной скуки и умеренного провинциального гедонизма. Флюмен стоял на реке Стрелке вот уже много десятилетий и собирался простоять, наверное, ещё целую вечность, а если и пасть, то от скуки. Пока звёзды держались на небосводе, а Стрелка текла, остальные проблемы не имели значения.

История с монетами забылась быстро – как и все незначительные происшествия в жизни юного Декси. Уже на следующий день он снова пребывал в радостном расположении духа, и у него имелась на то веская причина: Тори пообещал взять его с собой в кабак этим вечером.

Рыжее солнце клонилось к горизонту так же, как и в любой день до этого. Даже закаты здесь были удивительно однообразны, но какой дурак вздумает жаловаться на надёжное постоянство? Именно об этом вспоминал Тори, в очередной раз приложив молотком по пальцу. Он провёл целый день, вырезая новый столовый гарнитур для эйри Люции Рамио, соседки и по совместительству строгой матери Декси. Вообще-то эйри Рамио попросила Тори о новом гарнитуре совсем не потому, что старый ей разонравился. Ей просто хотелось, чтобы мальчики были заняты делом и Декси хоть чему-то научился. Но вместо того чтобы орудовать рубанком или учиться смешивать масляный раствор для обработки дерева, Декси только мешал.

– А когда мы уже в «Камыш»?

– Детям там делать нечего, – с напускной строгостью возразил Тори.

– Но ты же обещал! И что пиво дашь попробова...

Декси не успел договорить, когда Тори закрыл ему рот ладонью. На губах остался неприятный привкус масла и колючие остатки древесной стружки.

– Если будешь об этом трепаться, то точно не возьму! Твоя мама мне голову открутит, если узнает!

Отчего-то эйри Рамио возомнила, что Тори может оказать положительное влияние на её сына. Как можно догадаться, она судила о людях весьма поверхностно. Виатор был долго-вязым, с торчащими ушами и большим носом. Растрёпанные волосы торчали во все стороны из-под плоской бордовой кепки, явно знававшей лучшие дни. Стоит упомянуть, что шляпа для аструмца – обязательный атрибут повседневного образа. В маленьких городах на окраинах империи можно было встретить людей с десятком заплаток на заношенных штанах, но в роскошной шляпе с расписными полями и бубенчиками на концах атласных лент. Шляпник для жителей Аструма считался сродни мозгоправу: создавая головной убор для человека, он воплощал всё, что лежало у того на душе. Шляпу всегда выбирали по сердцу, выражая через неё свою индивидуальность. Или отсутствие оной, тут уж как повезёт. Поэтому совершенно непривлекательная пожёванная кепка на голове Тори кое-что говорила о нём. Выделялась она разве что цветом, возможно, отсылающим к его давней мечте о железной дороге. Но те, кто знал Виатора получше, с уверенностью бы сказали, что причина тому прозаична – дешевизна ткани, подвернувшейся Тори под руку. Однако эйри Рамио всё это мало заботило. Соседский юноша был приветлив, руки у него росли из нужного места, и он всегда помогал своей матери. А значит – был достойным примером для подражания. Видела бы она, как он выползает из «Камыша», едва держась на ногах, или удирает от разъярённого отца очередной девчонки, к которой пробрался через окно... Пару раз Тори даже приходилось вылавливать из канала после того, как он спяну решал искупаться. Местные стражи с полудня ошивались возле кабака, угрожающе поглядывая на всех, кто сворачивал в сторону питейного заведения с главной улицы, но ни один суровый взгляд не остановит заправского пьянчугу. Если тот захочет плясать на барной стойке, а после полезть в канал, закатав штаны по колено, то на пути у него лучше не вставать! Если б только Тори платили за каждый стон, посвящённый гудящей голове на следующее утро... Он бы и эти деньги немедленно пропил.

– Так когда выходим?

Глаза Декси горели, как две луны в ясную ночь. По спине Тори пробежал неприятный холодок от осознания того, что когда-то Декси так же сильно радовался новым книгам. Но не теперь. Мальчишка был настроен серьёзно, и отвертеться от него уже не получится.

– Тебе ещё в университет поступать, а ты в кабак! – пожурил его Тори в надежде всё же переубедить упряма. – Вдруг в столице об этом узнают и не возьмут тебя?

– Да я вообще не хочу ни в какую столицу, – насупился Декси. – Там наверняка скука смертная.

– Я слышал, там пиво по пятнадцать эсов, – мрачно припомнил Тори. – Весёлого точно мало. Эх, вот если бы в этих ваших университетах могли научить такой профессии, чтобы работать было не надо... Но тебе хотя бы будут платить пипендию, и сможешь покупать всё, что хочешь!

– Стипендию, – прыснул Декси. Тори всегда с трудом давались новые слова. – А поедем со мной? Будем вместе учиться, и отец твой был бы рад, что ты больше не котельщик!

– Между прочим, Сандр Силь тоже был котельщиком. – Тори явно задел выпад в адрес его работы. Он достаточно наслушался отцовских лекций о «благородстве» выбранной профессии, чтобы снова возвращаться к этой теме. – А в перерывах песни писал. И вот теперь известен на весь мир!

Имя Сандра Силия действительно было у всех на устах. Редкий вечер обходился без его песен, под которые сначала можно было стереть ноги в танце, а после – от души поплакать.

Силь считался в некотором смысле национальным героем: простой чумазый парень из котельной, теперь собирающий полные залы в опере Мираха. Почти как Тори. За исключением того, что Тори ещё ничего не добился в жизни.

– Но ты ведь не пишешь песни...

– Откуда тебе знать? Может, и пишу. Просто тебе не исполняю.

– И слава богам!

– А что касается отца... Он может свою радость засунуть себе куда подальше. У него уже есть повод для гордости, а на меня он чихать хотел.

– Опять про своего пацана рассказывал, да?

– Угу. Раз в месяц поднимет задницу, чтобы аурограмму прислать, и то про нас там две строчки. А потом начинается: мы с Абео то, мы с Абео это...

Произнося это имя, Тори невольно поджимал губы и делался особенно нервным. Они с отцом не были близки уже давно, и всё же Тори каждый раз с нетерпением ждал от него вестей. Тэо Рэсис работал в столичном госпитале Непобеждённой, названном в честь Исиды, великой императрицы прошлых лет. Тэо помогал больным эгерумом – эта хворь захлестнула империю много лет назад, когда земли Аструма задыхались от крови, пролитой на Великой Войне. Люди засыпали, чтобы уже никогда не проснуться, и с каждым годом их становилось всё больше и больше. Врачи опускали руки, и многие из них готовы были даже отказаться от своего призвания, лишь бы не столкнуться с этим ужасающим недугом лицом к лицу. Но только не Тэо Рэсис. Даже условие разлуки с семьёй не остановило его. Хотя он и мечтал перевезти их в Мирах и обеспечить лучшую жизнь, с каждым годом эти планы всё сильнее походили на сказки. Даже если бы этот хренов госпиталь был в двух шагах от дома Рэсисов, у отца всё равно не нашлось бы на них времени. А вот о своём прихвостне Абео он мог говорить круглыми сутками. Чистокровный борец, сирота, но такой способный, умный, горящий своим делом, готовый отдать последнюю рубашку... Словом, настоящий засранец.

– Они ведь большое дело делают. – Декси задумался. – Представляешь, если твой папа найдёт лекарство от эгерума?

– Представляю. Он тогда этому своему подпёрдышу вообще памятник поставит.

Тори уставился вдаль, глядя, как зажигаются первые фонари на мостовой.

– Знаешь, он ведь в этом месяце так и не написал.

Раньше отец предпочитал отправлять письмо с ласточкой, подходя с особым вниманием к выбору конверта, каллиграфически выводя каждую букву и помечая послание своей именной сургучной печатью. Но в последние годы он совсем обленился и перешёл на аурограммы. Тори так и представлял, как аурографистка с абсолютно равнодушным лицом клацает по блестящим клавишам. Звёздный свет в кристаллах аурографных столбов вспыхивает, унося сигнал всё дальше, чтобы на выходе получился куций листочек с механическими бездушными буквами. Обычно он содержал в себе такие же механические и бездушные «Как вы там?», «Опять не выйдет приехать» и «Подумай о своём образовании, Виатор». Тори ужасно злился из-за отцовского равнодушия. Работай тот хоть на самую Сиятельную при императорском дворе... Неужели это повод забывать семью? От этих мыслей на душе становилось так паршиво, что Тори не знал, куда себя деть.

– А знаешь что? Пошёл бы он на хрен. Он может потереться своими письмами! А мы пойдём в кабак и будем там веселиться, как никогда.

– Вот это разговор! – обрадовался Декси. – Встречаемся у фонтана на площади после заката. Но смотри – маме ни слова! Усёк?

Декси оживлённо закивал и, спрыгнув с верстака, умчался в сторону дома, чтобы как следует подготовиться к важнейшему событию в своей жизни.

Осень входила в расцвет, и сумерки теперь сгущались совсем рано. Вряд ли это спасло бы мальчишек от наказания, поймай их кто, но Тори был убеждён, что для тёмных делишек и атмосфера должна быть подходящей. Он отворил калитку, поморщившись от оглушительного скрипа. Пожалуй, действительно пора её смазать, а не просто обещать сделать это завтра же на протяжении полутора лет. Квинтий, как и подобает последнему трудовому дню недели, оживил улицы города – приближающиеся выходные всегда воодушевляли местных жителей, побуждая их бездельничать и кутить пуще обычного. Закончив все свои дела и предвкушая приятный вечер в кабаке, Тори вприпрыжку двигался вдоль канала, насвистывая под нос старую эврийскую мелодию. Даже перспективе быть отгасканным за уши из-за попытки протаскать в питейное заведение малолетнего Декси не удалось испортить ему настроение. И только одно непредвиденное обстоятельство смогло помешать их плану...

В тот вечер Декси так и не появился.

Глава 2

Чёрные глаза

*Почему бобры строят плотины, но плотва не строит бобрини?
(Дневник гениальных мыслей Виатора Рэсиса)*

Всё утро сикстия Тори провалялся в постели. Солнечные лучи игриво пробивались сквозь окно мансарды. Виатор поморщился, закрываясь от света: похмельная голова была такой тяжёлой, как будто солнце снова и снова било его в лицо увесистым кулаком. Но к полудню дурнота немного отступила, и Тори повеселел. Он лежал, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Ему нравилось иногда уходить в себя и думать обо всём на свете. Для идеального эффекта можно было бы выйти в небольшой лесок на окраине города и побить палкой крапиву: в процессе сего высокоинтеллектуального процесса умных мыслей рождалось гораздо больше. Но сейчас, ввиду воздействия паров алкоголя на молодой организм, научные изыскания смысла бытия были временно перенесены в спальню. Тори допускал, что однажды на него снизойдёт озарение и ему в голову придёт идея для целой научной работы. Вот тогда он всем покажет!

Из размышлений его вырвал негромкий стук в дверь на первом этаже. Тори не сразу расслышал его и смог разобрать, только когда тот стал настойчивее.

– Мам, кто там? – лениво протянул Тори, приоткрыв один глаз. Ответа не последовало. – Ма-а-ам!

Снова тишина. Неужели так сложно открыть дверь? Наверняка это была уловка, чтобы вытащить его из постели. А потом ты находишь в себе силы преодолеть бесконечное путешествие из спальни на кухню, и тут тебе вручают ведро с мусором или спрашивают, не видел ли ты вилку из фамильного сервиза дяди Ания. Ну конечно же, Тори каждую секунду думает о проклятых вилках, которые так срочно понадобились именно сейчас!

Тори грузно поднялся с постели и поплёлся к лестнице. Казалось, тело весило фунтов триста, а то и пятьсот. Спустившись на первый этаж, Тори обнаружил, что мамы нигде не видно. Ну конечно – в это время она всегда в городе: закупается на рынке, выводя из себя продавцов дотошными вопросами о свежести помидоров. Нерадивому сыну стоило бы помочь ей, но она никогда не дожидалась, пока он проснётся. Может, и не зря: после ночи обильных возлияний от Тори было бы больше вреда, чем пользы.

В дверь снова постучали: стук был настойчивым, но сдержанным. Гость явно не хотел показаться грубым, но и отсутствие ответа его не устраивало.

– Да иду я, иду! – огрызнулся Тори, взъерошив волосы и подтянув штаны. Это не сильно улучшило его внешний вид: изо рта всё ещё пахло так, словно там что-то умерло (помимо его надежд на лучшее будущее), а на опухшем лице красовались красные заломы от подушки. По дороге к двери Тори пытался угадать, кого принесла нелёгкая. Вот было бы здорово, если бы на пороге стояла фигуристая блондинка... Увы – скорее всего, это Декси припёрся, чтобы объяснить, почему не явился вчера. А может, ему ни капельки не стыдно и он даже не попытается придумать причину. А притащился, предчувствуя рыбные котлеты на обед. Да уж, у этого паршивца всё схвачено!

– Ну ты и хитрожопый, конечно, – оскалился Тори, выглядывая за дверь, но моментально осёкся: – Ой...

– Доброе утро, Виатор. – Эйри Люция смутилась, застав парня в не самом свежем виде и к тому же в одних штанах. Три куцые волосинки на груди Тори приковывали взгляд, и Люции пришлось сделать над собой усилие, чтобы не смотреть на них.

– Простите, я не знал, что вы зайдёте... Мама на рынке...

– Вообще-то я пришла к тебе. – Голос Люции звучал сухо и сдавленно. В нём звенели тревожные нотки, от которых Тори стало не по себе.

– Ко мне?

За всю жизнь Тори и Люция Рамио ни разу не оставались наедине. Он всегда шустро проскальзывал мимо неё в комнату Декси, а на праздниках эйри Люция не отходила от его матери, не замолкая ни на секунду. Люция не относилась к тем матерям, которые принимают друга своего сына как родного и хлопочут вокруг него с тарелкой горячего супа, расспрашивая о девчонках и планах на будущее. Может, Люция и любила Тори, но не пыталась делать вид, что соседский отпрыск хоть сколько-нибудь интересуется её в качестве собеседника.

– Мне нужна твоя помощь, – туманно ответила она, потупив взгляд.

– Ох... Что ж... Конечно! – Натянув дежурно вежливую улыбку, Тори заметался в дверном проёме. – Дайте мне минутку...

Неловко скрывшись за дверью, он метнулся обратно в спальню. Тори наспех извлёк из кучи белья самую чистую на вид рубашку, затем быстро ополоснул лицо из умывальника, пригладил волосы и бросился обратно к дверям, по пути натягивая выдавшие виды коричневые ботинки из грубой кожи.

– К вашим услугам! – обворожительно улыбнулся Тори, но тут же стёр с лица улыбку, вспомнив, что запах изо рта никуда не исчез.

Семейство Рамио жило через двор от Рэсисов. Шесть невысоких домиков столпились в форме колодца на тесной улочке в Журавлином Квартале. Соседи давно знали друг друга и жили почти дружно, за исключением, пожалуй, эйра Брута и его крикливой жены. В некотором роде соседи были одной большой семьёй – со всеми вытекающими последствиями: они знали друг о друге всё, и ни одна сплетня не задерживалась в пределах одного дома дольше десяти минут. Иногда мать Тори могла часами заседать на кухне с эйри Люцией, и Тори волей-неволей узнавал о соседях гораздо больше, чем хотел бы. О самой эйри Люции он также был наслышан, но всегда старался пропускать мамину болтовню мимо ушей. Меньше всего на свете молодому парню хочется слышать, как от матери его лучшего друга ушёл муж, найдя себе молодую любовницу. И что она на этой почве начала выпивать и искать утешения в случайных связях.

Плетясь за эйри Люцией, велевшей следовать за ней, Тори хотел невзначай расспросить соседку о том, чем вчера вечером был занят её сын и почему бы ему самому ей не помочь. Но Люция шагала быстро и уверенно, не давая возможности завести разговор, так что Тори послушно следовал за ней до самых дверей.

Миновав пыльный двор, Тори и Люция оказались внутри дома. Его обстановку можно было узнать из тысячи: сразу чувствовалось, что здесь давно не хозяйничал мужчина. Бесконечные коврики, подушечки, расшитые скатерти и шторы, вазочки, тарелочки, статуэтки и картины... От этого «великолепия» начинало рябить в глазах. Впрочем, жившую здесь женщину хозяйкой тоже назвать было трудно. Всё вокруг тонуло в хаосе, везде чувствовался налёт запустения. Вещи, когда-то призванные украшать дом и создавать уют, теперь служили лишь для того, чтобы заполнить пустоту. В доме пахло дешёвыми духами и пудрой, сигаретами, пылью и печалью. Несмотря на дружбу с Декси, Тори старался бывать здесь как можно реже, и сейчас ему пришлось вспомнить почему.

– Так чем вам помочь? – Тори всеми силами старался сохранить нейтральное выражение лица. Он выискивал взглядом покосившуюся полку или подтекающий кран, но в этом доме сложно было однозначно сказать, что именно вышло из строя.

Люция молчала. Она закусила нижнюю губу. Когда Тори перестал глазеть по сторонам и наконец посмотрел на Люцию, то заметил, что она вот-вот заплачет. Он не знал, как себя вести: Люция, хоть и любила поговорить, всегда держала дистанцию с окружающими, и он никогда не мог даже представить её уязвимой. А даже если и мог, что он сделает? Утешать хорошеньких

молодых барышень Тори был мастак: в его объятиях они быстро забывали о своих печалях. Но это был совсем другой случай. К счастью, Люция взяла себя в руки и наконец заговорила:

– Декси. Я не могу его разбудить.

– Ну да, он вообще любит поспать, – криво улыбнулся Тори.

– Ты не понял. Совсем... не могу.

Она быстрым шагом пересекла гостиную и поманила гостя туда, где располагалась спальня сына. Декси жил в небольшой комнатке под лестницей, и едва ли это место выглядело приветливее, чем весь остальной дом. Даже в те редкие моменты, когда там было прибрано (от одного до шести раз в год на религиозные праздники), запах стоял такой, что можно было вешать топор. Если вам когда-нибудь доведётся выбрать между сточной канавой и комнатой мальчика-подростка, смело выбирайте свалку.

В комнате было мрачновато: свет почти не попадал сюда из-за маленького окна. Но сейчас, в самое светлое время дня, даже здесь осеннее солнце делало своё дело. Его отблески стекали по рыжим деревянным стенам и пёстрому ковру возле постели, где в данный момент спал Декси.

Люция остановилась в дверях, позволив Тори подойти к кровати. Он некоторое время смотрел на друга, вглядываясь в его лицо, а затем привычным движением толкнул его в плечо. Декси не отреагировал. Он выглядел как всегда: на щеках до сих пор виднелся румянец, медные волосы разметались по подушке, а дыхание было ровным, разве что различить его было сложнее, чем обычно.

– Он уже неделю спит слишком долго, – тихо пояснила Люция. – Я думала – просто устал. Вы ведь часто бывали на воздухе...

– Ага, – растерянно согласился Тори.

– А сегодня вот... Я и просила, и кричала, и пыталась насильно его поднять... Без толку. – Её голос задрожал.

В умах обоих крутилась мысль, которую никто из присутствующих не хотел озвучивать. Но она была настолько явной, что почти обретала форму и, казалось, становилась осязаемой. Именно такие симптомы проявлялись у тех, кого настиг эгерум. Людей охватывала сонливость, а затем их глаза становились чёрными, и они засыпали на многие месяцы. Несмотря на то что отец Тори посвятил жизнь борьбе с этим недугом, сам он почти ничего о болезни не знал. Только то, что эгеров забирают на Храмовый Остров, где о них заботятся и не дают уснуть вечным сном.

– А его глаза?... – робко спросил Тори.

– Не знаю. Не смотрела, – тяжело вздохнула Люция.

Мысленно Тори осудил её за такую легкомысленность – неужели сложно проверить? Дело ведь касается здоровья её сына! Но, представив себя на её месте, он понял, что сам бы наверняка растерялся не меньше. В конце концов, не на все вопросы хочется знать ответы. Особенно на те, что ранят в самое сердце.

Виатор присел на край кровати, и пружины со скрипом прогнулись под его весом. Он аккуратно коснулся века Декси и приподнял его. Глаза мальчика подрагивали и метались, как бывает, когда человек видит яркий сон. Радужка, когда-то бывшая зелёной, как эврийские леса, теперь была абсолютно чёрной. Потеряв чёткие очертания, она слилась со зрачком, будто затянутая мрачным туманом. Люция не могла разглядеть этого с другого конца комнаты, но всё равно всхлипнула и закрыла лицо руками. Она уже знала правду, но слишком сильно боялась её принять.

Чайник засвистел, и, сняв его с печи дрожащими руками, Люция разлила кипяток в керамические чашки. Выдохшийся чай, затянутый мутной плёнкой, постепенно укрывал налёт на

потрескавшемся донышке. Теперь, когда буря миновала, они наконец могли поговорить о том, что делать дальше.

– Должны же быть другие способы. – Люция смотрела в тонкий просвет между задёрнутыми шторами пустым взглядом. Она поднесла плотно скрученную сигарету к тонким губам, затянулась и стряхнула пепел мимо пепельницы. – Кроме этого острова. Он ведь будет там совсем один.

– Зато его смогут вылечить, – неуверенно возразил Тори.

– Чушь. Никто ещё не вылечился. И не вылечится. Они сами не знают, что делать. Так он хотя бы останется дома.

Тори не мог спорить о том, о чём не имел ни малейшего понятия. Если бы отец сейчас был здесь, он бы точно разрешил все сомнения, но – какая ирония! – Тэо Рэсис находился где угодно, но только не дома. Какое ему дело до Декси, Тори и других скучных обитателей провинциального Флюмена, когда можно лечить столичных шишек и крутиться под носом у самой Сиятельной?

Проведя ещё некоторое время с Люцией и убедившись, что она немного пришла в себя, Тори засобиравшись домой. Он пообещал связаться с отцом и убедить его приехать, но задачка была не из лёгких. Если отправить аурограмму, аурографистка узнает, что Декси болен. Стражи не будут церемониться: как только до них дойдут эти новости, Декси заберут на Храмовый Остров силой. Можно было отправить письмо с грифоньей ласточкой, но кто знает, не перехватит ли его кто-то до того, как она доберется до адресата. Вероятно, Тори оставалось только отправиться в столицу и встретиться с отцом лично, попросив его о помощи. Он совершенно не представлял, что ему сказать, но и бросать друга в беде не собирался. Идея сообщить о нём стражам действительно казалась бредом. Кто вообще дал им право забирать людей от их близких и закрывать на дурацком острове? От этого ему точно не станет лучше. Тори прикидывал, сколько будет стоять дорога до столицы и получится ли ему поменяться сменами в котельной, чтобы выбраться к отцу. От этих сложных мыслей и так разболелась голова, как вдруг с улицы донеслись голоса. Тори и Люция вздрогнули и прислушались так напряженно, будто они прямо в эту минуту совершали что-то запретное. Впрочем, укрывать эгера вполне попадало под категорию «нарушение закона». Кто знает, чем всё это обернется...

– Люция! – В дверь оглушительно забарабанили.

Люция поднялась с места и по-кошачьи неслышно двинулась к дверям. Она знала этот голос и меньше всего на свете хотела видеть этого человека сейчас, но с женой эйра Брута шутить не стоило. Эта женщина и мёртвого из могилы могла достать, если ей что-то было нужно.

– Здравствуй, Роза. – Люция попыталась изобразить дружелюбную улыбку, но её губы невольно скривились. Она приоткрыла тяжёлую дверь так, что в узкую щель можно было разглядеть только треть её лица. Вбалмошная соседка сразу заподозрила неладное и, стараясь не подавать виду, принялась вытягивать шею в надежде заглянуть Люции за плечо и разглядеть, что она скрывает за спиной. К её несчастью, яркое солнце не оставляло ни единого шанса различить хоть что-то в мрачной гостиной.

– Виатор у тебя? – Неровно накрашенные красные губы Розы растянулись в лицемерной улыбке. Наверняка она уже сплела у себя в голове идиотский слухок о том, что Люция Рамио водит к себе мальчишку Рэсисов, и одни боги знают для чего.

– Да, – сухо ответила Люция, – они с Декси играют в Ловца Удачи.

– Вот как, – Роза помрачнела, не получив ни одной новой зацепки для своей отвратительной теории. – Тогда скажи ему, что у него гости.

– Гости? – вмешался Тори, выглянув из-за плеча Люции и скривившись от яркого света, ударившего в лицо.

Роза отступила, давая присутствующим разглядеть молодого человека лет двадцати пяти, всё это время стоявшего позади неё. Он был среднего роста, и всё в нём выдавало северные корни: бледная кожа, хрупкое телосложение, светлые волосы, достающие до плеч, и почти прозрачные голубые глаза, от которых даже становилось не по себе. Его шляпа напоминала скорее тюрбан, выполненный из дорогого фавийского шёлка с росписью. «Ну и пижон», – промелькнуло в голове у Тори.

– Да ведут вас небесные огни. Я ищу Виатора Рэсиса, – сдержанно пояснил гость. – Полагаю, это вы?

– Ага, я. – Тори вышел вперёд и прикрыл за собой дверь, чем окончательно лишил Розу возможности разжиться новыми сплетнями, заставив поспешно попрощаться и скрыться в дверях своего дома. Тем не менее он отлично знал, что через мгновение шторы на её кухне дрогнут и из-за них покажется любопытный нос, неустанно несущий свою вахту в мире соседских жизненных перипетий. Тори вновь окинул взглядом своего собеседника. – Но ко мне лучше «Тори» обращаться. А то много чести. Чем обязан?

– Меня зовут Абео Альбус. Я приехал поговорить о вашем отце.

Услышав это имя, Тори немедленно испытал жгучее желание выставить наглеца за ворота. Если бы при этом удалось хорошенько съездить ему по лбу, было бы вообще замечательно... Но Виатору пришлось взять себя в руки и настроиться на диалог. Он даже проводил незваного гостя к себе в дом и, миновав двор в неловком молчании, пригласил войти, чего сам от себя не ожидал. Однако Тори быстро удалось оправдаться в своих глазах, когда он, распахивая перед северянином дверь, сделал это настолько карикатурно галантным жестом, что движение наверняка заставило Абео почувствовать себя крайне неловко.

Да уж, только его здесь не хватало. И какая нелёгкая могла принести этого индюка? Неужели это следующая ступень отцовского равнодушия и теперь он будет посылать себе на замену хлипкого борейца? Абео неуклюже переступил через порог и остановился посреди комнаты, нервно потирая костяшки пальцев.

– Ну садись, – Тори кивнул в сторону дивана, а сам развалился в кресле, широко расставив ноги. Он собирался дать этому уроду понять, что хозяин здесь только один и выделяться перед каким-то учёным лбом он не собирается. Хотя, если бы в словаре было слово «выделяться», рядом с ним был бы изображён именно Тори, вальяжно раскинувшийся перед бедным северянином, всего лишь пришедшим поговорить.

– Спасибо, ты очень любезен, – сказал Абео и присел на край дивана. Интересно, он вообще улыбается? Даже при произнесении такой, казалось бы, нарочито вежливой фразы его губы не дрогнули в подобии улыбки.

– Так что там с отцом? – бросил Тори, стараясь не показывать своей заинтересованности.

– Ты человек дела, понимаю. Это хорошо. Ладно. Что ж, – Абео шумно выдохнул.

Кажется, эта речь давалась ему непросто, и Тори даже на мгновение стало жаль гостя. Но потом он вспомнил, сколько дифирамбов слышал в адрес этого человека от отца, который за всю жизнь сказал ему самому полтора добрых слова, и всё сразу встало на свои места.

– Эйра Тэо умер два дня назад.

Глава 3

Абео

Новость о смерти Тэо огорошила всё семейство Рэсисов подобно мешку с мукой, свалившемуся с верхней полки кухонного гарнитура. Не столько больно, сколько неожиданно. И вот ты стоишь, прибитый и лишённый способности трезво мыслить, и выглядишь как полный идиот. Попытаться отряхнуться или сразу бежать в ванную? А что, если мука слипнется в противные комочки в волосах? Так и после печального известия Тори совершенно потерялся, не понимая, что должен делать. Даже мама справлялась лучше: она целыми днями была занята приготовлениями к церемонии прощания и никому не позволяла себе помогать. Как будто возможность постоянно быть занятой облегчала её душу и не оставляла времени для тяжёлых мыслей. К слову, день прощания назначили на конец недели, что казалось Тори ироничным донельзя. Тело Тэо предали сожжению, как и любого умершего, имевшего дело с эгерумом. А раз тела нет, то и церемонию можно назначить тогда, когда всем будет удобно. Почему бы духу умершего не подождать денёк-другой, пока все друзья и родные не выберут удобное время между работой, походом в баню и традиционным вечером в кабаке?

Всё происходящее уже напоминало ночной кошмар, но у богов, видимо, чересчур жестокое чувство юмора, раз они решили не останавливаться на этом. Особенно Звёзднорождённым в этом помогла мама Тори, ведь именно она предложила Абео остаться у них до самой церемонии. Сердобольная женщина прониклась печалью несчастного борейца, потерявшего друга и наставника и, по её мнению, страдающего не меньше, чем от утраты родного отца. К тому же Абео ужасно ей понравился: он был учтив, превосходно воспитан, деятелен и во всём со всеми соглашался. Это особенно бесило Тори. Помимо людей и животных учёным следовало бы выделить отдельный вид живых существ – бесхребетные. Если бы Тори читал больше книг, он бы знал, что подобная классификация уже существует. Но в его мире пауки и скорпионы, относящиеся к ней, были воплощением ужаса и опасности. Абео же был воплощением скуки. Хотя и ужаса тоже, особенно в тот момент, когда оказалось, что их поселили в одну комнату. Северянин настаивал, что может спать на полу, лишь бы не причинять никому неудобств, но эйри Рэсис выгнала сына с его собственной кровати поганой метлой в надежде научить паршивца гостеприимству. Впрочем, Тори уже ничему не удивлялся: для него не было бы сюрпризом, если бы он однажды вернулся домой и узнал, что его заменили Абео Альбусом. Он ведь куда лучше справлялся с обязанностями примерного сыночка. Вставал в семь утра, носился как в зад ужаленный, помогая матери мыть посуду после ужина и мести двор, выслушивал её монологи о жизненных тяготах и кивал, как деревянный болванчик. Раньше утренние подъёмы были для Тори мучением. Он вставал ни свет ни заря со стоном, преисполненным страданий, чтобы отправиться на смену в котельную. Но теперь подрывался с удивительным энтузиазмом и, натянув штаны и быстро опустошив тарелку каши с комочками, пулей вылетал из дома. Даже тяжёлый труд, на который у Виатора была врождённая аллергия, становился не так страшен, как лишний час в компании мамы и отцовского подхалима.

Тори работал в банях эйра Тита, и они были, пожалуй, любимым местом всех флюменцев. Старое каменное здание раскинулось на добрую половину Квартала Сиятельной и ежедневно поглощало десятки жителей города через свои широко открытые, подобно пасти древнего кита, двери. Местные не были столь помешаны на чистоте, как могло бы показаться. Просто бани – это идеальный способ расслабиться после трудного дня, а также одно из немногих развлечений, доступное жителям провинциального города. Здешние посетители не только обмахивались косматыми лавровыми вениками и наслаждались нежными водяными потоками в бассейнах, усеянных чешуйками разноцветной мозаики. Они беседовали, обсуждали последние новости и сплетни, вели споры или хорошо проводили время в объятиях прекрасных юных

массажистов и массажисток. Эйра Тит не брезговал лично навещать своих гостей: его часто можно было застать степенно прогуливающимся среди резных колонн и блаженно вдыхающим клубы густого пара с ароматом цветочных масел. Несмотря на годы, хозяин не прочь был пощеголять: он всегда облачался в расшитые всевозможными узорами халаты ярких цветов и небольшую, но искусно украшенную драгоценными камнями феску, непонятно как держащуюся на лысине, обрамлённой завитками серебристых кудрей. Даже здесь, в городке на отшибе, эйра Титу удавалось сохранять столичные манеры, словно он принимал у себя в банях по меньшей мере императорский совет. Потому он выглядел особенно забавно в интерьерах самих бань. Хотя они и были выполнены с претензией на ноттскую роскошь, дешёвая плитка со временем оказалась усеяна сколами и трещинами, плесень под потолком каждый раз одерживала победу над уборщиками, а мозаики и фрески на стенах явно были выполнены человеком, для которого слово «искусство» – ругательное.

Внизу же, под всем этим великолепием, находилось ещё более прозаичное место – котельная. Попад туда, рядовой астрumeц мог бы подумать, что умер и ему открылись врата в саму Долину Тени. Пузатые трубы, подёрнутые ржавчиной, тянулись от пола до потолка, усеянные сотнями заплаток и вентилях всех форм и размеров. Духота стояла такая, что порой становилось невозможно вдохнуть, а перед глазами начинали плясать цветные пятна. В центральном котле, вокруг которого змеились трубы, бился золотистый свет – аура, – неиссякаемый источник тепла и света попадал сюда из преобразователей на крыше. Энергия небесных светил грела куда лучше огня, и её тёплые отсветы пробивались даже сквозь толстые железные стенки. Работа в котельной – трудная и опасная, а потому попадали туда лишь самые отчаянные ребята. Работяги, готовые на всё, лишь бы прокормить семью. Бывшие преступники, искупающие свою вину тяжёлым трудом. Или, например, мальчишка, не хватающий звёзд с неба, вопреки отцовскому желанию сделать из него великого человека. Тори всегда любил работать руками, и у него это отлично получалось. Разумеется, если позволить допустить кощунственное сочетание слов «любовь» и «работа». Едва ли Тори смог бы решить хоть одну простую задачу на вступительном экзамене в Университете Ищущей, зато ему с лёгкостью удалось бы сколотить из пары досок крепкий стул и выстругать на спинке узор невиданной красоты с помощью одного лишь туповатого карманного ножа. Тэо Рэсис часто, как никто, повторял фразу «Каждому своё» и в то же время не переставал мечтать об образованном ребёнке, который будет портить зрение в библиотеке, а не срывать спину на «грязной» работе. Но вышло как вышло.

Закончив смену, Тори возвращался домой и падал без сил на свою импровизированную лежанку из пары шерстяных одеял. Абео к этому моменту уже спал, аккуратно сложив идеально чистую одежду на стуле. Северянин не храпел и не ворочался, а на одеяле не было ни единой складочки, как будто он вообще не двигался. Иногда Тори даже начинал беспокоиться, жив ли его новоявленный сосед, но проверять не спешил. Не хотелось разочаровываться, если тот и вправду окажется просто спящим.

И только в те короткие моменты, когда дом смиренно затихал в ночной темноте, а скопившаяся за день усталость ещё не успевала полностью завладеть Тори, на несколько коротких мгновений он осознавал, что уже через пару дней ему придётся навсегда попрощаться с отцом. Иногда, когда кто-то резко исчезает из твоей жизни, ты вдруг понимаешь, что на самом деле потерял его гораздо раньше. Когда забываешь запах табака из его трубки. Когда он ошибается в письме и поздравляет тебя с восемнадцатилетием, а тебе уже девятнадцать. Когда мама наконец перестаёт по привычке ставить на стол три тарелки вместо двух. В последние два года папы почти не было в их жизни, и всё, что от него осталось, – это смазанные воспоминания о тех днях, когда они всей семьёй собирались у камина и читали вслух. Или и вовсе призрачные образы детских лет, когда небо казалось огромным, а отец приволок из столицы настоящий телескоп, в который можно было запросто разглядеть Путь Скитальцев. Теперь Тори нужно было смириться с мыслью, что того человека больше нет. Даже где-то там, за сотни миль

отсюда, в городе с высокими потолками и золотыми звёздами в кронах деревьев. В эти минуты к горлу подступал противный ком, и Тори упрямо переворачивался на другой бок и встряхивал головой, отгоняя секундную слабость. К этому времени дрема уже нагоняла его, пробираясь под одеяло и хватая за холодные пятки, и он проваливался в забытие, не видя снов.

Люция Рамио несколько раз заходила проведать эйри Рэсис и по-дружески выразить свои глубочайшие соболезнования. Мать Тори удивлялась, насколько соседка тонко чувствует её боль и вовлекается в трагедию их семьи. Она и не подозревала, что в подавленности Люции виновата совсем не смерть Тэо Рэсиса, а состояние её собственного сына, так и не проснувшегося с того рокового дня.

– Дайте мне немного времени, – нахмурился Тори, позволяя Люции подлить кипятка в свою кружку. Им впервые удалось встретиться и снова поговорить о состоянии Декси за день до церемонии. Улучшений не было, а единственный человек, которого они могли попросить о помощи, обратился в прах. Люция с таким рвением плеснула себе в чашку ликёра с белым мёдом, что места для чая почти не осталось. Поймав на себе взгляд Тори, она проделала то же самое и с его напитком, после чего подпалила сигарету, сделав воздух в комнате ещё более вязким. Тори отчаянно старался придумать другой выход из ситуации, но из-за предпохоронной суеты голова совсем не варилась.

– А что этот парень? Который у вас живёт. Разве он не работал с твоим отцом? – спросила Люция.

– Вроде того. Доставлял ему лекарства, – помрачнел Тори.

– Может, он сможет нам помочь?

– Я его не знаю. Не думаю, что ему можно доверять.

– Но что нам остаётся? – Голос Люции стал хриплым, а лицо осунулось. По ней легко можно было понять, что она часто и подолгу плачет. – Сколько он так протянет?

– Не знаю, – пожал плечами Тори.

– Так узнай! – вдруг сорвалась она, вскочив с места. – Пока его не нашли и не забрали!

– Эй, полегче! – Тори наморщил веснушчатый нос, и Люция притихла, устыдившись своего порыва.

– Прости, Виатор. – Она упала обратно на стул и принялась тереть пальцами виски. – Я просто... не знаю, что делать. Я боюсь за него. И мне не к кому больше пойти.

Тори не ответил и опустил взгляд в чашку. На поверхности образовалась белёсая плёнка, под которой виднелось отражение его лица. Глупая и растерянная мина смотрела на Тори со дна чайного моря. Может, где-то там есть чайный Храмовый Остров, куда забирают эгеров, разлученных с семьёй...

– Всё же попробуй поговорить с ним, хорошо? – Люция подняла на Тори усталые глаза, и тот едва заметно кивнул. Выходя, он небрежно снял с крючка затёртую бордовую кепку и натянул её по самые глаза, будто желая спрятаться от всего мира.

– Здравствуй! – Бореец слабо улыбнулся, оторвавшись от книги. Он сидел за столом и читал в свете аурного фонаря.

– Ага, – буркнул Тори и тут же нырнул в уже ставшую родной грудой одеял. Он торопливо отвернулся к стенке, чтобы Абео даже и не думал с ним заговорить. Северянин немного смутился, но, уже привыкнув к неприветливости своего соседа, пожал плечами и вернулся к чтению. Тори смотрел в стену, где маленький жучок-короед прокладывал себе путь сквозь трещину в дереве. Виатор с трудом сдерживался, чтобы не скрипеть зубами от негодования. Меньше, чем болтать с этим напыщенным умником, ему хотелось просить его о чём-то. Но потом он вспоминал измождённое лицо Люции и Декси, с каждым днём всё больше начинающего походить на мраморную статую...

– Эй! – Тори так резко сел на постели, что Абео подскочил на месте и едва не выронил книгу. – Ты ведь... работал с этими... неспящими, да?

– Не совсем. – Северянин несколько растерялся, но с энтузиазмом поддержал разговор: – Я держу аптекарскую лавку. Но я много общался с твоим отцом и помогал ему с небольшими поручениями. Поэтому кое-что успел об этом узнать.

– Вот как... – ответил Тори без тени заинтересованности. Абео смотрел на него, пытаясь изобразить дружелюбие, но Виатор чувствовал, что бореец его побаивается. Он был в его глазах шпаной, дворовым мальчишкой, который может в любой момент оттягать за уши и отобрать кошель с деньгами. Наверняка этот прохвост даже сейчас думал о том, насколько он умнее и благороднее. Успел кое-что узнать, вы посмотрите на него!

– А что, ты тоже интересуешься ремеслом врача?

– Боги упасите, – фыркнул Тори. – Что случается с теми, кто заболевает?

– Ох... Симптоматика может отличаться, но в общей картине люди засыпают и не могут проснуться. Это может длиться многие годы, до самой смерти. Так что лучше предотвратить критическую стадию и начать лечение при первых симптомах.

Тори начало мутить от обилия сложных слов, но он сделал глубокий вдох и взял себя в руки.

– А что, если всё же уснёт? Не проснётся никогда?

– Есть способы поставить такого человека на ноги. Но они очень опасны, и это может сделать только врач. Не все больные выживают при этой процедуре. К сожалению...

– Ты можешь рассказать, как это сделать?

– Что? Нет, я... Виатор, прости, но я не могу не спросить – почему ты об этом спрашиваешь?

– Твоё какое дело?! Не хочешь помогать, не надо!

– Подожди, я не хотел тебя обидеть! Просто нужно понимать...

– Пьёстё нузьнё панимать... – передразнил его Тори. – Отдыхай, умник. Завтра тяжёлый день.

В тот вечер они больше не говорили, но у Тори в груди ещё долго клокотала обида. Если бы он только мог вывести, как разбудить эгера без помощи этого крысёныша... Впрочем, решение быстро пришло ему в голову. Тори дождался, пока северянин уснёт, и, когда его дыхание стало ровным, выбрался из постели и прокрался к стулу, где тот оставил свои вещи. Кожаная сумка висела на спинке. Её ремешки расположились так симметрично, что Тори не удержался и потянул за один из них, прежде чем заглянуть внутрь. Там предсказуемо царил порядок. Аккуратно свёрнутое чистое бельё, которое Тори с отвращением обошёл вниманием, несколько записных книжек, дорогие перьевые ручки с золотыми наконечниками и ни единого пятнышка чернил вокруг них. В боковом кармашке, по соседству с увеличительным стеклом и зеркальцем, Тори вдруг заметил интересную вещь: золотую печатку с имперским гербом. Вытащив вычурную цацку, он повертел её в руках. Его не удивило, что Абео имеет пристрастие к подобным украшениям. Его мужественности они точно не угрожали, ведь нельзя разру-

шить то, чего нет. Тори бросил кольцо обратно в сумку и вернулся к поискам. Первая записная книжка оказалась бесполезной: она наполнилась рецептами каких-то снадобий, списками ингредиентов и цифрами. Даже если бы Тори знал хоть слово из упомянутых на страницах, он всё равно не мог бы угадать, что из этого может пробудить Декси. А вот вторая книга была куда интереснее: под обложкой из красноватой кожи с тиснением в виде корабельного руля скрывался личный дневник. Когда Тори провёл пальцем по корешку, ему в руки вдруг выпала светотрафия с женским силуэтом. Виатора разобрало любопытство: неужели у Абео бывали женщины? Эта мысль казалась нелепой: он готов был поклясться, что бореец в первый и последний раз прикасался к женской груди в младенчестве. Да и кто полюбит такого, как он? Даже если такая барышня и существует, Тори стоило бы побереечь глаза от подобного зрелища – пассивей Абео могла быть только толстая рябая бабища с кривыми зубами. И кривыми ногами. И носом. И вообще вся кривая! Тори затаил дыхание в предвкушении и поднёс светотрафию ближе к окну. Но его предположение оказалось ошибочным. С портрета на него смотрела девчушка лет четырёх. Румяные щёки на бледном лице, светлые косички, торчащие из-под пушистого мехового капюшона, и огромные чёрные глаза. Разочаровавшись и лишившись надежды поглазеть на циркового уродца и позубоскалить, Тори засунул светотрафию обратно под сгиб обложки и принялся читать. Поначалу Тори казалось, что он наконец нашёл что-то занятное, но уже через секунду вспомнил, с кем имеет дело. Записи в дневнике велись регулярно, и каждая из них была выведена идеальным почерком. А вот содержание оставляло желать лучшего: либо в жизни их автора не происходило ничего интересного, либо он совершенно не умел это интересное подмечать.

«Проснулся. Работал с девяти до восьми. В обед общался с профессором из Университета Иццией, диалог вышел весьма занимательным. Говорили о политике и послевоенных годах. Эйра Ситиус считает, что империя до сих пор находится в упадке, но пропаганда творит чудеса. Много думал. Плохо сплю в последнее время».

В тексте часто упоминалось имя Ривер, и Тори сделал вывод, что оно принадлежит либо девочке со светотрафии, либо таинственная цирковая уродина всё-таки существует. Во второе хотелось верить намного сильнее, и Тори нетерпеливо перелистнул страницы в надежде обнаружить её портрет. Между ними обнаружился только небольшой листок бумаги, и Тори едва успел подхватить его, пока тот не скрылся под столом, выскользнув из дневника. Он хотел было поместить его обратно, но заметил, что почерк отличается и кажется подозрительно знакомым. Приглядевшись, Тори обомлел – письмо принадлежало его отцу. Он стиснул зубы и замешкался: первым порывом было выбросить его за окно вместе с дневником, сумкой и их обладателем. Но Тори всё же взял себя в руки и начал читать.

«Дорогой друг!

Если ты читаешь это, я, вероятно, мёртв. Если это так, то прошу – не дай себя обмануть. Мой возраст, хоть и давал о себе знать, был не столь жесток, чтобы забрать меня в объятия Звёзднорождённых так быстро. Думаю, ты догадываешься, что могло стать настоящей причиной. Мне не раз намекали, что я должен остановиться, и я предвидел такой исход. Но кем бы я был, если бы это помешало мне докопаться до истины? Надеюсь, я успел тебе многое рассказать и ты не дашь моим трудам пропасть зря.

Молю, найди её и закончи то, что начал я. Сделать это будет непросто, но я уверен в твоём уме и находчивости. Подробные инструкции ты найдёшь в тайнике между лиловой мазью и соцветиями бессмертника. Думаю, тебе будет интересно наконец побывать там после стольких лет. Скажи, что тебя послал я, и выслушай её. Если я не ошибся, то у нас есть шанс наконец-то изменить мир.

Не дай этим бумагам попасть в дурные руки. Да и в какие бы то ни было, помимо твоих. Уезжай из города сразу, как получишь это письмо, не трать времени на лишние сборы и никому не говори, куда едешь.

И прошу, не проходи этот путь в одиночку. Рядом всегда должен быть тот, кто подставит плечо. Его адрес ты знаешь. Он не подведёт, я ручаюсь.

Прости, что вынужден говорить загадками. Но, как видишь, неосторожность уже погубила меня. Не дай ей погубить и тебя.

Береги себя. Я в тебя верю.

С любовью, Тэо».

С помощью канцелярской скрепки к письму крепилось ещё несколько бумаг. На одной из них обнаружилась карта, а другой оказался обрывок ещё одного письма. Оно было сожжено почти целиком, сохранилась лишь часть с загадочной последовательностью действий: подняться на вышку, зажечь корень краснотравника, ждать до рассвета. Перечитав всё это заново, Тори окончательно потерял связь с реальностью. Что всё это могло значить? Кому предназначалось письмо? И кого оно наказывало отыскать? Проведя нехитрое мысленное расследование, Тори выстроил теорию, что Абео убил его отца, а письмо, предназначавшееся кому-то из близких друзей, прикарманил. Ну а карта, очевидно, ведёт к кладу, который папа хотел сохранить в тайне. Тори метнул осуждающий взгляд на северянина: тот продолжал мирно спать, ни о чём не подозревая. Справедливая месть могла бы настичь его прямо сейчас, достаточно было только взять подушку и... Нет, так поступают только коварные приспешники болезненных королей из старых сказок. А настоящие мужики бьют морду. Этим Тори и займётся, как только выбьет из засранца чистосердечное признание. Но пропускать церемонию и расстраивать маму Тори очень уж не хотелось, поэтому он решил повременить с этим до вечера следующего дня.

Он засыпал с тяжёлым сердцем. И, как назло, именно в эту ночь его мучили кошмары о том, как у них во дворе останавливается белый экипаж и воины в золотых масках навсегда увозят маленького Декси прямо на глазах его рыдающей матери. Тори точно знал, что под одной из масок скрывается лицо его мёртвого отца, а под второй – самодовольно ухмыляющегося Абео, умытого кровью невинных.

Глава 4

Последняя дорога

Последняя песнь Юны звучит для каждого, чьё время пришло. В ней нет скорби и осуждения, лишь успокаивающая мелодия, уводящая нас прочь по звёздной дороге. Туда, где начинается вечная тень.
(Сказания о Звёзднорождённых)

В доме пахло яблоками и воском. Тихие голоса смешивались в монотонное марево, наполняющее каждую из комнат. Все поверхности были заставлены свечами и фонариками, чьё пламя трепетало, заставляя причудливые тени плясать по стенам. В центре комнаты на небольшом столике стояла светография мужчины средних лет. Он широко улыбался, и уголки его губ доставали едва ли не до поседевших бакенбард, обрамляющих лицо. Возле портрета покоились подношения: маленькие шерстяные игрушки, фрукты, еловые ветви, серебряные монеты и кольца. Когда человек отправлялся в Долину Тени, каждый из его близких хотел оставить небольшой подарок богине Юне, чтобы она с теплом приняла усопшего в свои объятия и позаботилась о нём в минуты его последнего пути. Для Звёзднорождённой всегда зажигали свечи и старались сохранять тишину.

И всё-таки, несмотря на ритуальные элементы, всё происходящее напоминало скорее встречу друзей, нежели церемонию прощания. Особенно учитывая то, что Тэо так и не вернулся во Флюмен. Тела никого из тех, кто работал с неспящими, не транспортировали – таковы правила. Слишком велик был риск, что эгерум выйдет из-под контроля. Хотя, если говорить честно, это уже давно произошло. Аструм каждый день наводняли новые люди с чёрными глазами, и никто так и не узнал, как это остановить. Тэо Рэсис мог бы стать тем, кто это изменит, но и он, увы, сошёл с дистанции, так и не докопавшись до истины. А теперь все его родственники и друзья собрались в его доме, чтобы почтить память, и всё, что у них есть, – портрет в парадной раме.

Люция Рамио тоже была здесь. Она большую часть времени проводила возле матери Тори и время от времени нервно заламывала худые руки, тревожно оглядываясь по сторонам. Ей казалось, что о её мрачной тайне уже знают все присутствующие и никто в здравом уме не поверит, что Декси срочно понадобилось отправиться к бабушке в Алиот, потому что она надеется увидеть внука, пока того совсем не затянула учёба. Иногда Тори встречался с эйри Рамио взглядом, и между ними будто бы происходил безмолвный диалог. Хотя вела его скорее Люция, надеясь вывести, узнал ли что-нибудь Тори. В голове же у него самого звучала одна лишь тревожная музыка и оглушительный звон тарелок. Иногда всё это сопровождалось фразой: «К такому меня жизнь не готовила, надо выпить». Чем Тори и занимался большую часть времени и к моменту произнесения прощальных речей уже изрядно захмелел.

Университетские друзья отца говорили долго, снова и снова передавая друг другу слово. Все присутствующие отзывались о Тэо с теплом и были рады предаться совместным воспоминаниям о нём. Абео на их фоне был немногословен: его речь вышла сухой и короткой. И всё же этот хорёк отлично вписался в компанию учёных лбов: все они были одеты одинаково нелепо, задирали нос и выпячивали грудь. Про себя Тори называл таких людей патриотами: их манера держаться заставляла думать, что у них в заднице скрывается как минимум флагшток с пурпурным полотном. Настоящей гордости имперца недостаточно, чтобы держать такую осанку, а вот палка в жопе очень даже способствует.

Тори наблюдал за северянином исподлбья. Он старался не сводить с него глаз в надежде раскрыть его мрачную тайну. Но Абео, как назло, устроился на диване среди стареющих врачей и с вежливой улыбкой поддерживал светскую беседу, не спеша рвать на себе рубашку и

каяться в содеянном. Пунш понемногу делал своё дело, и вот горячее сердце Тори наконец взяло верх над разумом. Как можно просто сидеть и смотреть на человека, который может оказаться убийцей твоего отца? А тот без зазрения совести прохлаждается в твоей гостиной и ест пироги, приготовленные твоей мамой?!

– Э! – гаркнул Тори, уронив тяжёлую ладонь на спинку дивана.

Мужчины вздрогнули и резко обернулись. Над ними возвышалась фигура Тори, до побелевших костяшек сжимающего обивку на спинке.

– Уважаемые, – добавил он, опомнившись, – можно я поговорю с... этим?

Присутствующие немного сконфузились от его формулировок, но с лёгким сердцем проводили нового товарища, посчитав их с Виатором старыми друзьями. Разве может сын не полюбить верного протеже своего отца?

– Всё хорошо? – с искренним участием поинтересовался Абео.

– А у тебя *всё* хорошо? – многозначительно парировал Тори.

– Насколько это возможно, – тоскливо вздохнул борец. – Эйра Тэо был мне очень дорог. Хотя кому я рассказываю... Моей утрате не сравниться с твоей.

– Ещё бы, – хмыкнул Тори, восторжествовав. Абео ни в чём не превзойти Виатора Рэсиса. Никогда!

– Так о чём ты хотел поговорить?

– Я знаю, что ты сделал. – Тори приблизился к Абео настолько, что от волнения на лбу северянина выступили капли пота.

– О чём ты говоришь? – непонимающе промямлил он.

– Не притворяйся. Это ведь ты, да?!

– Виатор, я не поним...

Договорить Абео не успел. Грубые пальцы Тори уже вцепились в его рубашку с расшитым воротом. За этим последовал резкий толчок в грудь, отчего северянин впечатался спиной в комод позади себя. Один из подсвечников с грохотом рухнул на пол, заставив всех присутствующих обернуться на звук.

– Тори, в чём дело?! – взволнованно воскликнула мать, бросившись разнимать сына и побледневшего гостя, испуганно уставившегося на него.

– Это он, – прорычал Тори, испепеляя северянина взглядом. – Папа умер из-за него!

Вырвавшись из захвата, Абео спрятался за спиной эйри Рэсис, пока разъярённый двухметровый сынишка покойного не успел отправить и его на тот свет.

– Ты что такое говоришь?! – прошептала мама, поправляя вздыбившийся воротник рубашки Тори.

– Не вмешивайся, – ответил он, дыхнув на неё парами пунша. – Я преподам ему урок.

– Дорогой, я понимаю, ты расстроен, – вздохнула она. Её усталые потухшие глаза были полны мольбы. – Но нам предстоит тяжёлый день. Нужно почтить папу как подобает. Давай не будем рубить сплеча? Если вы с Абео что-то не поделили, поговорите об этом после церемонии. Хорошо?

– Но...

– К тому же он завтра уезжает. Давай не будем портить впечатление о нашем доме.

Тори хотел возразить, но мама быстро скрылась в толпе, и он с недовольным видом рухнул обратно в кресло.

Следующие бокалы пунша он не считал и пил до тех пор, пока фигуры гостей перед глазами не превратились в разноцветных призраков. Всю оставшуюся церемонию Тори пропустил мимо ушей. Он тоскливо сверлил взглядом отцовский портрет, улыбавшийся ему из рамки. Даже после смерти папочка умудрился спутать карты, не дав сыну жить спокойно.

Когда большинство гостей разъехалось, самые близкие остались на ночную молитву, которая продолжалась до рассвета. Тори же ввалился в спальню и растянулся на кровати. Спина приятно заняла от мягкости матраса: неделя сна на полу давала о себе знать. Веки казались свинцовыми, но Тори выжидал. Наконец дверь приоткрылась, и в комнате появился Абео. Он неловко застыл в дверях, не зная, как себя вести. Заметив его, Виатор оживился и сел на постели, сверля бедного молодого человека суровым взглядом.

– Теперь нам никто не мешает.

– Виатор, я всё ещё не понимаю, о чём ты говоришь...

– Тори.

– Что?

– Называй меня Тори. Я же просил. – Высокорослый и пьяный в стельку, он выглядел угрожающе.

– Да, конечно, извини...

– Ты убил его?

– Кого? – И без того острое лицо Абео вытянулось.

– Отца.

– Я... Боги... – Он сполз по стене, округлив голубые глаза. – Тори, да как ты вообще мог такое подумать? Эйра Тэо был мне как о...

Он запнулся.

– Как отец? – усмехнулся Тори – Как мило.

– Это действительно так. Мы столько лет работали вместе, он знал обо мне всё. Как бы я посмел?

– Тогда о ком он говорил в письме?

– Ах, письмо... – Абео покосился на свою сумку. Тори даже на секунду представил, что сейчас доходяга рискнёт отчитать его за то, что тот рылся в его вещах. Но Абео продолжил как ни в чём не бывало: – На самом деле я рад, что ты его нашёл.

– Рад? – Тори опешил.

– Честно говоря, я прибыл сюда именно из-за него. Но не знал, как тебе рассказать.

Тори окончательно растерялся.

В результате долгого разговора и череды не самых приятных открытий выяснилось, что письмо действительно было адресовано Абео. И да, как в нём и упоминалось, Тэо не успел поделиться со своим любимцем всеми деталями ситуации, в которой оказался. Абео было известно лишь то, что это связано с исследованиями эгерума. Тэо оказался как никогда близко к разгадке и всё это время вёл переписку с какой-то женщиной.

– Вот же старый пёс, – на лице Тори мелькнула сальная ухмылка.

– Насколько я понял, она была из вольных, – продолжил Абео.

Тори не смог скрыть удивления. Когда вышел Указ об эгерах, мир начал жить по совсем иным, новым законам. И их нарушение каралось очень жестоко. Все больные эгерумом, вне зависимости от пола, возраста и социального статуса, обязаны были проживать на Храмовом Острове и не имели права покидать его под страхом смерти. Это считалось важным как для безопасности других жителей Аструма, которых они могли бы заразить, так и для их собственной. Простые люди не слишком-то задумывались о природе эпидемий и о том, что болезнь поражает таких же, как они. Увидев в доме по соседству человека с чёрными глазами, какой-нибудь крестьянин из западных провинций в лучшем случае сразу же донёс бы на него. А в худшем – тихо поджёл бы его дом следующей ночью, чтобы зараза наверняка не разошлась дальше. Хотя её распространение до сих пор оставалось загадкой. Тот же Тэо много лет работал с неспящими, как их принято стало называть в народе, да и Абео наверняка их встречал... Но его глаза выглядели совершенно обыкновенными. За исключением невыносимо скучного и тупого, по мнению Тори, взгляда.

– Существуют вольные поселения, скрывающиеся от закона. Эйра Тэо многие годы поддерживал связь с одним из них. Эгерка, с которой он общался, кажется, знает что-то, что ускользнуло от глаз врачей. И она приглашала твоего отца приехать к ним, чтобы увидеть это своими глазами. Но письмо, по всей видимости, перехватили. Кто-то очень сильно этого не хотел.

– Но почему? Что в этом плохого?

– Я не знаю, – покачал головой Абео, – но намерен узнать. Смерть эйра Тэо не должна быть напрасной. Особенно если это может спасти тысячи людей.

– Ну что ж, тогда флаг тебе в руки и барабан на шею. Читал, что у вас с отцом есть какой-то знакомый перец, который отлично справится со всем этим.

– Ты так и не понял, да?

– Не понял чего?

Тори снова захлестнула волна злости. Каждый раз, когда этот хлыщ намекает на то, что он недостаточно умен, Тори хотелось хорошенько пройтись кулаком по его зубам. Тори покосился на расписную тарелку, стоящую на полке серванта у противоположной стены. Интересно, если написать на ней «Самому большому нытику Аструма», это сойдёт за официальную награду?

– Эйра Тэо хотел, чтобы ты поехал со мной.

– Я? – Лицо Тори исказила насмешливая гримаса.

Тэо был убеждён в том, что его сын – идиот. Тори не раз ловил на себе его жалостливый и разочарованный взгляд. Он бы никогда не доверил ему что-то по-настоящему важное. И не упустил бы шанса лишний раз намекнуть, что всё могло бы быть иначе, проявляй Тори больше любви к знаниям и дисциплине.

– Твой отец сказал, что ты единственный человек во всём Аструме, кому он без сомнений доверил бы свою жизнь.

В горле резко начало саднить. Тори захлестнула такая волна чувств, что он не знал, как с ней справиться. Злость, обида и что-то ещё, доселе неизвестное, но заставляющее сердце биться чаще. Тори не привык выражать яркие эмоции, по его мнению, это было совсем не по-мужски. Обычно они варились в его голове, как в котле, пока тот не раскалялся и не сплавлял их все в мутный, обжигающий гнев.

– Да пошёл ты! – выкрикнул Тори. – Это всё брехня!

Абео молчал. Он смотрел на Виатора отвратительно сочувствующим взглядом. Северянин выглядел таким же эмоциональным, как дубовое бревно, и всё же тоже мог испытывать чувства. Тори видел, как он ему сопереживает, и это лишь сильнее его бесило.

– Ты всё это выдумал! Всё до последнего слова! Проваливай на хер, пока я тебе рожу не начистил!

– Мне и правда пора, – тихо ответил Абео. – Утром у меня поезд в Наос. Если ты настаиваешь, я могу переночевать в гостинице, но...

– Давай, скатертью дорожка, да ведут тебя небесные огни и всё такое. – Тори проследовал к двери и распахнул её, выжидаяще глядя на Абео. Тот накинул сумку на плечо и покорно последовал к выходу.

– Я буду ждать на станции завтра в семь, если передумаешь.

– Да-да, конечно, счастливого пути! – бросил Тори ему вслед и раздражённо захлопнул дверь с такой силой, что она едва не слетела с петель. – Вот же говнюк...

Глава 5

Полярная ночь

Вьюжники всегда распускаются день в день к празднику Бессмертного Солнца.

Северная земля только-только пробуждается ото сна, и снег будет лежать ещё долгие недели.

Но природу не обманешь: эти маленькие жёлтые цветы – словно звёзды, что светили богам с неба на заре времён. Они вторят замыслу Звёзднорождённых, пробиваясь сквозь толщу сугробов и извещая людей о наступлении весны.

16 лет назад

Монтис. Борейские провинции. Аструм

Ледяной ветер разбушевался, с грохотом срывая ставни и завывая, словно горная химера. Юлий выскочил на улицу в одном свитере с накинутым поверх жилетом и взялся чинить замок, пытаясь совладать с ним вмиг онемевшими пальцами. С горем пополам ему удалось приладить ставню на место, и он пулей влетел обратно в дом, оставляя на пороге снежные следы. Они мгновенно растаяли, заставив влажные пятна проступить на деревянной поверхности. Раскрасневшийся аптекарь вернулся за прилавок.

– Холодно сегодня, – он улыбнулся сыну, сидевшему на стуле и завязывавшему мешочки с травами, задумавшись о своём.

– Всегда холодно, – пожал плечами мальчик.

– Давай-ка подсоби мне ещё немного...

Тот радостно вскочил с места и бросился к столу с реагентами, спрятанным от любопытных глаз за ширмой, обтянутой синим шёлком. На ткани пестрели замысловатые геометрические узоры, напоминающие снежинки. Или звёзды, тут уж каждому своё. Сын Юлия обожал, когда отец просил его о помощи – ему ужасно нравилось смешивать цветные микстуры и порошки. Юлий ни на секунду не сомневался, что малыш продолжит его дело, когда подрастёт.

– Отрежь треть морозного корня, – скомандовал отец, и мальчик потянулся к ножу, пристав на специально приготовленную табуретку. – Теперь под пресс...

Во время работы он становился особенно сосредоточенным. Взгляд голубых глаз смотрел совсем по-взрослому, а точности движений порой можно было позавидовать. Отец с сыном погрузились в работу и едва не пропустили звон колокольчика над дверью.

– Доброго вечера, Сая, – широко улыбнулся Юлий. Его пышные усы растянулись над полными губами.

– Доброго, эйра Альбус, – пожилая женщина слегка склонила голову. – Холодно сегодня!

– Не говорите. – Юлий смахнул пыль с прилавка, порадовавшись, что хоть кто-то готов поддержать его ворчание по поводу ненастья. – Разбушевлась погода! Как ваша нога?

– Так и ломит, – вздохнула Сая. – Чуть только морозы ударят, так сразу спать не могу.

– Вам бы на запад, к океану. Там и воздух хороший, и погода что надо. Вмиг бы ваша нога в порядок пришла!

– Да куда уж мне, миленький, – тоскливо улыбнулась Сая. – Я северянка. Родилась здесь, здесь и помру. Ты же знаешь: мы как вьюжники – хоть куда высади, а приживаются и расцветают они только под снегом.

– И не поспоришь ведь. Север – он в крови. Так, значит, вам как обычно?

– Пожалуйста, дорогуша.

– Абео, принеси-ка лиловую мазь для эйри Саи! – крикнул Юлий, обращаясь к сыну.

Мальчишка целеустремлённо бросился к дальнему стеллажу, едва не снеся по дороге стеклянные пузырьки на нижних полках, и вытащил оттуда круглую жестяную баночку.

– Да хранят тебя Звёзднорождённые, – поблагодарила женщина, получив в руки заветную мазь.

– Да ведут вас небесные огни, – застенчиво пробормотал мальчик и стремительно скрылся за ширмой.

– Он у нас скромник, – рассмеялся Юлий. – Из книжек носа не показывает.

– Прекрасный мальчик. Уверена, он вырастет хорошим человеком.

Сая полезла в сумочку и выложила на прилавок десять серебряных монет. Солнце в обрамлении двух лун переливалось на отполированном аверсе, в самом центре имперского герба проступали очертания восьмиконечной звезды. Считалось, что именно она символизирует ту заветную искру, сверкнувшую в ладонях Звёзднорождённых и ставшую началом чело- века как сущности земной.

– Бросьте, Сая, – нахмурился аптекарь и вернул женщине три монеты из десяти.

– Ну что ж вы, право! Я женщина небедная...

– А я вам говорю – бросьте. Я вас предупреждал, что без скидки не обслуживаю. Считайте, что за красивые глаза, – Юлий подмигнул и расхохотался.

Сая смутилась и поспешно затолкала деньги обратно в сумочку, шутливо браня тучного ловеласа. Наконец распрощавшись с посетительницей, Юлий взглянул на часы и шумно выдохнул. Он запер входную дверь, погасил огонь в перегонном кубе и двинулся к лестнице, ведущей в дом. Сын последовал за ним, обогнав отца и прыжками взлетев вверх по ступенькам.

– Прохлаждаемся? – пробасил аптекарь, игриво выглянув из-за спинки кресла. Валена вздрогнула, не заметив приближения мужа.

– Сколько раз говорила – не подкрадываться?! – буркнула она. – Могу ведь и подстрелить!

Она угрожающе потрясла пистолем, всё это время лежавшим у неё на коленях. На столике рядом расположились шомпол, щёточки, бархатная тряпка и масла в маленьких пузатых сосудах. Даже в полуразобранном состоянии «Лис» выглядел величественно: длинный бронзовый ствол с гравировкой, с ювелирной точностью вырезанные части спускового механизма и рукоятка, действительно напоминающая своей формой лисий хвост, чему и было обязано своим появлением название. Валена всегда кропотливо подходила к вопросу ухода за оружием и могла часами заботиться о его исправности. Это доставляло ей особое медитативное удовольствие.

– Прибереги пули для охайцев. – Юлий чмокнул жену в щёку, отчего она едва заметно улыбнулась.

Валене всегда была присуща истинная северная холодность. Сдержанные жесты и мимика, тонкие черты лица и военная осанка, держащая её спину прямой, как натянутая струна. Ледяные голубые глаза, которые унаследовал и сын. Со стороны казалось, что эта женщина неприступна, как Бореиские Горы, но это только на первый взгляд. Под слоем брони и армейской выправкой скрывалось поистине тёплое и доброе сердце.

– Ну что, семейство? Боги ждать не будут! Живо собираться! – скомандовал Юлий, и жена с сыном отправились одеваться.

Закатная служба была самой любимой для маленького Абео. Тёмно-синее небо, усеянное звёздами, виднелось сквозь витражные церковные окна, создавая по-настоящему чарующую атмосферу. Мальчик удивлялся, почему службу называют закатной, ведь в полярную ночь бывали дни, когда солнце и вовсе не показывалось на небе. Прихожане собирались в глав-

ном зале храма Звёзднорождённых, рассаживаясь на скамейки, выставленные кругом вдоль главного монумента. Обычно в куполе храма делалось отверстие, чтобы солнечный и лунный свет беспрепятственно попадал на образы богов. Но на севере для этого правила разрешалось делать исключение, и крыша здесь тоже была витражной. Иначе службы пришлось бы проводить, высунув нос из огромного сугроба.

Старший салий уже стоял возле кафедры, улыбаясь новоприбывшим и охотно вовлекаясь в короткие беседы с каждым из них. Он был облачён в белые одежды, а его голову украшала традиционная остроконечная шляпа. Вышивка на его костюме и головном уборе мерцала оттенками золота, и Абео всегда рассматривал её как замороженный, каждый раз замечая всё новые переплетения и мотивы. С благоговением на салиев смотрели не только дети, но и все аструмцы: наместники Звёзднорождённых с малых лет посвящали жизнь тому, чтобы постичь природу людских создателей. Они всегда отличались мудростью и открытым сердцем, и в их компании можно было обрести душевное спокойствие и найти понимание.

Когда присутствующие наконец заняли свои места, салий начал говорить. Он, как всегда, с теплотой поприветствовал прихожан и восхитился красотой окружающей природы. В этом его поддержали не все: Абео буквально слышал, как у женщины, сидящей на соседней скамье, стучат зубы. Мальчика это ужасно позабавило, и ему пришлось закашляться, чтобы не рассмеяться вслух. На лицах людей тоже виднелись улыбки: они относились к суровости северной погоды с пониманием и даже любовью. Как любят непоседливое дитя или ворчливого старого дядюшку с зарослями волос в носу и скрипучим голосом. Но радость быстро исчезла, когда речь зашла об эгеруме.

– Нельзя умолчать о недуге, что терзает ваши души страхом. Ведь, убоявшись зла, мы позволим ему одержать над нами верх. Проклятая кровь охайцев отравила наши земли, и они изменились, как изменились и мы. Но прошу вас – не нужно бояться! Эгеры – это наши братья и сёстры, нуждающиеся в любви и заботе. Пусть их и немного, но мы должны принять их, как принимаем своих ближних. Наша любовь исцелит их души, а наша наука – их тела. Нужно лишь немного подождать.

Закончив говорить об эгерах, салий перешёл к теме прошедшей войны, оставившей свежие раны на теле империи. На шестой год люди устали и начали терять надежду, и чудо неожиданно воцарившегося мира стало для них не чем иным, как посланием Звёзднорождённых. Императрица Аврора, что принесла мир Аструму, быстро заняла важное место в сердцах людей, в очередной раз доказав, что благословен тот, кого боги избрали на трон пурпурной империи. И ничего, что войну развязала её же собственная мать, точно так же избранная богами. ... О таком в трогательных молитвах не упоминают. Говоря о том, как браво аструмские воины сражались за честь империи, салий едва не заплакал. На глазах прихожан тоже выступили слёзы, и его слова не оставили равнодушным никого. Абео едва ли понимал, что такое война, – он родился в год её начала, но никогда не видел её своими глазами. Для него она была чем-то вроде несносной кузины, промотавшей семейное состояние, из-за которой стенают всевозможные родственники, и потому она никогда не появляется на семейных сборищах, оставаясь чем-то вроде легенды. Так и война не добралась до севера, и жизнь маленького Абео по большей части была похожа на жизнь обычного мальчика в мирное время. Единственным, кого она у него забрала, была мама. Валена большую часть года проводила на фронте и возвращалась лишь на месяц осенью и весной, чтобы проконтролировать призыв новых рекрутов. Старший трибун никому не доверяла это ответственное дело, потому что была убеждена, что настоящий патриотизм начинается в сердце. Может, поэтому воины, вышедшие из её отрядов, были особенно горячи душой и всегда сражались вместе, действуя как единое целое. Но теперь, когда выстрелы в далёких краях отгремели, Валена вернулась домой и сейчас сидела рядом с сыном – как и все, внимая речам салия. Это всё, что мальчишке нужно было для счастья.

После службы в груди всегда разливалось приятное тепло. Экипаж степенно плыл по дороге, вдоль которой тянулись толстые трубы. Золотая аура билась под обшивкой, не давая земле замёрзнуть и защищая спящих мимо горожан от обморожения. Абео прильнул лбом к стеклу, в углах которого расплзлись причудливые ледяные узоры, и задремал.

– Эйра Юлий, – служанка показала нос из кухни, когда семейство Альбусов показалось в дверях дома, – ужин готов. Прикажете подавать?

Слуги не любили лишний раз привлекать внимание отца семейства, но от него нигде не было спасения. Он всегда оказывался на кухне в любой момент, чтобы проконтролировать происходящее и раздать бесценные указания. Юлий любил жаловаться, что домашние заботы отнимают у него время, которое он мог бы посвятить делу, грозился уволить всю прислугу за лодырничество, но на самом деле ему просто доставляло удовольствие участвовать в процессе готовки.

«Кто так режет морковь, Цея?! – доносился его басистый голос с кухни. – Ты хочешь сварить суп или отраву для всей семьи? Дай покажу!»

– Подавайте, – бросил Юлий, и служанка, с облегчением выдохнув, скрылась на кухне. – Милая, всё в порядке? Кажется, ты нервничаешь.

Валена поёжилась от того, как муж ловко считывал её эмоции, как бы она ни старалась их скрыть. Догадаться о её беспокойстве было не так уж и сложно: она разобрала свой пистоль уже три раза за день, а теперь вот не могла совладать с промокшей от снега меховой шапкой, пытаясь повесить её на крючок дрожащими пальцами.

– Да... Просто никак не могу привыкнуть. Ох уж эта мирная жизнь.

– Ну ничего-ничего, привыкай! Хватит уже воевать, эти твои охайцы даже у меня в печёнках сидят!

На ужин подали густой рыбный суп, картофельное пюре с бобами и копчёными колбасками, жареные коренья и медовый пирог. Юлий опустил на своё законное место и с наслаждением вдохнул насыщенные ароматы. Валена уже несколько месяцев как вернулась домой, но он радовался каждому семейному застолью, будто в первый раз.

– ...А ещё сегодня заходил тот дядя! Ну, который в смешной шляпе! – Абео взахлёб рассказывал матери о прошедшем дне, едва успевая жевать.

– Эйра Вентус, – пояснил Юлий, с трудом успевая вставить слово.

– Да! Он купил сразу пять бутылок той микстуры! Самой дорогой! Представляешь?

Валена натянуто улыбнулась сыну и встретила взглядом с Юлием.

– Его жене совсем худо, – вздохнул аптекарь. – Совсем не спит, по ночам лихорадит, и глаза всё темнеют...

– А новых заболевших нет?

– Слышал, что в Подгорном Квартале объявились ещё двое. Мрак знает что с этой напастью делать... Хорошо, хоть ты наконец домой вернулась. Правильно старший салий говорит – охайцы эту заразу нам и принесли.

– Среди охайцев я черноглазых не замечала, – задумалась Валена. – Ни одного. А вот наших – постоянно. Моих только трое за последний месяц.

– Ох, страшно жить, – заворчал Юлий, макая колбаску в брусничный соус. – Уже и не знаешь, чего ждать от завтрашнего дня...

– Юлий, – вдруг начала Валена, – я хотела тебе кое о чём рассказать...

Аптекарь поднял глаза на жену и напрягся. Он никогда не видел её такой. Поджатые губы, бегающий взгляд... Перед ним как будто был другой человек. Его Валену ничто не было способно напугать и сбить с толку. Она всегда смотрела прямо в глаза любому испытанию, будь то сражение с врагом на поле боя, воспитание сына или обучение нерадивых рекрутов. А

сейчас у неё словно выбили почву из-под ног. Хотя кому сейчас легко? Шесть лет проклятая война выжимала все соки из Аструма. И, хоть Валене и пришлось вернуться домой, сердцем она всегда оставалась там, на поле боя. Да и дома теперь не было отдохновения: проклятый эгерум мог добраться до кого угодно и напряжение постоянно витало в воздухе. Хоть сердца имперцев и наполнились надеждами на светлое мирное будущее, которое только-только расцвело впереди, им было просто страшно растить своих детей в мире, где можно однажды попросту не проснуться.

– Конечно, дорогая. Что такое?

– У нас... будет ребёнок, – сдавленно сказала Валена.

Глава 6

Фавийский экспресс

Взять билет на поезд – отличное решение в любой ситуации. Какой бы вопрос ты ни задавал себе, в стуке колёс всегда можно услышать ответ.

Наши дни

Флюмен. Эврийские провинции. Аструм

Абео шагал вперёд и с любопытством разглядывал улицы города: он не бывал во Флюмене раньше, и даже маленькие, ничем не примечательные домики отчего-то казались ему интересными. Столица империи быстро приелась молодому человеку: буйство красок и лиц в один момент сливается в единый серый поток, который ты попросту перестаёшь замечать. В провинциальном же городе каждый камешек на мостовой запоминается. Он не хранит отпечатков миллионов сапог, но абсолютно точно хранит свои собственные истории и секреты. И порой они куда душевнее и интереснее, чем мирахские сплетни и пустозвонство знатных толстосумов, слухами о котором полнятся столичные улицы.

Абео был одет в длинный жилет без рукавов, туго застёгнутый под горлом. Его светлые волосы аккуратно струились из-под шляпы. Борец выделялся на фоне выдавших виды улиц и дурно пахнущих каналов: ни единой складочки на рубашке и ни единой морщинки на лице. Что бы ни случилось, он всегда старался выглядеть опрятно – эта привычка передалась ему от отца. Юлий всегда говорил: «Даже если ты выставишь себя полным идиотом, никто не посмеет усомниться в твоей правоте, если манжеты твоей рубашки белее первого снега». Лишь одно омрачало светлый образ Абео: чувство беспокойства, пожирающее его изнутри и неизбежно отражавшееся во взгляде. Он совершенно не представлял, как проделает этот путь в одиночку. И хотя в глубине души он надеялся, что Тори передумает, на самом деле в это не верил. Упрямый мальчишка чётко дал понять, что ему всё это до лампочки.

Пригородная станция раскинулась прямо возле леса, одиноко желтея фонарями среди предрассветных сумерек. Из всего множества горело всего два. Они освещали небольшой вокзальчик, единственную платформу, мощённую узорчатой плиткой, и деревянную кабинку, выкрашенную зелёной краской. Внутри виднелся слабый свет. Заглянув за стекло, Абео увидел женщину в годах, прикорнувшую на кушетке у письменного стола. Она куталась в шерстяной платок поверх бордового жилета, пытаясь спастись от уже совсем осенней прохлады. Судя по всему, она продавала билеты, а заодно выполняла роль стража и главной по хозяйству. Обычно это бывали разные люди, но на маленькой флюменской станции едва ли хоть что-то происходило, так что смысла тратиться на лишних работников не было. Услышав стук в стекло, смотрительница подскочила и ещё несколько секунд пыталась понять, где находится.

– Извините, – виновато улыбнулся Абео, стараясь говорить не слишком громко. – Когда следующий поезд?

– Боги милосердные, а час-то который? – Женщина нацепила на нос маленькие очки в медной оправе и взглядела в часы за спиной Абео. – В семь пятнадцать, если на восток. Идёт напрямиком в Наос. А южный теперь только в полдень.

– Восточный как раз подойдёт, – обрадовался Абео. – Один билет, пожалуйста.

– Два, – послышалось у него за спиной, и, обернувшись, борец увидел знакомое лицо. Сонный и до ужаса недовольный Тори стоял, опершись на колонну с часами. У Абео словно камень с души свалился, и он с трудом совладал с приливом радости – Виатор всё-таки здесь! Впрочем, за радостью сразу последовала тревога. Вчера Тори выглядел таким разъярённым,

что, возможно, сейчас пришёл лишь для того, чтобы завершить начатое и всё же свернуть ему шею. Но Виатор продолжал стоять на месте и выжидающе смотреть на Абео. Лишних вопросов северянин задавать не стал, боясь спугнуть своё счастье.

– Фавийский экспресс обычно тут не останавливается, – уточнила смотрительница. – Только по требованию. Так что поторопитесь, а то провороните. Отсюда редко кто ездит в такую даль... Вы откуда такие взялись-то?

Окончательно проснувшись, женщина преисполнилась любопытства и привстала на цыпочки, пытаясь рассмотреть спутника Абео, мнущегося позади. Тори отвёл взгляд, чтобы билетёрша не увидела его лица. Вряд ли они с мамой пересекутся до его возвращения, но всё же ей не стоило знать, что он сел совсем не на столичный поезд. Матери Тори соврал, что едет в Мирах на пару дней – забрать отцовские книги. Её это ужасно воодушевило, и она за считанные секунды набила походную сумку сына таким количеством еды, словно собиралась накормить всех остальных пассажиров вагона, включая машиниста и проводника. Также в списке необходимого оказались парадные сапоги неуместно красного цвета, которые Тори никогда бы не надел по своей воле; шапка, боги знают кому нужная в тёплую мирахскую осень; любовно вышитый вручную плед... Виатор едва успел унести ноги, прежде чем мама заболтала его до смерти. По утрам он соображал туго и заочно ненавидел весь мир. Поэтому суета и кудахта-ние под боком сводили его с ума, заставляя думать, что компания Абео, может, не так уж и страшна. Мать поцеловала сына на прощание и благословила его короткой молитвой. Рядом с Тори невысокая женщина выглядела так, будто целовала ясеневое дерево, а не человека. Хотя по уровню интеллекта дерево вполне могло бы потягаться с Виатором Рэсисом, и исход сражения нельзя было бы назвать предопределённым. Кто знает, чего можно ожидать от этих деревянных гигантов? Тори уж точно был более предсказуемым.

По дороге на вокзал Тори сотню раз проклял себя за то, что всё же передумал. Он был твёрдо уверен, что никогда больше не увидит Абео Альбуса, но так и не смог уснуть, истязаемый сомнениями. Казалось бы, как можно чувствовать себя виноватым перед тем, кто целую неделю ел твою еду и трепал твои бесценные нервы?

– Мы... нам нужно в Наос, чтобы... – Абео замялся. Он явно не ожидал, что его будут расспрашивать, а о настоящей цели их путешествия говорить точно не стоило.

– Мы едем к дяде, – подал голос Тори, видя, что во вранье его спутник не преуспел так же, как и в попытках не быть полным придурком. – В гости.

– Ага, – кивнул Абео, – точно, к дяде.

Кажется, Тори начинал понимать, почему отец настоял на том, чтобы он составил этому остолопу компанию. Может, Абео и был умником в своих книжных штучках, но находчивости ему явно стоило поучиться. Тори даже испытал особенное гаденькое удовольствие оттого, что без него хваленый Абео Альбус точно нажил бы себе неприятностей. Смотрительница смерила их недоверчивым взглядом.

– Два билета, пожалуйста, – подытожил Абео.

– Взрослые?

– Да, – ответил Абео. Если Виатора можно было назвать взрослым... Может, официально это и было так, но этот человек меньше месяца назад слёг на два дня и пропустил работу из-за того, что накануне переел пирогов. На спор.

– Везёте багаж крупных размеров? Животных? Запрещённые вещества? Эгеров? – С этими словами смотрительница прищурилась и ещё раз заглянула ему через плечо.

– Нет. – Абео всегда забавлял этот вопрос. Неужели кто-то хоть раз ощутил раскаяние прямо на железнодорожной станции и решил признаться в том, что в его сумке отнюдь не бабушкино варенье и энциклопедии о растениях?

– Деньги вперёд.

Борец высыпал горсть серебряных эсов на стойку, и смотрительница их дотошно пересчитала. Она даже поднесла один из них ближе к лампе и, будь её воля, попробовала бы его на зуб, чтобы убедиться в подлинности монеты. Но, видимо, воспитание всё же не позволило этого сделать, и женщина спрятала деньги, после чего нехотя поднялась с места и вышла наружу. Поёжившись от холода, она двинулась к столбу у края платформы, перебирая короткими ножками и достав с пояса связку ключей. Их звон казался оглушительным в утренней тишине. Смотрительница поколдовала над щитком, и вскоре раздался щелчок. За стеклом ярчайшего из двух фонарей опустились полупрозрачные зелёные створки, и свет тоже стал зелёным, что сигнализировало машинистам проходящих поездов о том, что нужно остановиться. После этого смотрительница отмотала два билета с катушки, также висящей на поясе, и вручила их Абео.

– Спасибо, – искренне поблагодарил её северянин. – И простите, что потревожили...

– Пустяки, – неубедительно отмахнулась смотрительница и направилась обратно в будку, бормоча что-то себе под нос.

Спустя десять минут поезд и правда показался на станции. Величественный, увенчанный золотым крылом, отмеченный гербом Аструма в виде двух лун и солнечных лучей, с тонко выполненными узорами на рамах круглых окон.

– Ваши билеты? – высунулся из вагона сонный проводник с пышными усами. Его высокая бордовая шляпа с кисточками едва не слетела с головы, зацепившись за верхнюю планку дверного проёма. Он явно не ожидал пополнения из забытого богами Флюмена, но был рад возможности покрасоваться. Всего два слова, а сколько в них звучало эмоций! И строгость, и величие, и приветливое радушие. Говорить так – искусство, совершенствуемое годами.

Аструмцы любили поезда как никто другой. Империя славилась своими железными дорогами, объединившими все четыре провинции и дающими возможность попасть куда угодно, стоило лишь захотеть. Внутри купе, даже если поезд был ближнего следования, всё равно царила особая атмосфера изысканности. Интерьеры вагонов не уступали богатым столичным домам: лакированное дерево, отделка цветными металлами, бархатом и витражными стёклами. Расписные панели, блестящие решётки, замысловатые узоры на дверях, оконных шторах и даже вдоль потолочных карнизов. Тори последний раз ездил на поезде в глубоком детстве, но ему хорошо запомнилось ощущение праздника, создающееся внутри этой гигантской машины. Правда, сейчас поводов для радости было куда меньше: пусть смотрительница и поверила в то, что они отправляются к дяде в гости, сам Тори совершенно не представлял, что на самом деле ждёт их в пути.

Первые минуты они ехали в неловком молчании. Абео не решался заговорить, боясь снова разозлить своего вспыльчивого спутника.

– Ну и куда мы держим путь? – нетерпеливо спросил Тори, откинувшись на спинку мягкого диванчика, обитого лоснящимся дамаском. Он старался выглядеть абсолютно равнодушным, но выходило у него не очень хорошо.

– Доедем до Наоса, а дальше – пешком на юго-восток. – Абео достал из сумки карту и развернул её на столе. Он прищурился так, словно ему нужно было усилие, чтобы разглядеть мелкие буквы, напомнив Тори его бабушку, сгорбившуюся над книгой. – Придётся пройти через горный хребет и Искристое Ущелье. Эйра Тэо пометил примерное место встречи со связным вольных. Нужно будет подать сигнал, а дальше...

– Ты там бывал? – прервал его Тори.

– Нет. Я собирал для них лекарства, но их забирал человек эйра Тэо ещё в Мирахе...

– Ты помогал диким эграм? – прищурился Тори.

– Вольным. Немного помогал.

– Может, ты и с бандитами дело имел? – Это должно было прозвучать осуждающе, но Тори плохо удалось скрыть нотки восхищения в голосе.

– Конечно, нет. Они никакие не преступники, а такие же люди, как и мы. К тому же эйра Тэо был близок с некоторыми из них, если судить по его рассказам.

– Ну дела! А ты? Видел их когда-нибудь? Страшные, наверное!

– Тори, я же говорю – они ничем не отличаются от нас, только цветом глаз... Ну и, может, некоторой болезненностью из-за лекарств. Морок, как они его называют, здорово бьёт по здоровью.

– А та девчонка на фотографии – она тоже из этих вольных?

– Нет, – вдруг нахмурился северянин, – она не из вольных.

– А кто тогда?

– Давай лучше о деле, хорошо? – Абео всеми силами надеялся избежать этого разговора, а Тори было не слишком интересно слушать истории о его скучной жизни, поэтому он решил не настаивать.

– Ну и сколько нам туда тащиться?

– По моим подсчётам, день или два.

– А снаряжение у тебя с собой есть?

– Снаряжение? – Абео растерянно уставился на Тори.

– Уважаемый, ты хоть раз бывал в походе?

– Нет...

– И ты собрался просто так пёхать в горы без подготовки?

– Я как-то об этом не подумал. А что для этого нужно?

От такого поворота Тори даже растерялся. Ему казалось, что Абео шутит. Нельзя же быть настолько неприспособленным к реальной жизни истуканом! Но чем больше Тори всматривался во взгляд наивных голубых глаз, преисполненных смята, тем больше понимал, насколько всё на самом деле плохо.

– Ну ты даёшь, – усмехнулся он. – Палатка, пара спальников, котелок, аптечка, фонари, вода, еда. Ну это так, из основного. Ещё не помешали бы хорошие ботинки, – Тори покосился на нарядные сапоги Абео. Выглядели они дорого, но их удобство вызывало сомнения. – Если идти в плохой обуви, потом три недели будешь пятки по кускам собирать. Ты что, с луны свалился? Как тебя угораздило никогда не ходить в походы?

– На севере с этим трудновато, – замялся Абео. – Нельзя уходить далеко от города, иначе можно замёрзнуть. А после того, как мы переехали, было... не до этого.

– Да уж, и я ещё считал, что из моего бати плохой отец... Как можно воспитать сына мужиком, если он таких простых вещей не знает?

– Мой отец воспитывал меня хорошим человеком, а не «мужиком», – нахмурился Абео.

– Кажется, я начинаю понимать, почему ты такой... – прыснул Тори.

Абео ничего не ответил, лишь нервно запустил руки в сумку и извлёк оттуда книгу «Борейские легенды: химера Медвежьего Озера» и уткнулся в неё, поджав под себя ноги. Тори мысленно махнул рукой на своего странного попутчика. Даже если и обиделся – подумаешь, какой нежный... Может, оно и к лучшему: так можно хотя бы быть уверенным, что он ещё долго будет молчать.

В дороге время тянется медленно и возвращает человека к двум его главным природным инстинктам: томно размышлять о смысле бытия под стук колёс и есть за троих.

Виатор не стал церемониться и достал из сумки половину курицы, завернутую в бумагу с маслянистыми пятнами. Запах тут же расплылся по купе, заставляя желудок заурчать довольным котёнком. Абео даже бровью не повёл и продолжил пялиться в книгу, поэтому Тори не стал предлагать ему разделить трапезу и с блаженным видом вгрызся в аппетитную куриную ножку, давая жиру растечься по губам. Однако он не испытал того удовольствия, которого ожидал. Что-то мешало ему насладиться вкусом, хотя он точно знал, что мама в очередной

раз превзошла саму себя. И вдруг Тори с ужасом осознал: это был укол совести. Чудовищное чувство, с которым путь Тори чаще всего не пересекался. Но сейчас оно накрывало его с головой. Может, не нужно было так резко себя с ним вести? В конце концов, с момента их первой встречи Абео не сказал Тори ни одного дурного слова. Но он такой напыщенный, такой правильный, такой... Проклятье!

– Слушай, ты не обижайся, если что, – выдавил Тори, пялясь в окно на проплывающие мимо облака. – Я не хотел говорить плохого о твоём отце. Чем он, кстати, занимается?

Абео медленно опустил книгу.

– Он умер, когда мне было четырнадцать.

– Оу, – сконфузился Тори.

– Да ничего. – На лице Абео впервые за всё время их знакомства появилось что-то напоминающее улыбку. – Это всё в прошлом. Но вот, как видишь, я не знаю, что нужно в походе, зато знаю, сколько нужно варить морковь до идеальной консистенции.

– А ещё ты умник, – Тори кивнул на книгу в его руках.

– Вообще-то это не очень... кхм, умная книга, – возразил Абео. – Скорее красивая сказка. О Медвежьем Озере. Просто интересно читать о месте, где ты сам бывал.

– Это где-то на севере?

– Ага. Рядом с Монтисом. Мы с... – Он осёкся. – Я любил гулять возле него, когда был ребёнком.

Абео запнулся. На него нахлынули воспоминания. Солнечные и одновременно покалывающе ледяные, как полярный день. Отчего-то ему захотелось сделать вид, что на картинах прошлого он совершенно одинок. Но это было не так, и сердце защемило. Бореец сглотнул и, пытаясь сохранить лицо, протянул книгу товарищу:

– Хочешь почитать?

– Не-е-е, – отмахнулся Тори. – Книжки – это не моё. Может, лучше в Ловца Удачи рубанём?

– О боги, только не это.

– А кости-то тебе чем не угодили?

Абео ненавидел Ловца Удачи. Ему было непонятно, как люди могут проводить часы за игрой, построенной на чистой случайности. В ней не нужно было ничего уметь, только знай себе бросай кости и проигрывай баснословные деньги очередному пьянчуге из кабака. Никаких интеллектуальных усилий, самосовершенствования, здоровой конкуренции...

– Разве это не круто? – продолжил Тори. – Никогда не знаешь, что тебя ждёт!

– Какой смысл в чём-то соперничать, если развязка от тебя не зависит?

– Почему это не зависит? Может, ты просто не считаешь себя удачливым? – прищурился Виатор.

– Не особенно. Я не верю в удачу. Всё случается просто потому, что так заведено богами. – Абео начинал походить на проповедника. – Хрон давно сплёл паутину бытия, а мы можем лишь следовать его дорогой...

– Нет, ну какой же ты всё-таки зануда. А я вот в свою верю. И знаю, как её призвать.

– Да ну? – явно из вежливости спросил борец. – И что же это за методы такие?

– А вот сыграй – и узнаешь!

– Нет, Виатор, извини. Я лучше почитаю. Но спасибо за предложение.

С этими словами Абео перелистнул страницу и снова погрузился в текст. Тори тоскливо вздохнул. Видят боги – он попытался! Ну кто вообще может подружиться с таким невыносимым человеком? Паутина бытия, вы только послушайте! Впрочем, ему не нужен был собеседник, чтобы отлично провести время. В поезде и так масса интересных занятий: лежать, есть, дремать, слоняться по коридорам туда-сюда, снова лежать...

К вечеру солнце степенно скрылось за горизонтом, превратив деревья и аурографные столбы за окном в чёрные силуэты, проступающие из темноты лишь в отсветах золотистых маячков проходящего поезда. Иногда вдалеке показывались огни деревень и небольших городов, вскоре снова исчезая в тенях и уступая место уже проявившимся на тёмном небе звёздам. Спать под стук колёс, наверное, величайшее блаженство в мире. Слившись с потоком пространства и времени, ты словно застываешь в моменте, где нет прошлого и будущего. Лишь размеренное покачивание, будто волны Моря Истоков несут тебя куда-то вдаль, к спокойствию и просветлению... И, конечно, к разбойникам с чёрными глазами, поджидающим тебя в глубине леса, чтобы украсить частокол у своей хижины твоей головой. Не лучшая картина для представления перед сном, но именно она застыла в голове у Тори с тех самых пор, как он решился на эту авантюру.

Наутро Тори обнаружил своего спутника ровно в той же позе, что и прошлым вечером. Если бы он не видел, как Абео ложился спать, аккуратно сложив жилет и идеально ровно прислонив сапоги друг к другу под спальной полкой, то подумал бы, что тот просидел так всю ночь. На столике возле северянина стоял на треть полный стакан молока и лежал надкусанный кусок хлеба. Рассчитывать на приятную беседу не пришлось: за весь день они перекинулись парой слов, которые так и не превратились в нормальный разговор, и Тори уже готов был прочитать молитву Звёзднорождённому, лишь бы они поскорее приехали в Наос. Но прибытие было запланировано ночью, а значит, ему предстояло маяться от безделья ещё целый день.

Пару раз Тори выходил в тамбур, где ошивались двое почтенных эйра с другого конца вагона. Они курили через длинные мундштуки и высоко задирали подбородки при разговоре. Сначала Тори обрадовался возможности завести новые знакомства и не торчать в обществе унылого борейца. Но мужчины оказались не лучше его соседа: хоть они и любезно поделились с парнишкой сигаретой и охотно позволили ему вовлечься в их беседу, по итогу она вышла ужасно скучной. Почтенные эйра обсуждали сегодняшнюю газету, на первой полосе которой пестрел заголовок об истечении сроков мирного договора с охайцами. Близились новые переговоры с Золотой Четвёркой, и императрице предстояло решить судьбу Аструма на ближайшее будущее. Если аструмцы и любили говорить о чём-то больше, чем о Великой Войне, то... Вообще-то нет, именно Великая Война была самым лакомым кусочком в рационе любого уважающего себя словоблуда. Одни смаковали привкус имперского величия, год за годом вспоминая славную победу над охайцами. Другие обращались к прошлому, чтобы подчеркнуть, какой безыдейной стала молодёжь и что наследие великих предков утрачено навеки. Третьи без конца строили предположения, повторятся ли военные ужасы снова. Теории заговора относительно коварных охайцев, только и ждущих, чтобы ударить Аструм в спину, множились в таких количествах, что в некоторых из них уже не было ни охайцев, ни даже аструмцев, а одни лишь пространные причитания о надвигающейся буре. Никакая из этих тем не заботила Тори. Война вызывала в нём интерес, только когда дело доходило до баек старых солдат об их похождениях. Или когда появлялась надежда, что ему дадут потрогать настоящий пистоль. Но подобных перспектив в компании почтенных эйра не намечалось, поэтому разочарованный Тори поспешил вернуться в купе. Он мнил себя героем сражения, потерпевшим позорное поражение. Никаких тебе победных стягов и грудастых девиц. Только трясущийся поезд, тесное купе, окутанное чарующим ароматом ног, и скучная борейская рожа на соседней полке.

– А-а-а-б-е-е-о-о-о... – протяжно простонал Тори, – ну давай сыграем...

Он не оставлял попыток уговорить товарища на партию в Ловца Удачи. Эх, был бы на его месте Декси, он бы уже последние штаны проиграл. А потом отыграл их обратно и дважды проиграл снова.

– Я же говорил – это глупая игра, – вздохнул Абео, вынужденный снова отвлечься от чтения. Не то чтобы общество Тори ему сильно досаждало, просто книга действительно была интересной. Уж точно интереснее, чем то, что мог предложить его спутник. Да и время за чтением летело быстрее. Абео не терпелось скорее отыскать вольных и прояснить ситуацию. Как только он задумывался об этом, сердце начинало биться с удвоенной силой. Что, если всё это – большая ошибка и он так никогда и не узнает, от чего умер Тэо Рэсис? Или – если Тори окажется прав и вольные действительно окажутся жестокими дикарями...

– Признай, ты просто боишься проиграть. – Хитрая улыбка озарила лицо Тори.

– С чего ты это взял? Я совсем не боюсь. Просто не хочу.

– Тогда давно уже сыграл бы! И доказал мне, что игра глупая.

– Тьма... – Абео понимал, что пожалеет об этом. Но иногда проще сдаться, чем продолжать сопротивление. – Ну хорошо, давай сыграем.

Тори настолько обрадовался, что мгновенно оживился. Он подскочил на месте и отточенным движением достал из поясной сумки бархатистый мешочек.

– Они у тебя что, всегда с собой?

– Шutiшь? Конечно! Редкий набор!

Ослабив тесёмку, Тори с торжественным видом высыпал на стол комплект из двух шестигранных костей. Ничем в мире Виатор Рэсис не гордился так, как костями из нокса – редкого минерала, который добывали только в Хадаре, маленькой шахтёрской деревушке на самом краю бореиских провинций. Мало кто был способен стерпеть морозы, которые держались там круглый год. Даже Абео, слыша истории о храбрых рабочих, которые отправлялись туда на заработки, диву давался – неужели где-то может быть ещё холоднее, чем в Монтисе? Как вообще можно такое пережить?

– Откуда они у тебя? – спросил Абео, потянувшись к одной из костей, за что тут же получил шлепок по руке.

– Можно трогать только левой, – цыкнул на него Тори.

Северянин удивился, но спорить не стал и взял кубик в руки, поднеся его к глазам. Поверхность минерала светилась восхитительными переливами от чёрного к синему. Кое-где мерцали голубовато-зелёные прожилки, а под определённым углом можно было разглядеть золотистый отсвет. Точно само северное сияние заключили в камне... На каждой из граней была нанесена ювелирно точная гравировка. Две, три, четыре, пять и шесть точек образовывали геометрические фигуры, соединённые тонкими золотыми линиями, а с грани, на которой должна была быть единица, смотрела голова одноглазой кошки.

– Красивые, да? – ухмыльнулся Тори, видя восторг в глазах Абео. – Стоили как половина коровы! В кабаке ими, конечно, не поиграешь – свистнут в два счёта... Но ты вроде как честный малый. А если вдруг что, то тебе-то уж я задницу надрать сумею.

– Я никогда не брал чужого, – обиделся Абео. – Но да, они и правда очень красивые. Прекрасная работа.

– То-то же! Ну что, тогда к делу?

Тори с умным видом достал из кармана маленькую книжечку размером с ладонь, очевидно, сделанную своими руками. Кожаная обложка скрепляла небрежно сшитые страницы, торчащие во все стороны. Добрая половина из них была покрыта неровными столбцами цифр, нацарапанных карандашом, жирными пятнами и даже каплями вина. Во всяком случае, Абео хотелось думать, что это вино, а не трофейное свидетельство набитой за проигрыш морде.

– Напомнишь правила? – нерешительно спросил он. – Последний раз я в это играл, когда был подростком.

– Ничего сложного. – Тори наслаждался каждой секундой происходящего, словно объяснял не правила игры в кости, а по меньшей мере причины экономического подъёма империи в последние два века. – Нужно набрать сто очков. Бросаешь кость сколько хочешь раз и

записываешь, сколько у тебя получилось. Но если тебя поймал Ловец Удачи, – Тори указал на изображение одноглазой кошки, – теряешь все очки за кон и отдаёшь ход дальше.

– Как же это глупо, – покачал головой Абео.

– Только если боги тебя не любят, – оскалился Тори.

– Между прочим, я слышал, что Звёзднорождённые не очень-то жалуют эту игру. Якобы её придумал их четвёртый потерянный брат, бог неудачников.

– Даже если и так, я бы и его обыграл, если понадобится!

Абео не стал акцентировать внимание на том, что обыграть бога неудачников (если он, конечно, существовал бы) – не самое впечатляющее достижение. Лучше позволить Тори насладиться своим звёздным часом, пока он снова не начал пить и обзывать.

Несмотря на скептицизм, северянин быстро втянулся в игру. Ему пришлось признать, что процесс оказался невероятно азартным. Только-только тебе кажется, что ты на коне, и вот – злосчастная единица, и эта проклятая кошка, смотрящая тебе прямо в душу.

– Пять очков, передаю ход.

– Пфф, всего пять? – Тори посмотрел на оппонента с жалостью.

– Я не хочу потерять и их, если опять выпадет один.

– Дилетант! Ну ладно, пять так пять.

Они потеряли счёт времени и провели за игрой почти весь день, прервавшись только раз для того, чтобы пообедать. Тори был куда более самоуверен, чем Абео, и всё чаще рисковал. Он бросал кость исключительно левой рукой, потирал нос, когда выпадали нечётные числа, прижимал кубик ко лбу, если набиралось больше пятнадцати очков... Но всё же Абео в какой-то момент стал ощутимо вести по счёту, и это очень злило Тори.

– Да откуда у тебя столько набралось?!

– Если быть терпеливым и записывать понемногу, это куда безопаснее, чем ставить на всё.

У Тори внутри всё кипело оттого, что Абео даже азартную игру умудрился сделать занудной. Тем не менее ему наконец начало везти, и за этот кон он заработал уже восемнадцать очков. Если сейчас не выпадет единица, он наконец обгонит этого неудачника...

Внезапно поезд вздрогнул. Мощный состав завизжал, и Тори почувствовал, как его буквально впечатывает в стену. Свет погас, и перед глазами от неожиданности заплясали цветные пятна. Вагон стремительно сбавлял скорость, ходя ходуном, а под ним что-то скрежетало и грохотало. Стены задрожали, а стёкла на окнах покрылись паутиной трещин. Затем поезд завалился на левый бок, подняв столп искр, пропахал ещё несколько метров и наконец грузно остановился. Наступила тишина.

Глава 7

Ривер

*Только дитя хранит в своём разуме истинную мудрость.
Оно трезвее и справедливее любого учёного мужа, ибо не очернены
мысли его скоротечным и жестоким бытием, и каждый шаг его, каждое
слово и порыв продиктованы одним лишь сердцем, что жаждет познания
и любви.
(Сказания о Звёзднорождённых. Книга Хрона)*

16 лет назад

Монтис. Борейские провинции. Аструм

– Какие новости? – Юлий заглянул через плечо жены и выхватил взглядом несколько строчек из отчёта с пурпурной печатью.

– Никаких, – мрачно ответила Валена. – Ты же знаешь – в Монтисе ничего не происходит.

– Ну и слава богам! И ещё сто лет бы ничего не происходило, – улыбнулся аптекарь, бережно приобняв Валену за плечи. – Пусть лучше эти мальчишки и девчонки метут улицы и спасают котят с деревьев, чем гибнут мрак пойми за что.

– Они патриоты, Юлий. Они гибли за свою страну.

Юлий посмотрел на жену с сочувствием. Всё в ней выдавало жалость к себе и злость от осознания собственной ненужности. Когда Валена вернулась в Монтис, у неё поначалу только прибавилось дел: разбираться с послевоенными беспорядками в боевом составе, в инвентаре, в бумагах, в головах – та ещё задачка. А вишенкой на вершине пирога стали трибуналы, в коих, конечно, было мало веселья, но дело есть дело. Для всех Альбусов ситуация оказалась выигрышной: Валена оставалась при делах, а её родные были рады, что она наконец-то дома. Даже служанки оживились, наконец перестав переживать за то, что однажды хозяйка может просто не вернуться, оставив их на произвол судьбы и единоличное командование болтливому Юлию. Но шли месяцы, и душа Валены была не на месте: ей стало невыносимо скучно. В грязи и пыли, под градом стрел и пуль, на волоске от смерти она чувствовала себя собой. Родовой особняк был мил её сердцу, но ещё милее был походный котелок и палатка на девять человек, где стоит такой густой запах пота и железа, что никакие сражения уже не страшны. А теперь Валене приходилось привыкать к новой роли. За шесть военных лет она начала забывать, каково это – быть женой и матерью. Сын стал уже совсем взрослым: у него появились собственные мысли, чувства, желания и стремления. И хотя в нём всё ещё было бесконечно много детского задора и непосредственности, он больше не был тем беспомощным малышом, который не мог заснуть без песенки на ночь, и часами наслаждался родительским обществом, не отходя от Валены и Юлия ни на шаг.

Глядя на жену, Юлий невольно задавался вопросом: рада ли она тому, что им предстоит? Или этот ребёнок станет камнем на её шее? Ведь как бы он ни хотел убеждать себя, что Валене хорошо дома, она отчаянно искала чего-то большего, чем бумажная работа и ежедневная задача нагоняев ленивым городским стражам, с которыми ей теперь приходилось работать. Мир наступил для всех, кроме неё – той, кто не знал себя иную. Бесспорно, она была счастлива в окружении родных, но неужели ей до конца жизни придётся мириться с простым обывательским существованием? Дом, работа, семья? И золотой орден, пылящийся на полке среди безвкусных фарфоровых статуэток и фамильного сервиза.

– Я похожа на гусыню, – тоскливо вздохнула Валена, неуклюже усаживаясь в кресло. Её тело заметно изменилось, хотя даже в новом образе она всё ещё сохраняла былую грацию и силу в каждом движении.

– Ты похожа на Звёзднорождённую, которая носит под сердцем Хрона.

– Богохульник.

– Тогда на императрицу, ждущую наследницу!

– Лстец, – хмыкнула Валена, но всё же улыбнулась: – А может, там всё же наследник?

– Наследник у нас уже есть. Но на престол мальчишек не пускают, – улыбнулся Юлий, потрепав сына по волосам. – Абео, ты-то рад, что у тебя будет сестричка?

– Да, – скромно ответил тот, ковыряясь ложкой в тарелке. – А она не заболит? Как жена эйра Вентуса.

Юлий опустил на своё место за столом и почесал бороду, пытаясь придумать, что ответить.

– Конечно, нет, – он постарался успокоить сына, но его собственное сердце заволновалось от одной мысли об этом.

Валена внимательно посмотрела на мужа, и их взгляды многозначительно пересеклись. Флавия Вентус умерла месяц назад. По всему городу ходили ужасные слухи о постигшей её доле. Флавия была одной из первых, кто начал получать регулярное лечение под наблюдением врачей. Лекарства уберегли женщину от кошмара, которого боялись все эгеры: она не заснула вечным сном. Но микстуры, которые она принимала, меняли её день ото дня. Из-за них ночами она не могла сомкнуть глаз, а потому ходила по дому взад-вперёд, мелькая в окне исхудавшим ссутуленным призраком. Те, кто жил по соседству, слышали, как в свои последние недели она кричала, крушила мебель, впадала в приступы ярости и истерик. Когда её не стало, муж был убит горем, но в то же время он как будто выдохнул. Слишком мучительно было видеть, как родной человек молит о смерти.

На вопросы о природе эгерума врачи лишь разводили руками. Никто до сих пор не мог понять, откуда пришла эта болезнь, и никто не знал, как её исцелить. Кто-то грешил на охайцев, другие верили в гнев божий, третьи и вовсе сходили с ума и считали болезнь благословением и испытанием души и тела. И, конечно, никто не мог быть уверен, что в его семье не родится эгер. Чем ближе было время родов, тем сильнее нарастало напряжение в доме Альбусов. Счастье от предстоящей встречи с малышом было холодным, шероховатым и искусственно звенящим. В каждом его отголоске слышался страх.

Тот вечер был тихим, пока воздух не прорезал надрывный крик. В это время зимой северное небо окрашивалось в невообразимые цвета. Зелёные отблески полярного сияния танцевали среди звёзд, завораживая и маня за собой. За окном степенно падали хлопья снега. Безветренная погода – большая удача в Месяц Лун.

В печи танцевало золотое пламя. Его бархатные отсветы плясали по полу, стенам, ложились на мебель и ковры. Узоры на дорогих обоях, обрамлённые жёсткими тенями, казались ещё

более запутанными. Среди всего интерьера особенно выделялся небольшой алтарь возле входа в спальню. Глиняная фигурка младшего Звёзднорождённого была опутана золотыми нитями. Из подобных Хрон плетёт паутину бытия, где каждому событию отведено своё место. Возле ног статуэтки в медной миске были рассыпаны цветные камушки, перья и зёрна пшеницы. Звёзднорождённый молчаливо наблюдал за домом пустыми глазницами. Он ждал рождения новой жизни.

Юлий сидел на кушетке, уперев локти в колени и опустив голову. Абео уже задремал рядом, беспокойно посапывая. Он изредка просыпался, окидывал комнату сонным взглядом и, убедившись, что мир не изменился, снова проваливался в сон. Стоны, доносящиеся из спальни, за эти несколько часов въелись в сознание настолько, что стали сродни шуму ветра за окном. Звёзды уже описали дугу по небосводу, когда из-за дверей наконец раздался новый звук. Младенческий крик пронзил особняк Альбусов, облетев оба этажа, задержавшись на входе в аптекарскую лавку с северной стороны и вернувшись в дремлющую гостиную, заставил Юлия вздрогнуть. Этот звук не сравним ни с чем: он полон жизни, борьбы и смирения, полон жажды и умиротворения. Звук, с которым мир действительно меняется.

Юлий вскочил на ноги и бросился в спальню. Абео приоткрыл глаза и увидел, как врач встретил отца на пороге. Он остановил его, чтобы что-то сказать, после чего мужчины скрылись внутри. Мальчик решил, что, возможно, ему и вовсе почудилось и встречи с сестрой придётся подождать ещё. Однако сон больше не шёл, и, сладко потянувшись, он спрыгнул с кушетки и тихо подобрался к двери. Она была приоткрыта – изнутри лился приглушённый свет аурных ламп. Голоса, доносящиеся оттуда, были знакомыми. Врач и салия, присутствовавшие при родах, тихо переговаривались, в то время как отец что-то сбивчиво бормотал, повторяя одни и те же слова снова и снова. Абео тихонько юркнул внутрь и теперь мог наконец в полной мере разглядеть то, что происходило в комнате. Мама лежала на кровати, укрытая белым покрывалом. На тонкой, почти прозрачной ткани проступило багровое пятно. Оно стремительно расплзалось по простыням. Абео никогда не видел столько крови. Было в этом что-то ужасающее и завораживающее одновременно.

– Валена, – Юлий держал жену за руку, стоя на коленях возле кровати, – Валена... Валена...

Он прижимал её пальцы к губам, не переставая повторять её имя снова и снова. Это было сродни тому, когда заспавшегося человека всеми силами пытаются разбудить, но он не отзывается. Только интонация у отца была немного иная: монотонная, потерянная, словно слова уходили в ледяную пустоту небытия, не успев закончиться. Юлий заплакал. Его грузное полное тело сотрясало от рыданий. Он опустился на пол и прислонился плечом к стене, медленно сползая вниз. Будто получив сигнал к действию, на время затихший младенец разразился оглушительным криком. Плач был таким пронзительным, что Абео почувствовал, как звенит в ушах. Он всё ещё не мог оторвать взгляда от красного узора, окрасившего постель. Мама казалась особенно бледной на его фоне. Как мраморная статуя, виртуозно выполненная столичным скульптором. Наконец от вида крови в глазах у мальчика поплыло, и земля начала уходить из-под ног. Последнее, что он успел запомнить, – кто-то подхватил его, не давая удариться головой при падении. Младенец не переставал плакать.

Это была девочка с чёрными глазами.

Глава 8

Фавия

Городские стражи не несут ответственности за пропажу личных вещей и ценностей, оставленных без присмотра.

Тут вам не столица, глаза нужно иметь даже на заднице.

И не говорите, что вас не предупреждали.

(Надпись, нацарапанная на воротах наосской Обители Стражей)

Наши дни

Где-то посреди фавийских лесов

– Что это было? – ошарашенно спросил Тори, с трудом придя в себя. В голове гудело. Кажется, он здорово приложился о стену, пока они с Абео тряслись в потемневшем купе, как кости в стакане.

– Мы остановились, – нахмурился Абео, поправляя шляпу.

Наблюдательности ему было не занимать... Убедившись, что не пострадали, они выглянули в коридор, чтобы оценить ситуацию. Других пассажиров в вагоне почти не было: помимо них через пару купе ехала одинокая женщина в годах, а в самом конце – те самые почтенные эйра с серьёзными лицами и в расшитых жемчугом и канителью двуголках. Они тоже выглянули наружу, не понимая, что происходит. Их глаза были полны ужаса.

Вечер уже опустился на землю, окутав всё вокруг сиреневыми сумерками. К этому времени снаружи ощутимо похолодало, и за окном клубился густой белёсый туман, оседающий на стёклах влажной испариной. Абео сделал робкий шаг в коридор и прильнул к окну, пытаясь осмотреться.

– Сошли с рельсов, – констатировал он. Это можно было понять по тому, как сильно накренился состав. Ближайшее к ним колесо неприятно скрежетало, зависнув над землёй. – Но в Фавии мы уже довольно давно.

Пейзаж за окном действительно заметно изменился. Леса стали хвойными, а вдалеке ловила последние закатные отблески река Львиный След. Её сложно было с чем-то перепутать: тёмные воды были настолько широки, что с одного берега разглядеть второй удавалось с большим трудом.

– К ночи мы должны были быть в Наосе. Но, похоже, задержимся... – констатировал борец, не скрывая того, что расстроен.

Застрять ночью на фавийской дороге – далеко не радужная перспектива. Эти земли издавна имели дурную славу. И хотя после прихода империи доблестные Совы – легионеры, названные так из-за золотых птичьих масок, скрывающих верхнюю половину лица, – навели здесь подобие порядка, фавийские провинции всё ещё оставались загадкой для Аструма. Самые близкие к охайской границе, тонущие в чёрных еловых лапах и переплетениях горных хребтов. Лучшее место, чтобы заплутать и встретить того, кого не хотел бы. Жители до сих пор не смогли унять горячую восточную кровь, отчего приезжие привыкли тщательно следить за кошельками и не путешествовать на экипажах даже ночью... А после того как в эти земли пришёл эгерум, стало совсем худо. Вольные эгеры чаще всего пускались в бега именно здесь – слишком сложно напасть на след там, где природа столь непокорна. Местные верили, что там, где вольные эгеры, – там и разбой, убийства и мрак знает что ещё. Им уже нечего было бояться: ни Сов, ни богов, ни клинка, ни пули. Поговаривали, что эгерум лишает всякого сострадания, а когда тебе совсем нечего терять...

Минуты тянулись одна за другой, а проводник всё не появлялся. Он уже давно мог оповестить пассажиров, что именно стало причиной поломки, и заверить, что очень скоро они каким-то образом продолжат путь до Наоса. Или хотя бы соврать что-то хоть немного успокаивающее.

– Дай-ка я гляну. – Тори подцепил пальцами оконную раму и поднял стекло, дав потокам холодного воздуха впорхнуть в вагон. Он высунулся наружу, пытаясь рассмотреть, что происходит в голове состава. – Там, кажись, дерево на путях...

– Дерево? – переспросил Абео.

– Ну да, дерево, ты глухой, что ли? – раздражённо повторил Тори.

– Но здесь нет леса...

Тут и до Тори наконец дошло. Вообще-то лес был практически везде, где они проезжали до этого, но на этом отрезке пути рельсы проходили вдоль каменистых склонов, а деревья начинали расти куда дальше, метрах в ста. Но Тори был уверен, что видит очертания изогнутых ветвей под колёсами локомотива.

– Пойдём посмотрим? – В его глазах сверкнул авантюристский огонёк.

– Думаю, это плохая идея. Давай просто подождём, пока машинист и проводники разберутся.

– Да ладно тебе! Испугался, что ли? – подначил его Тори.

– Виатор, это простая осторожность. Мало ли что там произошло?

– Не знал, что на севере разводят кур...

– Кур? – Абео явно не понял, к чему он клонит.

– Иначе откуда в моём купе взялся борейский цыплёнок? Цып-цып-цып...

– Прекрати! Это не смешно!

– Тогда догоняй!

Тори бросился по коридору, и Абео не осталось ничего другого, кроме как нерешительно осмотреться и последовать за ним. Оставаться одному в такой момент почему-то совсем не хотелось. Выбравшись в тамбур, Тори без лишних церемоний отодвинул щеколду и с усилием отворил наружную дверь. Из-за накренившегося вагона она едва поддалась, прижатая собственным весом. Тори прыгнул на землю и пошатнулся: в дороге он привык к мерному покачиванию поезда и стоять на твёрдой поверхности было слегка непривычно. Абео осторожно спустился следом, стараясь не испачкать одежду.

– Ага, вон они! – Тори указал в сторону локомотива, перед которым мелькали три человеческие фигуры. В одной из них парни узнали проводника в высокой шляпе. Видимо, две другие были машинистом и его помощником. Приблизившись к ним, Тори и Абео опешили. То, что издалика казалось ветвями дерева, на деле оказалось рельсами. Мощные металлические балки были выкорчеваны из земли и закручены под причудливым углом. Так, словно сталь была невесомой и вот-вот могла поддаться случайному порыву ветра.

– Какого мрака тут произошло? – выпалил Тори, присев на корточки и оценивая масштаб катастрофы.

– Если б мы знали... – потёр подбородок мрачный машинист. – Представить не могу, кто способен сотворить такое.

– Может, медведь? – предположил проводник.

– Агмен, ты часто встречал медведей, которые могут разгрызть сталь?

Тот потупил взгляд, осознав нелепость сказанного.

– Ну а львы?

В ответ на новую гениальную теорию машинист смерил его таким взглядом, что несчастный Агмен поспешил замолчать и больше предположений не высказывал.

– Может, есть следы взрыва? – задумался Абео, разглядывая изуродованные рельсы, но не решаясь приблизиться к ним.

– Осколков нет. Может, конечно, охайская взрывчатка, но я слышал, что после неё всё чёрное, как уголь. А тут – блестят, как будто вчера начистили!

– Но не могли же они сами сломаться! – возразил Тори.

– Ну так расскажи нам, кто их «сломал», раз ты такой умный! – рявкнул машинист.

Проводник Агмен немного сконфузился от того, в каком тоне общался с пассажирами его товарищ. Тех, кто управляет поездом, не обяывают придерживаться хороших манер: в конце концов, котёл и рычаги не столь чувствительны, как пассажиры, заплатившие за билет. Поэтому машинист был прямолинеен и не выбирал выражений. Тори это нравилось: они говорили на одном языке без лишних расшаркиваний. Да и в такой ситуации всем уж точно было не до этикета.

– Виатор, взгляни, – прошептал Абео. Посмотрев туда, куда указывал борец, Тори поначалу ничего не заметил. Однако, вглядевшись, наконец различил какое-то движение возле пассажирских вагонов. Несколько человеческих силуэтов двигались почти бесшумно, но стремительно. Не теряя времени, они ловко вскрывали двери и просачивались в вагоны за считанные секунды.

– Скоты позорные, – прошипел машинист, выхватив ломик из ящика с инструментами и поспешив навстречу незванным гостям. Проводники последовали за ним, и Тори тоже решил не отставать.

– Стой! – Абео схватил его за рукав. – Давай переждём здесь!

– Да что они нам сделают? – отмахнулся Тори. – Я их положу одной левой!

– А если они вооруж...

Абео не успел договорить. Неожиданно ночную тишину разорвал оглушительный выстрел. Машинист крепко выругался и перешёл на бег. Агмен, проводник в высокой шляпе, развернулся и бросился к парням.

– Бегите, – запыхавшись, выпалил он. – Позовите помощь!

– Да тут же нет ни хрена, одни леса да поля! – вскинул руки Тори.

– Возле Наоса есть деревня Медный Холм. За ночь доберётесь!

– Да вас же тут всех порешают за это время!

– Я не просто так ношу этот значок, – дрожащим голосом возразил проводник, указав на брошь в виде железного колеса, приколотую к полям шляпы. Агмен явно переоценивал свои способности и полномочия. У себя в голове он, видимо, представлялся как минимум равным великому полководцу или члену императорского совета. Бесстрашный хранитель величайшего аструмского сокровища – железной дороги... – Мы справимся, но нам нужна помощь. Сообщите стражам, пока не стало слишком поздно.

С этими словами он драматически отвернулся и бросился обратно, мужественно расправив плечи. Тори и Абео растерянно переглянулись. В эту секунду со стороны вагонов раздалось ещё несколько хлопков, после чего послышался пронзительный человеческий крик. Парни молниеносно рванули в сторону леса, темнеющего впереди. Рельсы скрывались в окружающей мгле и петляли между деревьями, расположенными непозволительно близко. Ноги сами несли прочь, сквозь стену мощных еловых веток, хлещущих по лицу и оставляющих на коже саднящие следы. Страх заполнял разум, а сердце едва не выскакивало из груди. Вереница шпал уводила всё дальше и дальше от завалившегося набок состава, пока тот окончательно не скрылся из виду.

Мелкий дождик, с вечера накрапывающий с хмурого неба, с каждым часом всё настойчивее заявлял о себе и вскоре превратился в ледяной ливень. Тори и Абео вымокли до нитки и продрогли настолько, что холод стал казаться естественным и привычным. Зубы будто всегда стучали, а покрасневшие кончики пальцев – ничего не чувствовали. Тело слилось с обволакивающим потоком воды, будто пропустив его через себя.

Палатка, пара спальников, котелок, аптечка, фонарь, вода, еда. Всё это здорово облегчает пребывание в лесу и обеспечивает выживание. Всё это могло бы оказаться у наших героев, доберись они до Наоса этой ночью. Но судьба распорядилась иначе. В карманах у Абео сохранилась лишь потрёпанная карта и кошель с монетами, а в поясной сумке Тори – пара конфет и затупившийся карманный нож.

– Как только найдём стражей, вернёмся, – проговорил Тори, упрямо ступая вперёд и сражаясь с порывами ветра. Иногда приходилось сходить с размытой обочины и идти прямо по шпалам. Первая паника немного рассеялась, но думать всё ещё было тяжело. Если идти вдоль рельсов, они действительно приведут к ближайшему поселению. Вот только сколько до него идти? Сколько они уже прошли? И есть ли смысл во всём этом или вся команда железнодорожников давно мертва, а проклятые разбойники исчезли с награбленным?

– Зачем? – устало спросил Абео. Меньше всего на свете ему хотелось возвращаться туда, где его могли пристрелить.

– Забрать наши вещи.

– Лучше забудь о них, – вздохнул Абео. – Разбойники заберут всё ценное, что найдут.

– И мои кости?! Ну уж нет!

Занятно, что сильнее всего Виатора волновала именно пара кубиков, забытая на столе. Еда, одежда и деньги, видимо, были вторичны в его картине мира.

– Нужно вернуться и дать им просраться!

– Тори, это самоубийство. Да и не думаю, что они будут ждать тебя всю ночь...

– Ты что, не понимаешь? – Тори резко развернулся и схватил Абео за жилет. – Это *особые* кости. Они всегда приносят удачу. Всегда!

– Да прекрати наконец этот балаган!

Крик Абео эхом разнёсся по лесу. Стая птиц вспорхнула с деревьев, взрезав крыльями воздух. Стало оглушительно тихо. Абео сделался как никогда серьёзным, а его глаза сейчас действительно напоминали холодный прозрачный лёд. Он смотрел на Тори в упор, и его губы слегка подрагивали:

– Ты что, не понимаешь? Шутки кончились. Твой отец погиб. А ты думаешь о каких-то игрушках?!

– Ты и правда веришь, что твои вольные нам помогут? Наверняка там ждут такие же разбойники, как и те, что на поезд напали! Отрежут нам головы, и дело с концом!

– Если ты не веришь, то зачем пошёл со мной? – сухо спросил Абео. Сейчас он был совсем другим. В нём не осталось ни капли растерянности и мягкости, которая была свойственна ему обычно. – Я тебя не заставлял. Если ты передумал, то можешь возвращаться.

Абео отвернулся и уверенным шагом двинулся прочь. Тори замер, провожая своего спутника взглядом. Опавшие листья, смешавшиеся с дождевой водой и грязью, чавкали под ногами удаляющегося северянина. Ночной лес дремал, но был начеку, словно кошка, которая сквозь сон одним глазом наблюдает за теньями, трепещущими на стенах притихшего дома. Тяжело вздохнув, Тори звучно сплюнул на землю и бросился вслед за товарищем.

Медный Холм показался на горизонте не скоро. Точное время определить было невозможно: чёрные тучи заволокли небо, и не было видно ни звёзд, ни первых солнечных лучей. Но по своим ощущениям Абео мог предположить, что до рассвета осталось около часа. Различить очертания деревни удалось чудом: в одном из домов отчего-то до сих пор горел свет. Поселение оказалось не таким уж и маленьким: оно скорее напоминало небольшой городок, нежели деревню. Местная обитель стражей была скромной: два этажа, прохудившаяся местами крыша и выцветший пурпурный флаг с гербом империи возле ворот. Но, выслушав историю загадочных гостей, сонный трибун мгновенно взбодрился, и совсем скоро отряд выдвинулся в направлении произошедшей катастрофы, вооружённый координатами, которые Абео примерно смог

назвать. Координатами, пистоллями и клинками. Оставалось надеяться, что им будет кого спасать, когда они придут на место.

Тори всё ещё чувствовал себя отвратительно из-за того, что струсил и предпочёл ябедничать стражам вместо того, чтобы сразаться с разбойниками лицом к лицу. Но, как бы ему ни хотелось это отрицать, Абео был прав: у них была цель и не добаться до неё, поймав по пути пулю, было бы весьма прискорбно. Чувство обиды приглушила смертельная усталость, которую Тори наконец ощутил в полной мере. Для них нашлась комната в местном трактире, и как только он скинул мокрую одежду и соприкоснулся головой с подушкой, мир вокруг сразу же перестал иметь значение. Абео расположился на соседней кровати и, вероятно, тоже не помнил себя от изнеможения – между носками его сапог, оставленных возле кровати, образовался небольшой зазор, а жилет, оставленный сушиться на спинке стула, покосился и сполз в сторону. Если уж Абео не разложил свои вещи так, словно их выставляли в столичном музее, значит, он действительно устал.

Парней ждала долгая дорога. Произошедшее спутало все планы, но находчивость Тори и обстоятельность Абео должны были быстро вернуть всё на круги своя. На следующий день им предстояло хорошенько выспаться и отправиться за необходимым снаряжением. Конечно, новые ноксовые кости в Медном Холме вряд ли удалось бы купить, но походные принадлежности могли и найтись. На самом деле не попасть в Наос было им даже на руку: Тори и Абео предстояло двинуться на восток от места, где Львиный След огибал утёс, и отсюда до нужной точки было куда ближе.

Тори боялся даже вообразить, каким будет поход в компании Абео Альбуса. Этот недоумок испугается даже мышки, пробежавшей под ногами! И наверняка будет всю дорогу жаловаться на то, какая нелёгкая участь ему выпала. Ходить ногами, вместо того чтобы трепать языком, – воистину трагедия!

Абео же, в свою очередь, молился всем богам, чтобы его спутник не решил подраться с горным львом, который на него косо посмотрит. Или не наполнил походный бурдюк рисовой водкой вместо воды (что Тори порывался сделать на самом деле, а не только в воображении Абео). Но на деле ожидания обоих парней не оправдаются в полной мере. Окажется, что Тори никогда не разводил костёр без помощи отца, и Абео подскажет ему, что нужно обеспечить огню приток воздуха. Конечно, Виатора это не на шутку разозлит, но дурацкие книжные истины борейца в итоге окажутся полезны и помогут им согреться. Абео же, в свою очередь, откроет в своём спутнике весьма терпеливого и великодушного человека. Тори будет насмехаться над его усталостью и физической подготовкой, но сам настаит на каждом из привалов и поможет северянину превратить запасную рубаху в первоклассные портянки, чтобы защитить уставшие ноги от гнёта красивых, но ужасно натирающих сапог. Дорога всегда сближает, и Тори и Абео, как никогда, прочувствуют это на себе. Но сейчас они мирно спят на скрипучих кроватях в маленьком фавийском городке на окраине леса. Капли дождя стучат по крыше дома, а где-то далеко-далеко, за пеленой непроглядных туч, медленно тянется к горизонту только пробудившееся осеннее солнце.

Глава 9

Неспящая

*В её глазах бушует тьма и манит чёрный дым,
И если вдруг сойдёшь с ума, то делай шаг за ним.
Познаешь боль, познаешь страх, сомнений колкий вихрь.
Но помни, друг: в её глазах ты не найдёшь любви.*
(Песня из раннего творчества Сандра Силя)

Сгоревшая деревня. Фавийские провинции. Аструм

«Пшеница и рожь – ты не умрёшь».

Соль распахнула глаза. Сердце замерло на мгновение – и тут же забилось с удвоенной силой. Мир вокруг проявился и начал принимать привычные очертания. Маленькая комната в доме с покосившейся крышей. Запах дерева и пыли. Кусочки угля и листы бумаги на столе. Хаотично разбросанная по всем возможным поверхностям одежда. Получилось. Снова.

Просыпаясь, Соль каждый раз испытывала чувство торжества. Уснуть – вот самый большой страх для эгера. Обычный человек склонен бояться таких же обычных вещей: заболеть, обанкротиться, выставить себя на посмешище, умереть или потерять близких. Но кто в здравом уме будет бояться спать? Однако стоит провести хотя бы сутки в теле неспящего, чтобы всё стало понятным. Как только ты хоть на секунду позволяешь дрёме взять над тобой верх, привычный мир стремительно ускользает из-под ног. Ты проваливаешься в пустоту, отчаянно цепляясь за остатки реальности, но тело будто становится свинцовым. И самое страшное происходит не снаружи, а глубоко внутри. Мысли и чувства, всё это время бывшие столь привычными и понятными, превращаются в диких зверей, обращаясь против тебя. Они впииваются в сознание своими чёрными когтями, проникая всё глубже. Все грани твоей личности сливаются в единое целое, и ты чувствуешь, как теряешь всё, что когда-либо считал реальным. А потом наступает спокойствие. Умиротворение, ощущение радости и правильности происходящего. Яркий сон принимает тебя в свои объятия, качает на цветных волнах, увлекая всё глубже в кроличью нору. И нет ничего страшнее этого. Потому что ты начинаешь забывать. Забывать, что есть что-то иное, что-то вне этого. Ты поддаёшься потоку, позволяешь новому миру забрать тебя навсегда. И никогда больше не просыпаешься.

Если кто из живых и способен испытать подобное, то только находясь на пороге смерти. Когда знаешь, что спасения нет. Но люди убедили друг друга, что спасение есть, и от этого ещё хуже. Они пичкают неспящих микстурами, лишаящими их возможности спать. Ещё одна мучительная ночь, после которой ты поднимешься на ноги и снова будешь жить. Одна за другой. Годы напролёт. Тёмные круги под глазами, слабость, боли во всём теле, и лишь одно желание: чтобы всё это поскорее закончилось.

Но Соль больше не была одной из них. Она всегда чувствовала себя иначе, словно не принадлежала этому миру, лишённому надежды. С тех пор как она бросила принимать злополучный «морок», что варят из зерён Аши, её жизнь изменилась. Вот уже пять лет неспящая просыпалась по утрам и чувствовала превосходство от своей маленькой победы. Сны больше не были властны над ней: они стали её территорией, и она могла уйти в любой момент. Достаточно было повторить заветную фразу, и осознание нереальности происходящего молнией пронизывало тебя, позволяя проснуться.

Придя в себя, Соль села на постели и глубоко вдохнула. Сквозь окно пробивались розовые закатные лучи. Опять провалилась целые сутки! Хотя Соль и научилась управлять сновидениями, её сила всё ещё диктовала свои законы. Во сне она могла бесконечно выводить

чарующие мелодии на солнечных струнах, играя со временем как ей заблагорассудится. Но стоило только попрактиковаться наяву, и разум ещё как минимум сутки оставался туманным, словно увязнув в прокисшем молоке, а тело абсолютно лишалось сил. Однако это не сильно расстраивало Соль: её восхищали дарованные ей способности, и она готова была спать хоть неделю, если это поможет лучше их постичь. Мама, конечно, не одобряла такой подход и следила, чтобы она не слишком усердствовала с тренировками. Но сегодня мамы рядом не было.

Старшие на неделю отправились через перевал, на другую сторону Костяных Гор. Туда, где охайская граница пролегла так близко, что ощущалась даже на расстоянии. С чужих земель веяло чем-то грязным, тёмным, чужеродным. Но именно там начинала расти виджи, и нигде больше проклятая трава не приживалась, как ни старайся. Будто она питалась ядом, что тек в венах змеиного народа по другую сторону горного хребта. Всю неделю вольные запасались травами и охотились. Именно из этих путешествий они часто приносили такие жирные туши оленей, что их хватало на неделю, а то и на две, если правильно засолить. А если везло встретить ушлого охайского торговца на горных тропах, у него можно было выторговать особое охайское снадобье виджи. Чужестранцы настаивали траву в медовом растворе по особому рецепту, отчего она начинала не только работать как обезболивающее, но и в полной мере раскрывала свои дурманные свойства. И хотя староста Хил не одобряла пристрастие к охайскому дурману и предпочитала обменивать эту дрянь на жизненно необходимые припасы на аструмской стороне, многие вольные не брезговали возможностью расслабиться и приятно провести время. Всё же в деревеньке посреди нигде, окружённой только горами, лесами да овцами, не особенно много других развлечений.

Когда старшие оставляли деревню, покидать её строго запрещалось, если только не случилось чего-то из ряда вон выходящего. Но обычно здесь не происходило ничего. Вообще ничего. Лишь ели перешёптывались под потоками ветерка, изредка пробирающегося к неприступным вершинам.

Однако в этот раз правило всё же было нарушено. Нат Филий со своими друзьями вечно выдумывал проблемы на пустом месте. Так и сейчас ему вдруг ударило в голову ограбить проходящий поезд. Узнай кто-то из старших об этом, ему бы так надрали уши, что он бы ещё неделю из дома не показался. Но старших не было, а потому парни несколько дней вынашивали план нападения. Волей-неволей им заинтересовались и Сойка, и Орто, и сама Соль. Только Рыжий, по своему обыкновению, причитал, взволнованно крутясь рядом, но от него только отмахивались. План Ната был действительно захватывающим: с эгерумом ему, в отличие от Соль, досталась куда более прозаичная сила. Но раз уж он способен лёгким движением руки изогнуть стальной рельс в форме масляного кренделька, как этим не воспользоваться? Сколько всего можно найти в целом поезде! Не только еду, но, может, и новую одежду, инструменты, лекарства... Конечно, риск был велик: выбираться так далеко от гор было очень опасно. Если попадёшься на глаза Совам... Глазами слепые legionеры, впрочем, не пользовались, но это не мешало им вселять ужас во всех жителей империи. Если попадёшься, пиши пропало. Страшно было представить, что грозит беглому эгеру, окажись он в руках имперских солдат. И всё же каждый житель деревни, особенно молодой, в какой-то момент уставал бояться. Сколько ещё лет им придётся просидеть взаперти? Когда тебе пятьдесят, смирение даётся без труда, но когда ты только-только вступил в обворожительную пьянящую пору молодости...

Именно поэтому Соль сейчас так сильно корила себя за то, что не смогла отправиться с товарищами. Она так усердно тренировалась, чтобы быть полезной при ограблении, что на само ограбление не осталось сил. Сейчас её подруга Сойка наверняка удирает прочь с награбленным и заливается своим острым, как еловые иголки, смехом. Кровь бурлит от страха и восторга, и она чувствует себя живой, как никогда... А Соль сидит здесь, отлично выпавшаяся, но пропустившая, пожалуй, самое весёлое событие в своей жизни.

– Встала наконец, соня! – Входная дверь распахнулась, и Рыжий ввалился в дом как ни в чём не бывало. Соль любила его простодушие, но иногда оно бесило до зубовного скрежета.

– Рыжий, сколько раз тебе говорить?! Стучаться не учили?!

– Все свои же, вредина. – Парень вразвалку подошёл к кровати и потрепал Соль по волосам. Она недовольно зашипела и бросилась приглаживать и без того непослушные пшеничные кудри.

– А если я неодета?!

– Ну хоть где-то посмотрю на голую девчонку, – хохотнул Рыжий. – Хотя на что там смотреть...

Он состроил тоскливую мину, устремив взгляд на грудную клетку Соль. Под острыми ключицами между по-мальчишески угловатых плеч виднелся лишь слабый намёк на выпуклость, но даже его скрадывала плотная ткань рубахи.

– Идиот, – буркнула Соль.

Рыжий в это время подошёл к окну и прикрыл ставни. На фоне его массивных полных рук всё вокруг казалось игрушечным.

– Ты чего окна-то нараспашку оставила? Вечереет уже, а у тебя тут свечей как на маяке.

Каждая секунда жизни вольного – игра на выживание. Бесконечные правила, нарушив которые можно обречь себя и других на смерть. Или, что хуже, на попадание на Храмовый Остров. Все жители деревни в горах были убеждены, что лучше уж умереть, чем оказаться запертым среди холодных стен, словно ты человек второго сорта. Поэтому окна вечерами было строго наказано закрывать, чтобы с дорог у подножия нельзя было разглядеть свет среди деревьев. Вольные эгеры поселились в старой шахтёрской деревеньке, что ещё пятьдесят лет назад выгорела дотла. Она была надёжно спрятана среди гор и лесов, и о её существовании давно забыли не только люди, но и, кажется, сами Звёзднорождённые. Но соблюдать осторожность стоило.

– Забыла, – соврала Соль, – рисовала и увлеклась.

Почему-то ей совсем не хотелось мысленно возвращаться к тому, как она провалилась в постели весь день.

– Красивые, – восторженно проговорил Рыжий, взяв со стола лист бумаги. На нём были подсолнухи в вазе, нарисованные небрежным росчерком угля. – Пойдёшь на бражников смотреть?

– Пойду, конечно. – Соль наконец улыбнулась и встала с кровати. Она накинула на плечи шерстяной плащ с прорезями для рук и сняла с крючка у двери широкополую шляпу с золотистыми кисточками, свисающими с полей по всему периметру. Сами поля были такими широкими, что и без того невысокая Соль казалась комично маленькой на фоне своего головного убора.

Вечер был прохладным, но овечья шерсть на подкладке плаща приятно согревала. На улице слышались голоса тех, кто остался в деревне. Где-то трещал огонь, заставляя воду в котелке недовольно ворчать. Кусачие мошки роились на границе леса, но ближе подлетать не решались – дым гнал их прочь. Иногда можно было подумать, что деревня эта не какая-то особенная, а вполне обычная. Жизнь здесь шла своим чередом. Но стоило взглянуть на старого Виргилия, как иллюзия тут же рассыпалась в прах. Старик спал уже десять лет. Стоило ему однажды забыть и не принять лекарство, как одной ночи хватило, чтобы сгубить его жизнь. Теперь его сын каждое утро усаживал его в кресло на веранде, и Виргиль, словно бледное каменное изваяние, встречал солнце, поднимающееся над горами, а затем прощался с ним, скрывающимся за горизонтом. Люди вокруг ели, разговаривали, смеялись, плакали, любили и ненавидели, охотились, вычесывали овечью шерсть, пропалывали грядки... А Виргиль так и продолжал спать. Местный врач эйра Тарин помогал семье Виргилия ухаживать за ним, но, конечно, в госпитале или на проклятом Храмовом Острове это было бы куда удобнее. Соль

всегда старалась лишний раз не смотреть на старика: он вызывал у неё чувство беспокойства. Казалось, что он может вот-вот проснуться и просто притворяется, исподтишка наблюдая за окружающими сквозь полуопущенные веки. Но он не просыпался. И это могло случиться с каждым. Соль часто представляла, что было бы, если бы она успела научиться выходить из сна раньше? Она бы научила этому Виргилия, как научила всех остальных, и тогда он сидел бы в своём любимом кресле и ругался на пробегающих мимо ребятишек, как любил делать это в её детские годы. Но она не успела, и теперь его мрачная тень служила напоминанием об этом день ото дня.

Рыжий шагал степенно. Он никуда не спешил: ни сейчас, ни по жизни. Его мягкий характер часто уводил его от беды: он даже не подумал отправиться к поезду вместе с остальными ребятами и теперь мог составить Соль компанию. Сама же Соль на его фоне казалась проворной маленькой зверушкой. Она быстро обогнала друга, поднимая пыль на дороге носками стоптанных ботинок. Опережая Рыжего, она успела провести ладонью по зарослям высокой травы, разглядеть под ногами две созревшие земляничные ягоды и перемахнуть через ограду, туда, где сонные овцы дожёвывали пожухлое сено.

– Ну здравствуй! – Соль потрепала бархатистую овечью морду, и Уголёк блаженно сощурилась. Девушка любила эту чёрную овечку сильнее других: молока она не давала, ела за троих и не приносила решительно никакой пользы, но было в ней что-то особенное. В детстве Соль верила, что Уголёк – та самая чёрная овца, что следует за Звёзднорождённой Юной по звёздному пути. Сейчас это, конечно, казалось наивной сказкой, но нежные чувства к упрямой зверушке навсегда остались в сердце Соль.

Они с Рыжим двинулись по давно знакомой тропе. Здесь деревья немного редели, и даже в сумерках можно было не потеряться без фонаря. Идти было от силы минут двадцать, и большая часть пути прошла в тишине. Соль окончательно проснулась и была полна энергии, пиная попадающиеся под ноги камешки.

Наконец путники вышли к краю скалы. Тропинка уходила вниз по склону и петляла дальше, теряясь в горах, но сейчас их интересовала не она. Возле обрыва, заросшего травой и обвитого корнями, лежало старое сухое бревно. Изъеденное короедами, вымокшее под сотнями дождей, но такое родное и любимое. Соль подбежала к нему и, ловко перепрыгнув через ствол, плюхнулась на него и обхватила колени руками. Ей под руку тут же попалась тонкая палочка, и она бездумно начертила на земле под ногами пару случайных узоров. Рыжий грузно опустился рядом, переводя дух. Он дышал тяжело, будто пробежал по меньшей мере несколько миль, спасаясь от Совиной погони. Или от горного льва.

Вид отсюда открывался невероятный: Костяные Горы лежали как на ладони, то взмывавая ввысь и теряясь в сумеречном тумане, то соколиным пике устремляясь вниз, к озёрам и речушкам, словно вены пронизывающим фавийские земли. Но самым прекрасным, конечно, было Искристое Ущелье. Оно растянулось глубокой тёмной бороздой на много миль, поражая своей масштабностью. Соль с друзьями каждый вечер приходила сюда, чтобы посмотреть, как тьма опустится между скалами и разбудит звёздных бражников – удивительных жучков со светящимися крылышками, обитающих в ущелье с самого начала времён. Так и сейчас в далёкой черноте начинали зажигаться первые огоньки. Одна за другой золотистые вспышки становились всё ярче, сбиваясь в стайки и не оставляя ночи ни единого шанса застать их врасплох.

– Монетка есть? – игриво сощурилась Соль, и Рыжий взволнованно ахнул:

– Ты опять?! Сутки провалялась и... опять?!

– Да брось, Рыжий! Вот ты когда последний раз тренировался?

– На прошлой неделе, – недовольно буркнул он.

Рыжий относился к своим силам с меньшим энтузиазмом, чем Соль. Он воспринимал их не как дар, а скорее как побочный эффект болезни. И явно побаивался своих способностей.

– Если не будешь практиковаться, результата не будет, – пожурела его Соль.

- А может, я и не хочу его. Результата. Может, мне и так хорошо?
- Нет в тебе мечты, Рыжий, – разочарованно протянула Соль.
- Зато и проблем не наживу.

Увалень взъерошил коротко постриженные волосы и, всё же поддавшись на уговоры, достал из кармана медный орий.

- Готова?
- Как всегда, – кивнула Соль, смерив друга сосредоточенным взглядом чёрных глаз.

Рыжий положил монетку на перекрестье пальцев и звонким щелчком отправил её в воздух. Медяк сделал несколько оборотов и стремительно полетел вниз, теряясь в темноте ущелья.

- Давай же! – заволновался Рыжий.
- Тихо ты, – отмахнулась Соль.

Она выждала несколько секунд и, зажмурившись, выдохнула. Как только она распахнула глаза, перед ней предстала сеть из невесомых лучей света. Закат уже почти догорел, а потому их было совсем немного, и они были такими тонкими, словно вот-вот могли лопнуть под силой собственного натяжения. Соль прислушалась к своему дыханию. Вдох. Выдох. Интуитивно она протянула руку и ухватила за один из лучей, заставив его задрожать. Световые колебания разошлись, как круги на воде. Рыжий напряжённо наблюдал за происходящим. Он уже начал нервно покусывать губы, когда из ущелья наконец показалась огненная медь монетки. Она описала ту же траекторию, по которой падала, и приземлилась обратно на руку юноши.

- Ха! – вздёрнула нос Соль.
- Молодец, – Рыжий не смог сдержать улыбки. – Ловко ты управляешься.
- Это ещё солнца мало. Могла бы и лучше!
- Смотри, опять будешь спать два дня...

Соль недовольно фыркнула и стукнула Рыжего кулаком в плечо. Обиженный, он потёр больное место и вновь отправил монетку в полёт. После того как Соль несколько раз повторила трюк, Рыжий спрятал орий обратно в карман. Неспящая не умела останавливаться, и ей всегда нужна была твёрдая рука кого-то более флегматичного. Они сидели на краю пропасти, глядя на огоньки вдалеке, и молчали, вслушиваясь в звуки засыпающего леса за спиной.

- Долго их нет, – наконец нарушил тишину Рыжий спустя несколько минут.
- Кого? – Соль настолько погрузилась в мысли, что не сразу поняла, о чём речь.
- Сойки с Орто. Ну и этих. – Рыжий недолюбливал Ната и его дружков, и Соль его отношение полностью разделяла. Когда она росла, в деревне было совсем немного детей, поэтому они с Рыжим быстро сдружились. Сойка и Орто тогда уже были подростками, и хоть у Сойки и Соль тоже сложилась крепкая сестринская дружба, разница в возрасте всё же ощущалась. А вот Нат и его брат Асель, жившие по соседству, были всего на год старше, но уже стали невыносимы. Шумные, наглые, не знающие страха и не боящиеся даже отцовского ремня. Соль ненавидела таких людей. Её всегда манил светлый ум, интеллект, чистота души... Не сказать чтобы Сойка и особенно Рыжий отличались великим умом, но с ними хотя бы можно было поговорить. Или помолчать, глядя на звёздных бражников.

– Да ладно, путь неблизкий, вернутся к утру, – успокоила его Соль.

– Не стоило их отпускать, – вздохнул Рыжий. – Непокойно как-то.

– Брось! – Соль тоже беспокоилась за успех авантюры с поездом, но знала, что друг склонен драматизировать, а потому не теряла позитивного настроения. – Если вдруг что, Сойка одна кого хочешь на лопатки уложит! Хоть десять человек, хоть сто!

- Это точно, – улыбнулся Рыжий. – Главное, чтобы старшие не узнали.

На небе зажглись первые звёзды, вторя бражникам в ущелье. Как будто эти жучки – потерянные братья древних небесных огней, зовущие их поиграть в салочки каждую ночь. Соль и Рыжий ещё несколько минут просидели молча, пока девушка вдруг не вздрогнула.

– Ты смотри, – прошептала она. Рыжий не сразу понял, куда она указывает: он не отличался хорошим зрением, в отличие от подруги. Но, прижав пальцы к вискам и немного натянув кожу, он прищурился и смог разглядеть, что на противоположном конце хребта, там, где заканчивалось ущелье и ржавела заброшенная канатная дорога, горел небольшой красный огонёк.

– Быть не может! – Рыжий неуклюже подскочил и ещё настойчивее вгляделся в темноту. Соль тоже вскочила и бросилась к самому краю, каким-то чудом балансируя у обрыва.

– Точно тебе говорю! Разожгли! Разожгли!

Она несколько раз подпрыгнула на месте и захлопала в ладоши. Соль схватила Рыжего за руку и понеслась обратно в деревню так быстро, что он едва за ней поспевал. Ей приходилось придерживать шляпу, чтобы та не слетела с головы. Красный огонёк на старой канатной дороге означал только одно: кто-то хочет связаться с ними. Кто-то оттуда, где царит свобода и случаются самые настоящие чудеса. Такое происходило крайне редко: световой шифр знали немногие, и только те, кому точно можно доверять. Обычно это были связные Тэо Рэсиса или фавийские торговцы, покупавшие виджи в обмен на еду, лекарства или приятные безделушки из внешнего мира. Помнится, эйра Тарин однажды выменял у них целую стопку книг. Кто-то в деревне отнёсся к новинке равнодушно, но Соль жадно проглотила все девять томов за пару месяцев и после этого еженедельно умоляла Тарина достать ещё. Во внешнем мире охайскую траву использовали в медицинских целях, но ещё чаще – как способ расслабиться и забыть о реальном мире. Стражи, разумеется, это не поощряли, но караванщиков это не останавливало: они зарабатывали на продаже виджи столько денег, что могли вообще ничего другого не продавать. И в то же время это был их способ помочь обездоленным эгерам, не пожелавшим оказаться на Храмовом Острове. Казалось бы, все в выигрыше, но каждый такой контакт был бесконечно опасен. Если хоть один из них проболтается Совам...

Домики уже мелькали за деревьями – нужно было поскорее рассказать кому-то из оставшихся взрослых о сигнале, чтобы утром отправить связного на встречу. Соль молилась, чтобы в этот раз именно она попала в дозор и хоть одним глазком смогла взглянуть на пришельца извне. Прожив всю жизнь взаперти, она мечтала однажды увидеть настоящий мир.

Вдруг Рыжий резко остановился, отчего Соль едва не потеряла равновесие, всё ещё держа его за руку. Обернувшись, она увидела, что друг смотрит под ноги ошарашенным взглядом. Приглядевшись, даже в темноте она смогла различить тёмные потеки на земле. Кровь. Крупные пятна сливались в мутную дорожку и тянулись по пыли к поселению. Следуя по ним, Соль, к своему ужасу, осознала, что они ведут к её дому. Задняя дверь была приоткрыта, и изнутри доносились звуки какой-то возни. Сердце пропустило удар. Что-то произошло.

Глава 10

Кровь на песке

Сойка растерянно металась по комнате, когда Соль и Рыжий оказались внутри. Выглядела она не лучшим образом: одежда была грязной, а на виске виднелась запёкшаяся кровь. Когда она встретилась взглядом с Соль, то даже не поздоровалась. Её глаза испуганно бегали из стороны в сторону, а губы были плотно сомкнуты. Соль хотела было спросить, что произошло, но всё стало ясно, когда она заглянула за плечо подруги. На полу сидел её драгоценный Орто. Он прислонился спиной к стене и тяжело дышал. Парень был бледнее старика Виргилия, а его губы побелели и пересохли, превращая лицо в подобие восковой маски. Левая штанина насквозь пропиталась кровью. Прямо в середине бедра ткань была прошита выстрелом, и из-под разорванных волокон виднелась развороченная рана. Нат с братом сидели рядом, и на их обыкновенно равнодушных лицах читалась не меньшая растерянность, чем на лице Сойки.

– Чт-то случилось? – дрожащим голосом промямлил Рыжий, бросившись к Орто. Он присел перед ним на корточки и слегка похлопал парня по щекам. Тот слабо застонал.

– У них был ствол, – виновато ответил Нат. Он выглядел так, будто оправдывается перед матерью за разбитую вазу, а не объясняет, почему его друга подстрелили из настоящего оружия.

– Откуда?! – опешила Соль.

– Да нам почём знать?! Был, и всё! Те два засранца в расписных шляпах... Может, бывшие вояки или типа того. Я не знаю!

– Соль, принеси воды, – попросила Сойка. Её голос звучал глухо, точно она находилась не здесь, а где-то за толстым стеклом.

– Ему надо к врачу, – заметила Соль.

– Нельзя, – снова вмешался Нат, – врач старшим расскажет. Нам всем хана тогда.

– Вы сдурели?! – возмутился Рыжий. – Он может умереть, а вас только это волнует?!

– Рыжий прав. Ведите его к эйра Тарину. А то он без ноги останется. А старшие всё равно узнают.

Сойка и Рыжий подхватили раненого под руки и помогли ему подняться.

– Нет! – Нат встал в дверном проёме, перегородив проход. – Так нельзя. Мне не нужны проблемы.

– Слушай сюда! – Соль подошла к нему вплотную. Она была на голову ниже Ната, но это не имело для неё никакого значения. Её чёрные глаза смотрели так, словно готовы были испепелить его. – Если ты сейчас же не отойдёшь, я сверну тебе шею.

Конечно, Соль не смогла бы даже дотянуться до его шеи. Если бы Нат захотел, ему бы и вовсе не составило труда закинуть Соль на плечо и унести куда-нибудь подальше, чтобы не мешалась. В своих мечтах он проделывал это сотню раз и даже сбрасывал нахалку прямо в Искристое Ущелье, отряхнув ладони с чувством выполненного долга, и затем отправлялся в своё личное поместье, где его ждали красивые женщины и титул императорского советника. Но сейчас было не до шуток и споров, и Нат всё же отошёл в сторону, уступив дорогу.

Когда в доме эйра Тарина зажёгся свет, уже через секунду оттуда послышалась возмущённая ругань. Сквозь приоткрытую ставню было видно, как Сойка стоит, слегка ссутулившись и поджав губы, пока её отчитывают, словно ребёнка. Но куда более серьёзные последствия ожидали их после того, как старшие вернутся... Тем не менее Орто был в безопасности, и оставалось надеяться, что он не лишится ноги.

– Эйра Тарин, – тихо позвала Соль, когда врач закончил обрабатывать рану и разогнал всех смутьянов по домам.

– Ну а тебе чего? – раздражённо ответил врач. Его явно тяготила обязанность оставаться за старшего среди такого количества неразумной молодёжи, пока все остальные прохлаждались мрак знает где. Эйра Тарин был единственным врачом из всех обитателей деревни. И, несмотря на любовь к своему делу, людей он не слишком-то жаловал. Ему нравилось решать задачи, которые подбрасывает человеческое тело. Но роль няньки он ненавидел.

– Кто-то зажёт огонь на канатной дороге.

– Правда? – Тарин переменялся в лице. Он распахнул ставню окна на западной стене и взгляделся в ночную темноту. Даже отсюда можно было разглядеть красный огонёк, мерцающий на возвышенности за много миль отсюда. – Ну дела...

– Мы ведь пошлём связного? – с надеждой спросила Соль.

– Эх, не было печали... Только утром. Хотя я уже не знаю, кому из вас, остолопов, можно доверять. А ты-то чего любопытничаешь? В дозор хочешь?

– Хочу. – Соль постаралась ответить равнодушно, но глаза выдавали её с потрохами.

– Тьфу! – Эйра Тарин стянул с рук перчатки и бросил их на стол. Он устало опустился в кресло и тяжело вздохнул: – Ната пошлём связным, а вы с Рыжим проследите, чтобы всё было хорошо.

– А Ната вы, значит, не станете ругать?

– Ругать... – Врач раздражённо заскрежетал зубами. – В вашем возрасте люди уже детей заводят, а вас всё ругать приходится, как маленьких... А чего его ругать-то? Он человек ведомый. Говорит, что Орто всю эту затею придумал, а он отговаривал, но в итоге пошёл, чтобы защитить в случае чего.

Соль в очередной раз удивилась, как этот парень восхитительно умеет врать. Нет, ну надо же – опять вышел сухим из воды! И не подкопаешься. Ну ничего, старшие вернутся и обязательно узнают правду. А пока лучше держать язык за зубами: эйра Тарин отпускает её в дозор, а о большем Соль и мечтать не могла.

Дозор был ещё одним из бессменных правил вольных. Когда связной отправлялся на встречу с чужаками, его обязательно должны были сопровождать минимум двое человек. Прикрыть спину, если случится стычка, а если облава – успеть предупредить остальных, чтобы бежали прочь. Чаще всего туда отправляли проворную Сойку или Ната с братом. А связным выступал Орто – он умел говорить складнее, чем все они, вместе взятые. Но в этот раз выбирать не приходилось. Да уж, парламентёр в виде неотёсанного Ната и его охрана в составе увальня Рыжего и малышки Соль – такое дело просто обречено на успех.

Троица выдвинулась за час до рассвета. В горах всю ночь шёл дождь, и мелкие капли до сих пор падали на лицо и затекали за воротник, заставив Соль ёжиться и сильнее укутываться в плащ. Огонёк на канатной дороге всё ещё горел. Значит, кто-то очень сильно ждал встречи, и даже ночная непогода его не отпугнула.

– ...и вот я вижу, что у пояса что-то копошится, – в красках рассказывал Нат на протяжении всего пути. – Я-то бывалый – сразу в сторону. А Орто стоит и пялится как баран на новые ворота. Ну и потом – бах! Бах! Мы с Аселем его сразу заломили, засранца того, борьба завязалась... Короче, еле ноги оттуда унесли.

– Ага, верю, так всё и было, – равнодушно зевнула Соль.

– Вот ты не веришь, малая... А зря! Я, между прочим, тебе подарочек прихватил.

– Мне? – оживилась Соль. – Правда?

– Ага. Но теперь чё-то не особо хочу отдавать. Больно уж ты вредная.

– Нат! – Неспящая бросилась к нему и потянула его за рукав: – Ну скажи, что там?

Нат ещё несколько раз отмахнулся от неё, делая вид, что не слышит. Все знали, что больше всего Соль ненавидит, когда играют с её любопытством. Но в конце концов Нат смяг-

чился и, достав из кармана бархатный мешочек, небрежно бросил его Соль. Поймав его на лету, та нетерпеливо заглянула внутрь.

– Ого! – восхищённо протянула Соль, на миг забыв, как дышать. – Ты серьёзно?! Где ты их достал?!

– Где достал, там уже нет, – ухмыльнулся Нат. – Наслаждайся, малая.

Соль с визгом подпрыгнула и обняла Ната. Потом обежала вокруг Рыжего, размахивая новым сокровищем, и снова радостно пискнула, не веря своему счастью. В мешочке лежали ноксовые кости для Ловца Удачи. Золотая гравировка, ювелирная работа... Соль и мечтать о таких не могла. Её страсть к игре разделяли немногие в деревне, а те, кто был не прочь поиграть, могли похвастаться только сделанными вручную деревянными кубиками, которые постоянно ложились на одну и ту же грань из-за грубо вытесанной формы. Следующие часы в дороге прошли для Соль как в тумане. Нат продолжал травить байки, в которых укладывал одной левой каждого, кого встречал на своём пути, Рыжий со скучающим видом поддакивал исключительно из вежливости, но Соль почти не слышала их. Драгоценность в бархатном мешочке буквально прожигала карман, и сердце Соль бешено колотилось в предвкушении возможности их опробовать. Больше приобретённого сокровища её будоражило только ожидание встречи с таинственным незнакомцем. Или незнакомкой? Кто бы это ни был, сегодня она увидит живущих там, за незримой чертой, что держит всех их здесь... Желудок сворачивался клубком и каждое мгновение порывался вывернуться наизнанку.

Подойдя совсем близко, группа разделилась. Нат двинулся дальше по главной дороге, а Соль и Рыжий свернули в лес и притаились на окольных тропках. Солнце уже поднялось над горизонтом, и его тёплые лучи постепенно пробирались сквозь ветви, понемногу согревая землю. После дождя дышалось легко и свободно. Наконец впереди показалась станция канатной дороги. Старая вышка потемнела от времени, но крепко стояла на своём месте и точно продержалась бы ещё пару сотен лет. Ржавые тросы тянулись вдаль и скрывались на другой стороне ущелья. Соль представила, как величественно когда-то вагончики курсировали над пропастью. Жаль, что в этой жизни ей такого зрелища не застать: в местах, где работают такие сложные механизмы, наверняка полно людей. И Сов. Стоит ей только сунуться в большой город, обратной дороги не будет. Остаётся только фантазировать, глядя на всеми покинутые обломки былого величия.

Соль с Рыжим опустили на корточки и осторожно выглянули из-за кустов. Рыжий выглядел таким серьёзным, что становилось смешно: с его комплекцией оставаться незамеченным было трудновато, и единственное, что могло ему помочь, – это невысокий рост. Но в остальном попытка спрятать Рыжего могла приравняться к попытке спрятать медведя. Тем не менее он старался изо всех сил, высматривал каждый сучок под ногами и в целом неплохо справлялся. Нат вышел на поляну и остановился возле вышки, где покоился старый вагончик, оставленный в одиночестве гнить у её подножия. У Соль замерло сердце, когда из него наконец показался человек, а затем ещё один. Она не сдержалась и подобралась чуть ближе. Рыжий возмущённо шикнул, жестами показывая, что её могут заметить, но Соль лишь отмахнулась. Раздвигая руками ветки, она внимательно всматривалась в лица незнакомцев. Один из них выглядел весьма богато: шёлковый тюрбан обрамлял лоснящиеся светлые волосы. Длинный жилет был искусно расшит родовыми знаками бореЙцев, а рубашка выглядела такой чистой и аккуратной, словно её только-только отгладили. Его спутник был одет попроще, но держался совсем иначе. Увереннее, спокойнее, как будто по его венам струилась неведомая внутренняя сила. Он не был красив: чрезмерно высокий рост и длинные конечности добавляли образу комичности, как, впрочем, и торчащие уши и большой нос на вытянутом лице. Но было в нём что-то неувлимо очаровывающее... Глаза. Соль не привыкла видеть людей с глазами, не подёрнутыми тьмой эгерума. У этого юноши они были карими, но в то же время будто светились, отражая солнечные лучи. Честные, добрые и невероятно умные. Так ей показалось. Инте-

ресно, кто он? Художник? Писатель? Или, может, учёный? Куда они держат путь и что привело их сюда? Как же невыносимо хотелось выскочить и расспросить их об этом! Узнать, каково это – путешествовать, повидать всю империю, побывать в каждом её уголке. Неожиданно Нат что-то сказал гостям, а потом резко развернулся и направился обратно. Было странно, что они ничем не обменялись. Зачем же они тогда приходили, если не передать припасы или запастись виджи? Соль в спешке попятилась назад, где её ждал Рыжий.

– Ты чего творишь?! А если бы тебя увидели?!

– Не увидели же, – самодовольно ухмыльнулась Соль.

– Пойдём.

Нат двинулся по тропе, не сбавляя шага. Соль и Рыжий следовали за ним, всё ещё не выдавая себя. Соль то и дело оглядывалась, надеясь напоследок хоть одним глазком увидеть загадочных эйра. Но ветви деревьев плотно сошлись за её спиной, и лес снова превратился для неё в монотонный цветной узор. Спустя милю пути Нат вдруг присвистнул, и звук эхом разнёсся по лесу. Обычный человек мог бы принять это за крик птицы, но Рыжий и Соль сразу же насторожились и приготовились. Это был хорошо знакомый им сигнал, что что-то идёт не так. Рыжий осторожно вытянулся, вглядываясь в лесную чащу. Нат продолжал идти по дороге, и ничего необычного не происходило. Но вскоре Рыжий заметил, как сзади, вдалеке, кто-то медленно движется по кустам с противоположной стороны тропы. Это точно не был кто-то из вольных: хворост и листья под ногами горе-преследователя оглушительно хрустели. Вольные слишком хорошо чувствуют лес, чтобы допустить такую оплошность, даже кто-то вроде Рыжего. Нат чуть сбавил шаг и жестом показал Рыжему и Соль задержаться сзади, закрыв врагу путь к отступлению. Сам же он потянулся к поясу, где висел хорошо заточенный охотничий нож, подаренный отцом три года назад.

– А ну стоять! – рявкнул Нат, когда дистанция между ним и преследователями сократилась. – Вышли оба! Я вас слышу.

В лесу стало тихо.

– Вышли, я сказал! Пока по-хорошему.

Двое чужаков неуклюже вывалились на тропу, смущённо потупив взгляды.

– Я, кажется, ясно дал понять, чтобы вы убирались с нашей земли?

– Нам нужно увидеть Хил.

– Да срать я хотел, что вам там нужно. Никакой Хил тут нет, и вам здесь не рады. Если ничего не покупаете, то валите на хрен.

– Может, уйдём? – прошептал высокий своему другу.

– Нет. Отведи нас к Хил, – не унимался блондин.

– Да ты, походу, бессмертный, – оскалился Нат.

Он сделал резкий выпад в сторону чужака и толкнул его в грудь. Северянин едва удержался на ногах, и его спутник тут же вступился за друга, толкнув Ната в ответ.

– Охренел? – успел бросить он прежде, чем они сцепились и начали бороться.

– Эй, прекратите! – Блондин бросился на Ната и попытался помешать ему.

Рыжий в два счёта оказался рядом с ним. Северянин отпрянул: в глазах обоих читался животный ужас. Рыжий никогда в жизни не дрался, как, впрочем, и его соперник. Они неуклюже мялись друг напротив друга, не зная, как лучше избежать столкновения и не прослыть при этом трусом. Рыжий уже сотню раз пожалел, что раскрыл себя. В это время Нат и верзила уже вовсю дрались, не жалея друг друга. Высокий успел схлопотать по носу, но тут же ответил мощным ударом, едва не выбив Нату челюсть. Они пытались повалить друг друга на землю, но никому из них это не удавалось. Нат всё же уступал в размерах Тори – хоть телосложение его и было мощным, годы эгерума давали о себе знать. Но оба парня как с цепи сорвались: словно всё это время в них бушевала такая ярость и подавленный гнев, что теперь, когда он

наконец вырвался наружу, никто не мог уйти живым. Вдруг Соль увидела, как что-то мелькнуло в руке Ната.

– Нат, нет! – вскрикнула она и бросилась на товарища, успев схватить его за руку. Лезвие соскользнуло, разорвав ткань рубашки чужака.

– Уйди, дура! – проревел Нат и оттолкнул Соль. Она упала на спину, подняв столп пыли и сдавленно вскрикнув. От удара стало трудно дышать, и Соль попыталась отползти в сторону.

От всего этого чужак растерялся. Нат воспользовался моментом и сделал мощный рывок вперёд, нацелив локоть в горло соперника. Воспользовавшись преимуществом, он нанёс несколько мощных ударов ему в лицо и наконец выставил руку вперёд, дав лезвию ножа войти в живот незнакомца.

Льняная рубашка мгновенно окрасилась багрянцем. Время будто замедлилось. Соль задыхалась, но все её мысли занимал лишь проклятый нож. Она вытянула руку вперёд и крепко зажмурилась. Уже знакомые солнечные нити прорезали дрожащий воздух. Их золотые отблески пронизывали лес, объединяя время и пространство в единую материю. Соль чувствовала их тепло даже на расстоянии. С трудом найдя в себе силы, она вцепилась в ближайшую струну, но та выскользнула из рук. Краем глаза неспящая увидела, как незнакомец в ужасе пятится назад, хватаясь руками за окровавленный живот. Его взгляд полнился животным страхом, а губы отчаянно ловили последние порции воздуха. Преодолевая боль, Соль сделала рывок, оказавшись на коленях, и снова схватилась за солнечную нить, с ещё большим упорством потянув её на себя. Волокна света дрогнули, и во все стороны поползло золотистое эхо. Оно скользило по лесу, заставляя деревья и камни едва заметно вздрагивать, струилось сквозь другие нити, обдавая всех присутствующих обжигающим жаром. Наконец импульс достиг ножа в животе чужака, и лезвие, как по волшебству, медленно вернулось в руку Ната. Соль видела, как пятно крови исчезает, а порез на рубашке затягивается на глазах. Время перестало содрогаться и вернулось в привычный поток, оставив всех в растерянности. Чужак, не понимающий, что только что произошло, продолжил пятиться, пока наконец не споткнулся о камень на дороге. Парень, как поваленная штормом сосна, устремился к земле и растянулся на ней, ударившись затылком. Он не издал ни звука – ни крика, ни стона, ни бранного слова. Нат и блондин в турбане молча устремили взгляды на него. Шли секунды, а парень так и не подавал признаков жизни. Наконец Соль увидела, как под его головой на камнях расплзается кровь. Слишком много крови пролилось в этом лесу для одного дня.

В зале собраний звенело напряжение. Оно было почти физически ощутимым, и от него становилось так дурно, что хотелось провалиться под землю.

– Вы притащили чужаков сюда?! – не унималась Сойка. Даже эйра Тарин притих, поражённый масштабами её гнева.

– Это она меня заставила! – завизжал Нат, тыча пальцем в сторону Соль.

Она сидела на стуле, с трудом удерживая себя в сознании. После произошедшего силы стремительно её покидали. Сейчас она выглядела такой беспомощной, что обвинения Ната звучали ещё более нелепо.

– Заставила? Да ты её соплёй перешибёшь! Как она могла тебя заставить?! А ты? – Сойка повернулась к Соль и сверкнула глазами. Когда-то они были зелёными, но теперь в них клубилась тьма, а в данный момент ещё и пылало пламя, готовое сжечь всё на своём пути. – Ты чем думала?!

– А что... ты предлагаешь? – Голос Соль был слабым, и каждое слово давалось с огромным трудом, но неспящая не сдавалась: – Бросить его там... умирать?

– Да! Они сами сюда притащились, и их предупреждали!

– Вот именно! Они за нами следили, хотя я сказал им, чтобы проваливали! – вторил ей Нат.

Соль сама толком не понимала, почему решила спасти чужака. Сойка была права: привести их в деревню – самая большая глупость, какую можно было совершить. И всё же Соль не казалось, что она поступила неправильно. Она не знала, зачем незваные гости хотели встретиться с Хил, но верила, что у них были на то причины. И стоило бы их выслушать, раз они так настойчиво об этом просили.

– Его всё равно убьют, – отрезала Сойка. – Старшие вернутся и казнят их. Не отпускать же.

– Для начала... их можно... выслушать, – не уступила Соль.

Она всеми силами цеплялась за реальность, снова ускользающую от неё. Слишком хорошо Соль знала это чувство. Но сейчас она была просто обязана бороться. Соль не понимала, откуда в её друзьях столько жестокости. Чужаки или нет – в первую очередь они люди.

– Какая же ты дура, – брезгливо бросил Нат. – А если к тебе Совы припрутся и скажут, что хотят просто поговорить? Ты и их будешь слушать?

– А может, и буду.

– Вот из-за таких, как ты...

– Довольно! – неожиданно вмешался эйра Тарин. – А ну-ка пошли все прочь! Мы уже всё решили – чужаки будут сидеть под стражей, пока не вернётся староста. И судить их будет она, а не вы.

– Вот именно, – поддержала его Соль.

– Тебя это тоже касается! – Врач указал на дверь, и молодые люди смущённо повставали со стульев и двинулись к выходу. – И чтоб сидели по домам! И так уже мне работу удвоили всего за четыре луны! Если ещё кого притащите, не пушу, так и знайте!

Врач выпроводил всех наружу и гневно хлопнул дверью. Незваных гостей заперли в доме для собраний, разделив их по разным комнатам, и приставили Аселя присматривать. Плечистый брат Ната развалился на стуле, прислонившись спиной к двери, и дремал, пожёвывая сухой колосок. Асель не так боялся сна, как остальные, – он вообще ничего не боялся, потому что в его кармане всегда была коробочка с концентрированным охайским виджи, и он не стеснялся побаловать себя им в любую удобную минуту. Из-за этого все его зубы давно сгнили: часть из них выпала, образовав зияющие дыры, а оставшиеся пожелтели и сточились. Пахло от него просто отвратительно, и его суровая молчаливость только радовала окружающих. Чем меньше он открывал рот, тем лучше.

Старшие должны были вернуться уже завтра. Соль знала свою мать: она будет в гневе от произошедшего. Сложно было сказать, что взбесит её больше: авантюра с поездом или чужаки, которые по вине её дочери оказались в деревне. Но безнаказанным не останется никто. Сердце сжималось в тревожный комок об одних только мыслях о последствиях. Впрочем, вскоре в сознании Соль не осталось места для сомнений. Смертельная усталость настолько сильно нава-

лилась на неё, что Соль едва дотащилась до дома и бессильно рухнула на постель. Ей казалось, будто она три дня шла через горы без остановки. Тело ломило, а мысли путались, пока долгожданный сон наконец не забрал её в свои объятия.

Солнце стояло в зените. Вскоре гам затих, и деревня постепенно вернулась к привычной жизни. Старик Виргиль тихо спал в своём кресле на веранде, и золотые полуденные лучи игриво путались в его седой бороде.

Глава 11

Медвежье озеро

13 лет назад

Монтис. Борейские провинции. Аструм

– Спасибо вам, эйра Абео, – прошептала Цея. – Без вас она совсем не спит.

Мальчик сдержанно улыбнулся и погладил сестру по волосам. Малышка наконец задремала, но сон её был беспокойным. Белые как снег волосы разметались по подушке, а ресницы, будто покрытые инеем, подрагивали. Ривер отличалась от других детей: она была меньше, худее, слабее, тише. Она редко смеялась, не интересовалась играми, занимающими её ровесников, и часто плакала. Даже став старше, она всё ещё кричала по ночам, подобно младенцу. И крики эти были душераздирающими. В них звенели столь необъятные печаль и страх, что сердца служанок, остающихся приглядывать за девочкой ночью, невольно сжимались. Успокоить Ривер не удавалось никому из взрослых, а причины её криков были ясны как день: из-за лекарств трёхлетняя девочка почти не спала. Каждый раз, когда она закрывала глаза, её бросало в дрожь, словно что-то ужасное завладевало её сознанием. Врачи делали всё, чтобы облегчить её страдания, но по сей день единственным средством от эгерума оставалась настойка из зёрен Аши. Она стимулировала нервную систему, не давая организму погрузиться в фазу глубокого сна. Давать её ребёнку каждый день было крайне рискованно, но других способов удержать малышку в мире живых просто не существовало. Если бы она крепко уснула, то уже не проснулась бы никогда. Поэтому первые годы жизни Ривер, и без того бывшие нелёгкими из-за отсутствия материнской любви, были также омрачены слезами, бессонницей и постоянными болями. И лишь один человек всё же мог принести бедняжке успокоение хотя бы на пару мгновений. Её брат.

Абео было девять, когда он потерял мать и обрёл сестру. Отец всеми силами старался держаться и переносить потерю стойко, но спустя месяц сломался и позволил старой привычке взять над собой верх. С тех пор Абео редко видел его трезвым: Юлий пил за завтраком, обедом и ужином, перед сном и даже во время работы. Не разгромно, падая после этого без чувств, но понемногу, капля за каплей отравляя себя сладким ядом, чтобы ни на секунду не возвращаться в отрезвляющую реальность. Конечно, Юлий не бросил дочь и делал всё возможное, чтобы обеспечить её и окружить надёжными людьми. Но вот уже три года он сторонился малышки, и это было заметно всем обитателям дома Альбусов. Его переполняли самые тёмные чувства, от которых он так старательно бежал: страх неизведанного, таящийся в её пугающих чёрных глазах; непонимание, что делать дальше; непроходящая обида, кровоточащей раной остававшаяся на сердце. Юлий всей душой мечтал покачать на руках дочь, но никогда не думал, что она станет причиной смерти его жены. Он понимал, как глупо винить младенца в нелепой случайности, жестокой насмешке судьбы... Но и простить её до конца он не мог.

Тем не менее Ривер никогда не была одна. Слуги, десятки лет живущие в доме Альбусов и ставшие почти членами семьи, с радостью приняли нового ребёнка, даже несмотря на его недуг. Они ответственно подходили к своей работе и никогда бы не потребовали помощи от своих господ без лишней надобности. Однако младший Альбус всё равно не отходил от сестры с первых дней. Абео чувствовал с ней особую связь.

«Шерстью овечки чёрной
Вьются седые горы.
Коль на тропу взойдёшь ты,

Вьюгу прими и ветер.
Нить заскользит по прялке –
Сердце открой метелям.
Ходит средь звёзд овечка,
Следуй за ней из тени...»

Абео не очень-то умел петь. Ломающийся подростковый голос звучал совсем немелодично, а попадание в ноты порой совсем ему не давалось. Но в каждой колыбельной, что он часами без устали пел над постелью сестры, слышалось столько старания и любви, что даже старая Цея порой останавливалась в дверях и слушала как заворожённая. Под пение брата малышка могла заснуть на час, а иногда даже на два, и это уже было высшей наградой для её измождённого тела и разума.

Так прошло три года.

– Ну вот, пришли! – Абео опустил сестру на землю. Она висела на его шее, как маленькая обезьянка, и теперь с неохотой ослабила объятия. Но уже через секунду взгляд девочки приковало огромное ледяное озеро, на сотни футов раскинувшееся впереди.

– Больфое... – тихим голоском произнесла она.

– Помнишь, как называется? – Абео присел на корточки, заглянув сестре в глаза. Ривер смущённо помотала головой. – Это Медвежье Озеро. Очень древнее.

– Медвефье Озело, – повторила Ривер, не выговаривая часть звуков.

– Умница. – Абео улыбнулся до ушей и, выпрямившись, раскинул руки. Погода стояла чудесная: полярный день в самом расцвете. Солнце ослепительно сияло с холодного неба, заставляя шуриться. В воздухе кружили едва заметные снежинки, и их почти невозможно было бы различить, если бы они не заставляли одежду и волосы мерцать в солнечных лучах. Война так и не добралась до севера, но после того, как она закончилась два года назад, даже воздух будто бы стал другим. Земля во всём Аструме глубоко вдохнула, очистившись от крови, окроплявшей её десять лет.

– Как стекло. – Ривер коснулась замёрзшей воды ладошкой и озадаченно посмотрела на Абео.

– Помнишь, я рассказывал? Вода замерзает из-за холода. Становится твёрдой. Как стекло, ты правильно говоришь.

– А когда опять станет водой?

– Такое редко бывает. Раз в пару лет на несколько дней. Летом.

– А когда будет лето?

– Совсем скоро. Два месяца – и наступит.

Абео поднял с земли палку и расчистил небольшой участок льда у берега. Тот был таким чистым и прозрачным, что можно было разглядеть каждую травинку и камушек на дне.

– Смотри, как могу! – закричал мальчик и сделал несколько уверенных шагов вперёд.

– Ух ты-ы-ы! – восторженно запищала Ривер. Её глаза светились счастьем, и Абео не смог сдержать улыбки. Походы на озеро Ривер обожала ещё с тех пор, когда даже не умела говорить. Но из-за погоды и её слабого здоровья они нечасто могли сюда выбираться. Абео не очень-то доверял врачам с их излишней осторожностью. Ривер – северянка, и морозы – последнее, что может ей навредить. Борец должен быть на своём месте и не бояться непогоды с малых лет.

Абео сделал ещё один шаг по льду, как вдруг под ногами затрещало. Он быстро смекнул, что происходит, и бросился к берегу, но было слишком поздно: тёмный провал разверзся под ним и поглотил ногу. Здесь было совсем мелко, и он едва ли опустил в воду по колено. Но вода, мгновенно заполнившая сапог и промочившая штанину, была ледяной, и у Абео потемнело в глазах. Ривер замерла, с ужасом глядя на брата. Но, поняв, что ему ничего не угрожает, расхохоталась так заливисто, что её смех эхом разнёсся над древними замёрзшими водами. Проклиная всё на свете, Абео выбрался на берег. Зубы оглушительно стучали, а тело тряслось от холода и никак не хотело слушаться. Но улыбка Ривер была такой заразительной, что Абео и сам не удержался от смеха.

Дорога домой показалась бесконечной, и Абео не знал, чего он боится больше: остаться без ноги из-за обморожения или получить ремня за испорченные сапоги. Он уже прокручивал у себя в голове варианты сбежать в столицу ближайшим поездом, пока папа не закончил работу и не обнаружил, что он натворил...

Дом встретил детей обжигающим жаром. Печи топили так сильно, что щёки у служанок покраснелись, а бархатная обивка диванов на ощупь стала как раскалённая лава. Абео быстро скинул сапоги и штаны, пообещав себе разобраться с этим позже, и помог сестре раздеться. Передав малышку Цее и убедившись, что она отправится в горячую ванну отогреться после прогулки, Абео на цыпочках проскользнул в свою комнату и спрятал промокшие вещи за печью в надежде, что они просохнут раньше, чем их кто-то обнаружит. Вдруг до него донёсся басовитый кашель. Отец дома в такое время? Обычно в обед он принимал посетителей в аптечной лавке на другой стороне дома. Абео подошёл к кабинету, тихо ступая босыми ногами по полу, и заглянул в щель дверного проёма. Юлий сидел за столом. Пышные седеющие бакенбарды давно не видели ножниц цирюльника и кустились, делая отца похожим на причудливое горное существо из старых бореиских легенд. Жемчужные пуговицы на расписном жилете давно уже держались на честном слове, и одним богам известно, как им удавалось не разлететься в стороны под напором мощи тучной фигуры Юлия. Отец держал в руках какую-то бумагу, опустошённым взглядом вчитываясь в написанное.

– Абео, подойди, – негромко произнёс он, услышав, что сын стоит за дверью. – Ты чего без штанов? – Юлий вскинул кустистые брови.

– Не успел переодеться, – виновато ответил Абео.

– Душно у нас, я бы и сам не прочь пощеголять голышом. – Отец ослабил воротник рубашки и утёр пот со лба.

– Почему ты не в лавке?

– Я... – начал было Юлий и запнулся. Абео подошёл ближе и, к своему изумлению, увидел, что в глазах отца стоят слёзы.

– Пап?

Юлий вытащил из-за пояса блестящую флягу и жадно отпил, поморщившись. В комнате пахло клюквенной настойкой. Абео настолько привык к этому запаху, что иногда и вовсе мог его не замечать. Но если бы потребовалось, он бы узнал кислый спиртовой аромат из тысячи. Это был запах дома. Запах печали.

– Знаешь, что будет на следующей неделе?

– Конечно! В третий день рождения Ривер!

Абео оживился. Он мгновенно позабыл обо всех бедах. К празднику сестры он начал готовиться едва ли не за полгода. Каждый новый день старая Цея начинала с одних и тех же вопросов маленького эйра Альбуса. Какого цвета будет торт для Ривер? А какие в нём будут ягоды? А будет ли шоколад? А орехи? Вопросы всегда повторялись в одном и том же порядке, и служанка терпеливо давала на них одни и те же ответы. Абео внимательно следил за ней взглядом не по-детски серьёзных глаз, будто бы проверяя, помнит ли она, как всё должно быть. Цея помнила. Но Абео продолжал проверять, будучи убеждён, что без его строгого надзора всё может пойти не по плану.

Второй частью его приготовлений были, разумеется, подарки. Ривер любила сюрпризы, и брат и без того радовал её, как мог. Он ежедневно умудрялся раздобыть для неё хоть какую-нибудь безделушку. Конфету, красивый камушек, блестящую монетку, цветную ленточку. Но для четвёртого дня рождения нужно было что-нибудь посерьёзнее. В сундуке возле постели Абео уже собралось столько свертков, что можно было не задумываться о подарках в следующие десять дней рождений Ривер. Были там и её портреты, написанные акварельными красками. И всевозможные сладости, которые Абео откладывал при каждой удобной возможности. Глиняный горшочек для цветов, ради которого Абео решился заговорить с мрачным Мином. В прошлом Мин был охайским рабом, но никогда не воспринимал свою службу как нечто угнетающее. Когда-то Альбусы дали ему кров над головой и работу, в то время как на родине он был никем. Поэтому Мин относился к своей новой семье с любовью и уже больше двенадцати лет занимался хозяйством в доме Альбусов. Однако бывший раб до сих пор слегка пугал маленького Абео. Из-за раскосых глаз и тёмной щетины его лицо всегда выглядело немного угрюмым, да и в целом Мин не отличался привычкой улыбаться. Абео и Ривер сторонились его и даже придумывали разнообразные байки о мрачных секретах, которые может хранить таинственный слуга. Тем не менее ради сестры Абео переступил через свои страхи и с замирающим сердцем спустился в подвал, чтобы попросить мрачного Мина научить его лепить из глины. Охаец был настолько польщён вниманием маленького Альбуса к своему небольшому увлечению, что впервые на памяти Абео улыбнулся во все зубы. Не сказать чтобы это выглядело доброжелательно: кривые, посеревшие и редкие, они только больше испугали Абео. Но вскоре они с Мином нашли общий язык и вместе сделали милейший маленький горшочек для выюжников, после чего обожгли его в печи и покрасили голубой глазурью – любимым цветом Ривер.

Но Абео чувствовал, что чего-то не хватает. Все эти подарки были хороши, но они не выражали всех чувств, что он испытывал к сестре. И вот в один прекрасный день, отправившись на рынок вместе с Цеей, Абео заметил в витрине ювелирной лавки то, что заставило его восторженно прильнуть к стеклу. Служанка еле уговорила маленького эйра отправиться дальше, пока не раскупили самую свежую рыбу. Но образ увиденного стойко отпечатался в памяти Абео. Теперь он точно знал, что ему нужно: серебряный медальон на длинной цепочке. Овальную блестящую крышку украшал традиционный борейский орнамент, а в центре раскинул крылья звёздный бражник, почти не отличимый от настоящего. Каждая лапка была выполнена с ювелирной точностью, и насекомое выглядело удивительно реалистичным. Ривер обожала бражников и мечтала хоть раз посмотреть на них вживую. Но, увы, на севере они не водились. Абео обещал ей, что, когда она подрастёт, они обязательно отправятся в путешествие, где увидят и бражников, и океан, и пустоши Аши, и все возможные уголки мира, о которых она только может мечтать. А пока её будет радовать замена из серебра. Младший Альбус принципиально не просил денег на подарок у отца: он считал, что должен накопить их сам, а потому несколько месяцев собирал то, что ему выдавали на карманные расходы, в деревянной шкатулке. И вот в сикстий он как раз собирался отправиться в ювелирную лавку, чтобы наконец приобрести заветный медальон.

– Я приготовил для Ривер подарки! – Абео деловито перечислял все свои планы на день рождения сестры, пока не заметил, что отец его почти не слушает. Юлий смотрел в окно пустым взглядом и лишь иногда прикладывался к фляге, вздрагивая и морщась от пробирающей до костей клюквенной кислинки.

– Ей исполняется четыре года, – Юлий оборвал сына на полуслове. Его голос звучал хрипло и расползался по комнате, как тяжёлый сигаретный дым. – Знаешь, что делают с такими, как она, в четыре года?

– Что? – растерянно спросил Абео, подняв глаза на отца.

– Их забирают, – сухо ответил тот, сделав ещё один внушительный глоток. Юлий даже не пытался смягчить сказанное. Его переполняло такое отчаяние, что он просто говорил, не задумываясь. – Твою сестру заберут.

– Я помню, на остров. Но, говорят, это ведь ненадолго, да? На несколько дней?

– Навсегда. Богам неведомо, когда всё это закончится.

– Папа, ты что? – Губы Абео задрожали.

– Повзрослей уже, – безэмоционально бросил Юлий. – Это давно должно было случиться. Может, так и лучше. Там о ней позаботятся.

– Нет, – прошептал Абео. – Я не позволю!

– Абео... – Юлий опустил взгляд на сына и вдруг почувствовал, как сжимается сердце. Алкоголь позволял ему отстраниться от происходящего, притупить свою боль, забыть о ней. Но маленький Абео никак не мог спастись от неё. Юлию стало бесконечно жаль сына, и он потянулся, чтобы обнять его.

– Нет!

Абео закричал и стремительно выбежал из кабинета. Взгляд застилали слёзы, но он бежал изо всех сил, рискуя поскользнуться на одном из многочисленных ковров или споткнуться на лестнице. Ничто не могло остановить его сейчас. Он не знал, куда ему бежать, что делать, как всё исправить. Но маленький Альбус был уверен в одном: он лучше умрёт, чем проживёт хотя бы один день, в котором нет сестры.

Глава 12

Вольные

Драматичнее и отчаяннее умирающего мужчины может быть только мужчина, поранивший палец или страдающий от лёгкой горячки после получасовой зимней прогулки.

Наши дни

Сгоревшая деревня. Фавийские провинции. Аструм

Ледяная капля стекла прямо за воротник, заставив Тори вздрогнуть и лениво разлепить глаза. Он не понимал, где находится и сколько здесь пробыл. Тори попытался вспомнить, что произошло, но мысли путались. Он полулежал на полу, опершись спиной на дощатую стену и вытянув ноги. Помещение было тесным, душным и полутёмным. И всё же в отсветах свечи Тори смог разглядеть стеллаж, уставленный хозяйственной утварью и поднимающийся едва ли не до потолка. Хотя тот располагался довольно низко, и выпрямись Тори в полный рост, упёрся бы в него макушкой. Виатор застонал, но в горле пересохло, и ему удалось издать лишь нечленораздельный хрип.

– Тише, – слышался шёпот. – Вот так...

К губам поднесли чашу с водой, и Тори жадно осушил её. Затем он снова откинулся назад и попытался сфокусировать взгляд. Наконец он различил перед собой светловолосую девушку. Она стояла над ним на коленях, иногда присаживаясь на его бёдра. Из-за головной боли Тори сложно было различить черты ее лица, поэтому самой яркой деталью, которая ему запомнилась, был зелёный платок, повязанный у неё на шее. От девушки исходило приятное тепло, и её близость заставляла его тело наполняться волнующим трепетом, даже несмотря на плохое самочувствие.

– Осторожно... – прошептала она.

Виатора охватила резкая боль. Она вспыхнула в затылке и молнией разнеслась по телу, заставив каждый нерв дрогнуть.

– Понимаю, – сочувственно заметила девушка. – Но надо промыть, а то будет заражение. Потерпи.

Кажется, у неё ушла на это целая вечность. Тем не менее Тори нравилось чувствовать прикосновения её рук. Они были такими нежными, словно в них оказался хрупкий цветок, а не эврийская двухметровая шпала.

– Чт-то случилось? – с трудом выдавил он.

Единственное, в чём Тори точно был уверен, – он приложился головой. Сильно приложился. Было много крови, разорванная рубаха, нож... Погодите-ка. Нож точно не имеет отношения к головной боли. В ужасе Виатор вздрогнул и принялся ощупывать живот на предмет ранений. Но всё было в порядке: рубаха оказалась целой и лишь немного запачканной дорожной пылью. Живот тоже был в порядке, но Тори точно помнил укол ножа, пронзающую боль, смертельный ужас, охвативший его в тот миг...

– Вы немного повздорили с Натом. – Уголок рта девушки легко вздрогнул в подобии улыбки.

– Я умер?

– Не-а. Живее всех живых. Только головой ударился.

– Как... как?

– Считаю, что добрый друг тебе немного помог, – загадочно улыбнулась девушка. – Ну вот и всё. Как новенький!

Она придвинула к себе миску и выжала воду из слегка покрасневшей тряпки. Видимо, рана была совсем несерьёзная. Царапина, не больше. Закончив дело, незнакомка собралась было встать, но Тори схватил её за предплечье, притянув к себе. Он не рассчитал силы и сам не ожидал, что её лицо окажется так близко. Тори хотел расспросить её о том, кто она, что происходит, где он находится, куда подевался Абео... Но её горячее дыхание сбilo его с толку, и теперь Тори мог только неотрывно смотреть в большие чёрные глаза. Глаза эгера не спутаешь ни с чем: чёрная радужка поглотила зрачок и будто бы затягивает в себя любой достигающий её свет. Абсолютная пустота. Глубокая. Манящая и отталкивающая.

Сердце пропустило удар. Девушка на секунду перестала дышать. Эта секунда растянулась в вечность прежде, чем незнакомка вскочила и, схватив миску и медицинские принадлежности, поспешно покинула комнату.

Собравшись с мыслями, Тори предпринял безуспешную попытку встать. Ползком он добрался до двери и попытался её открыть. Кто-то недовольно окликнул его с другой стороны и пригрозил «переломать ноги, если будет рыпаться». Тори на всякий случай выкрикнул: «Сам дурак!», но попытки освободиться прекратил. Он чувствовал себя слишком уставшим и растерянным, чтобы героически выламывать дверь и давать по шее грубияну снаружи. Тори вернулся на своё место, откинулся на стену и прикрыл глаза. Нужно немного вздремнуть, а вот после он обязательно выяснит, кто посмел запереть его в этом небогоугодном месте, и тогда негодяи познают его гнев...

Однако плану его не было суждено сбыться. Наступление утра Тори благополучно проспал, мучаясь от всплывающих в памяти обрывков их с Абео путешествия. Очнувшись он только к тому моменту, как два крепких черноглазых деревенщины ввалились в каморку и, схватив под руки, выволокли его наружу. За дверью оказался в меру просторный зал с длинным столом, рядом скамеек и кафедрой в дальнем конце. Некоторые окна украшали узоры тёмных трещин, а иные и вовсе были затянуты сукном. Кое-где виднелись чернеющие следы пожара, а между половицами местами пробивались ростки сорной травы. Можно было подумать, что помещение заброшено, если бы не книги на полках и не огарки свечей повсюду. С улицы лился скудный свет. Непогода держалась уже несколько дней, и краски на небе смешались в единое белое с серым отливом марево. В пузатой печи с налётом ржавчины потрескивали поленья, но она с трудом могла бы прогреть весь зал. Помимо негодяев, разбудивших Тори столь возмутительным образом, снаружи его встретило ещё несколько человек. Это были мужчины и женщины, в основном средних лет. Больше других Виатору запомнилась дама в коричневом берете. Взгляд её был суров и так пронзителен, что становилось не по себе.

– Пусть сядет, – бросила она, нетерпеливо постукивая пальцами по столу. Провожатые Тори силой усадили его на стул, связав запястья за спиной колючей верёвкой. Как только они закончили, женщина велела им убираться. Упершись ладонями в щербатую столешницу, она не сводила глаз с загадочного гостя.

– Говорить будешь? – со сталью в голосе спросила она.

– Если это свидание, стоило начать немного в другом тоне...

– Это допрос, – прошипела женщина. – И если будешь шутить шутки, я велю столкнуть тебя в Искристое Ущелье и сэкономлю своё время.

– Вы злая, – Тори сморщил веснушчатый нос.

– Что. Вам. Здесь. Нужно? – отрывисто спросила незнакомка, чеканя каждый слог.

– Поговорить с некоей Хил. А вам?

Она резким, но уверенным движением обогнула стол и подошла ближе. Тори не успел ничего понять, прежде чем спинка его стула устремилась к земле, а он вместе с ней. Удар равномерно рассредоточился по спине, и Тори невольно закашлялся.

– Зачем? – продолжила допрос женщина, глядя на Тори сверху вниз.

Шутить с ней действительно не стоило. Её фигура выглядела зловеще, даже несмотря на то, что Виатор превосходил её размерами.

– А вам какое дело? Вот приведёте её, тогда и скажу, а вас я знать не знаю.

– А её, выходит, знаешь? – В чёрных глазах мелькнула искра любопытства.

– Может, и знаю. Может, я её любовник.

После этих слов уплотнённый носок кожаного сапога встретился с животом Тори. Выбить из Виатора Рэсиса желание паясничать не смогла бы, пожалуй, даже петля на шее. Но всё же этот аргумент он не оставил без внимания.

– Неужели Абео вам ещё не растрезвонил?

Мужчина в очках, всё это время молча наблюдавший за происходящим, что-то шепнул его мучительнице на ухо. Видимо, пояснил, о ком идёт речь. Она кивнула и нахмурилась:

– Не знаю, суждено ли тебе дожить до завтра... Но дам совет на будущее. Дружеский. В любом тандеме всегда есть умный, а есть... второй. Если тебе нужно что-то узнать – вычисли дурака. Не ошибёшься – сведения у тебя в кармане.

Тори некоторое время тупо смотрел на собеседницу, осмысляя сказанное. Из её слов он сделал вывод, что Абео и есть тот самый дурак в их славном дуэте.

– Значит, всё-таки растрезвонил, – пришёл к заключению Тори. Его одновременно восхитили собственные способности к логическим умозаключениям и разочаровала слабохарактерность товарища. Хотя чего ещё можно было ожидать от этого червя? – Ко мне тогда какие вопросы?

Присутствующие переглянулись, будто пытаясь найти во взгляде друг друга ответ: действительно ли Тори настолько глуп или притворяется? Но искренняя скорбь в его голосе указывала на абсолютную бесхитрость. Он и правда был уверен в своих суждениях.

– Нам нужно, чтобы ты подтвердил его слова, – быстро нашлась женщина.

– Боги, я так и знал, что с этим отморозком каши не сварить... Да, мы ищем эту вашу Хил, чтобы она сказала, кто мог точить зуб на моего батю. Довольны? Теперь вы меня развяжете? Или поднимите хотя бы? Тут холодно.

– С чего вы взяли, что Хил что-то знает о твоём отце? – Женщина слегка запнулась, прежде чем произнести имя.

– Да я-то почём знаю! – взвился Тори. – Спросили бы у Абео! У него там какие-то бумажки, письма. Меня, как обычно, не особо посвятили в элитный клуб имени Тэо Рэсиса...

Тори вдруг заметил, что в комнате стало тихо. Он мог отчётливо расслышать дыхание каждого из присутствующих. Теперь они все неотрывно смотрели на него, будто чего-то ожидая. Тори стало не по себе, и он поёжился, однако, лёжа на полу со связанными руками, это было не так-то просто сделать. Его жест напомнил скорее предсмертные конвульсии, что только усугубило нелепость ситуации.

– Тэо Рэсиса? – почти шёпотом выпалила вольная после продолжительной паузы.

– Да что ж вы какие тугие тут все! Я же сказал – эта ваша Хил писала какие-то писульки моему отцу, Тэо Рэсису.

Черноглазая ещё некоторое время всматривалась в его лицо, после чего молча вернула стул в вертикальное положение. Кровь неприятно ударила в голову, но Тори рад был наконец-то вернуться в нормальное положение. На полу он чувствовал себя ящерицей или даже грибом. Может, всему виной презрительный взгляд его неприветливой собеседницы, но, оказавшись глазами на одном с ней уровне, выдержать его было легче.

– Тэо бы не стал посылать кого-то вместо себя. Он обещал приехать один. – В голосе вольной всё ещё лязгали отзвуки недоверия, и всё же она будто перестала напирать с такой силой, как прежде.

– Ага. Только неувязочка вышла: далековато ехать. С того света.

Спустя некоторое время Тори и Абео сидели за столом вместе с неспящими как полноправные участники диалога. Никаких больше верёвок, пинков, тычков и злобных взоров в их адрес. Хил, оказавшись той самой женщиной в берете, новости встревожили не на шутку. Тори надеялся, что их целью окажется кто угодно другой, только не эта неприятная особа. Хорошо, хоть маска палача на её лице сменилась по-человечески встревоженным выражением... Абео в деталях обрисовал присутствующим ситуацию, и с каждым словом эгеры за столом становились всё мрачнее.

– Поверить не могу, – Хил запустила руку в коротко стриженные волосы, – Тэо мёртв... И всё это из-за меня.

– Брось, – возмутился мужчина в очках. Оказалось, его зовут Тарин и он трудится врачом в деревне. – Ты ведь понимаешь, что это стечение обстоятельств.

– Это называется причина и следствие, Тарин, – огрызнулась Хил, подпаливая травяную самокрутку. – Если бы я ему не писала, письмо бы не перехватили и Тэо был бы жив.

– А что вы ему писали? – с любопытством вмешался Тори. – Неужто любовные письма?

– Он всегда такой? – Хил покосилась на Абео, брезгливо скривившись.

– В основном, – обречённо вздохнул борец. – Извините.

– Да наплевать. Я писала ему о своей дочери.

После недолгих разъяснений Хил рассказала о том, что вольные эгеры многим отличаются от обыкновенных. Они могут существовать без лекарств, засыпать и, что самое главное, просыпаться по своей воле. Более того, им удалось обратить болезнь себе на пользу: во снах они глубже погружаются в собственную сущность, черпая из неё загадочные силы, никому прежде не подвластные. А началось всё с девчушки по имени Соль. Именно она первой бросила вызов эгеру и смогла его обуздать, а позже научила этому других. Хил надеялась, что умения её дочери хоть как-то помогут Тэо продвинуться в исследовании эгерума. Возможно, он сможет найти лекарство, изучив новые стороны болезни. А может, её и вовсе не надо лечить? Эти люди не выглядели несчастными или обессиленными. Здесь Абео не соврал: вполне обычные ребята, разве что глаза у них немного странные.

– Так, значит, вы типа... колдуны? – с опаской уточнил Тори.

– Мы это предпочитаем так не называть. Все колдуны там, – Хил кивнула куда-то в сторону, очевидно, имея в виду Охайю, раскинувшуюся за горным хребтом и бескрайним Нефритовым Лесом. – А мы просто заложники обстоятельств. Но всё ещё люди.

– А вы можете показать? Ну, эти свои фокусы?

– Нет. – Пытливость Тори явно начинала утомлять Хил. – Эти «фокусы» даются слишком дорогой ценой. Без надобности мы их не используем.

– Почему вы писали о своей дочери именно эйра Тэо? – наконец задал приличествующий ситуации вопрос Абео.

Хил некоторое время смотрела на него отсутствующим взглядом, полным сомнений. Она будто решала, стоит ли говорить об этом вслух, но слова всё же сорвались с её губ:

– Тэо нам очень... помог. Можно сказать, мы живы и свободны только благодаря ему. Я надеялась, что так смогу отплатить ему. Думала, так будет лучше...

– Конечно, будет! – воодушевился Абео. – Вы даже не представляете, насколько это революционное открытие! Если всё, что вы описали, – правда, мы стоим на пороге нового будущего для всех эгеров Аструма!

– Говорите прямо как он, – усмехнулась Хил. – Как бы и вам с таким рвением не оказаться там же...

Разговоры о смерти Тэо Рэсиса явно давались ей с большим трудом. Тори так и не смог понять, кем они приходились друг другу. Но даже невооружённым глазом было видно, как сильно новости о его отце ранили Хил. Виатор всё ещё не оставлял надежду, что между ними был как минимум тайный роман. Конечно, это было бы жестоко по отношению к матери, но

это сделало бы Тэо хоть немного меньшим праведником в его глазах. Дало бы понять, что отец тоже был человеком со своими слабостями и страстями. А может, и вовсе тем ещё кобелём! От этих мыслей уголки рта Тори поползли вверх, и он одёрнул себя, чтобы не выглядеть полным идиотом на фоне всех этих траурных лиц.

– Кто мог убить его? – снова вмешался Тарин. – Мне казалось, в империи жизнь врача ценится не меньше любой другой.

– А кто хочет найти нас и запихнуть на остров подышать, как собак? – норовисто парировала Хил. – Кому-то выгодно держать нас под замком. Но у этого кого-то явно очень длинные руки. Уж точно длиннее, чем у нас, смертных.

– Думаете, боги? – с придыханием спросил Тори.

Хил и Абео почти одновременно хлопнули себя ладонями по лицу. Тори лишь растерянно огляделся, не понимая, что такого сказал в этот раз.

– Кто бы это ни был, – продолжил Абео после небольшой паузы, – правда однажды раскроется. И мы должны сделать для этого всё. Вы позволите нам встретиться с вашей дочерью?

– Попридержи коней, красавчик. Что бы ты там ни захотел вскрывать, после всего случившегося мою дочь в это впутывать не нужно. Да и кого бы то ни было из нас. Как показывает практика, идея крайне дерьмовая.

– Но вы ведь сможете изменить всё! Тысячи людей страдают взаперти...

– И без тебя знаю, – перебила его Хил, – видела. Но сейчас нет ничего важнее нашей безопасности. Мы годами сражались за свою жизнь не для того, чтобы нас прирезали и бросили в канаву. Даже за правду. Как видите, она никому на самом деле не нужна. Жаль, что Тэо пришлось усвоить этот урок таким путём... Думаю, вам пора отправляться назад.

Хил поднялась с места и проследовала к двери, распахнув её и впустив прохладный осенний воздух. Присутствующие ещё некоторое время переглядывались в неловком молчании, пока потихоньку не начали расходиться. Абео нерешительно двинулся к выходу, и Тори последовал за ним, но в последний момент боец резко остановился, так что Виатор едва не влетел ему в спину. Он осыпал товарища самыми изысканными выражениями, но тот неотрывно смотрел в глаза Хил.

– А знаете, мы никуда не уйдём.

Абео старался говорить твёрдо, но его голос дрожал. Да и язык тела с потрохами выдавал его неуверенность в себе. Хил в удивлении вскинула бровь.

– Люди мучаются столько лет, и вы – единственная, кто может что-то изменить. Врачи ломают голову, эйра Тэо и вовсе отдал жизнь, надеясь докопаться хоть до крупницы истины. А вы отказываетесь помочь? Вы ведь знаете, каково это – быть неспящей! Как вы можете просто стоять в стороне?!

Хил смерила его внимательным взглядом. Её чёрная радужка, укрытая теньями, отражалась в прозрачных голубых глазах борейца. Она смотрела на него, как львица на добычу, готовая в любой момент разорвать на куски за проявленную дерзость. Тори даже на мгновение всерьёз испугался за своего спутника. Надо же было его голоску прорезаться именно перед ней...

– Кого ты потерял? – неожиданно спросила она.

– Сестру, – тихо ответил Абео. – Её зовут Ривер. В этом году ей исполнится шестнадцать лет.

Серая хмарь на небе немного рассеялась, дав скудным солнечным лучам пробиться сквозь облака. Хил зажмурилась, подставив лицо солнцу. На её тонких губах скользнула едва заметная улыбка.

Глава 13

Огни Мираха

11 лет назад

Мирах. Ноттские провинции. Аструм

Столица империи вобрала в себя столько красок, что глаза разбегались. Высокие дома с рыжими, бордовыми и лазурными черепичными крышами тянулись вдоль улиц, мощённых разноцветной плиткой. Взгляд приковывали резные арки, блестящие витражи и мозаики, рисующие невероятные узоры. Небесные тела, сюжеты древних легенд, портреты великих правительниц... Вдоль аурографных столбов вился густой плющ. Пышная зелень разрасталась вокруг фонтанчиков и каналов, укрывала резные перила мостов, колыхалась, потревоженная клубами дыма и пара, поднимающимися из трубы чьей-то мастерской... Невероятное буйство цветов, форм и фактур сводило с ума. Но больше всего внимание к себе притягивала Небесная Игла – императорский дворец, возвышающийся в самом сердце города. Эта огромная башня со старинными часами уходила, казалось, в самые облака, и где-то на верхушке можно было различить слабый отблеск огромного преобразователя ауры. Говорили, что в Небесной Игле построена система из нескольких тысяч золотых зеркал и звёздный свет, отражающийся в них, разливался по всему Аструму, давая энергию всем механизмам.

Мирах считался величайшим творением богов. Тысячи аструмцев стекались в столицу в жадных исканиях красоты, золота, смысла жизни или ради исполнения долга. Провести жизнь под знойным солнцем юга считалось величайшим благом, по мнению многих. Но не для борец.

Пошёл уже второй год, как Абео пытался перестать чувствовать себя здесь чужим. После того как Ривер забрали на Храмовый Остров, отец настоял на том, чтобы заложить поместье и уехать из Монтиса. Призраки прошлого настигали его в каждом уголке злосчастного дома, и он всё сильнее погружался во мрак и отчаянье. Пребывание в столице должно была взбодрить Юлия, помочь ему наконец начать новую главу. Поначалу так и вышло: первые месяцы на ноттских землях стали для старшего Альбуса глотком свежего воздуха. Несмотря на недовольство сына городом, Юлий немного пришёл в себя, занялся устройством их новой жизни и очень скоро открыл небольшую аптечную лавку в Квартале Непобеждённой, где находился одноимённый госпиталь и известный на всю империю университет Ищущей. Огромное здание со множеством куполов, арок и башен расположилось недалеко от центра Мираха и раскинулось на несколько улиц, с каждым годом разрастаясь всё сильнее. Здесь же можно было найти и библиотеку, и бесчисленные книжные лавки, и так любимый студентами «Муравейник» – куполообразное здание, вместившее в себя все самые важные аспекты жизни будущих академиков. Его многочисленные этажи были поделены на маленькие помещения, между которыми, подобно муравьям, туда-сюда носились молодые парни и девушки. Здесь уместилась и гостиница, и комнаты отдыха, и, что самое важное, кабак, занявший весь первый и второй этажи и для жителей столицы ставший легендарным местом.

Лавка Юлия сразу обрела своих посетителей, а студенческая суматоха вызывала у него умиление и восторг. Абео поражало, как отец быстро изменился: на несколько месяцев в этом обрюзгшем и рано постаревшем мужчине вновь проснулся тот жизнерадостный толстяк, которого он привык видеть с детства, суевающийся между полками с мазями и порошками и осыпаящий комплиментами каждую женщину, которая оказывалась на пороге его аптеки. Абео даже почти успокоился и смирился с тем, что их жизнь стала другой. Если это помогает отцу

вновь встать на ноги после пережитого, то сам он, пожалуй, готов забыть о доме и попытаться влиться в сумасшедший столичный быт.

Но счастье было недолгим. Прошное с каждым днём всё сильнее наступало на пятки, не давая забыть о себе. Каждый раз, возвращаясь от интенданта Слепого Легиона, отвечающего за передачи посылок на Храмовый Остров, Юлий мрачнел, хирел, а взгляд его глаз становился всё более тусклым. Каждая буква в письме, каждая посылка с вещами и маленькими подарками для дочери напоминали аптекарю о том, что он потерял. И вот спустя семь месяцев он вернулся домой за полночь, едва переставляя ноги от выпитого, – и с тех пор не просыхал.

Абео казалось, что он остался один против всего мира. На плечи четырнадцатилетнего мальчика легли торговля в лавке, приготовление препаратов, организация поставок ингредиентов, а также всё домашнее хозяйство. В перерывах между этим ему приходилось следить, чтобы отец не напился до смерти и не разбил голову о мостовую при попытке добраться домой из кабака. Дни летели с бешеной скоростью, слипаясь в однообразный серый ком. Вокруг мелькали лица – чужие, смуглые, обрамлённые чёрными кудрями. Дорогие столичные одежды пестрили вокруг, вызывая головокружение, музыка звучала изо всех щелей, сливаясь в оглушительную какофонию. А солнце палило так, что спасения от него не было нигде. Абео продолжал натягивать длинные рукава до самых запястий и застёгивать жилет на последнюю пуговицу по старой северной привычке. Будто бы назло чужим краям он не собирался играть по местным правилам, ведь это значило бы, что он признал: север больше никогда не будет его домом. Капли пота стекали по вискам и оставляли тёмные следы на деревянной поверхности аптекарского стола. Когда-нибудь всё это закончится.

Тот день ничем не отличался от предыдущих. Запахи трав, спирта, жар горелки, румяные щёки посетителей, гам за окном, стук шагов по мостовой. Первые фонари, гуляния на площади, яблоки в карамели, танцы до самой ночи... Город кипел. Жизнь билась и пульсировала здесь, и тихому мальчику, забившемуся в угол своей постели с книгой в руках, как всегда, не нашлось места в ней.

Но Абео был вынужден покинуть стены дома, когда время перевалило за полночь. Час, второй... Отца всё не было, и Абео отправился на поиски. Это не составило ему особого труда: он уже давно заучил названия местных питейных заведений. В некоторых его даже узнавали и сразу указывали на столик, за которым сидел раскрасневшийся Юлий, размахивая руками и играя в Ловца Удачи со случайным собутыльником. В каких-то из них Абео даже предлагали налить за счёт заведения, и он в очередной раз диву давался душевной простоте кабатчиков, готовых напоить даже ребёнка, лишь бы получить нового завсегдатая. Хотя Абео давно не чувствовал себя ребёнком: после смерти матери ему пришлось быстро вырасти. Новая же жизнь окончательно закрепила его в позиции взрослого: первенец Альбусов остался единственным, кто сохранил и здоровье, и рассудок. И ему нужно сражаться, если он хочет ещё хоть один раз увидеть сестру.

Так и в этот раз четырнадцатилетний Абео, словно строгий родитель, шёл уже знакомым маршрутом в поисках нерадивого отца. Юлий нашёлся в трактире «Возничий». Возле входа, обрамлённого аляповатой мозаикой, стояла старая телега, ставшая своего рода символом этого места. Пьянчуги время от времени пытались утащить её с собой, и трактирщику приходилось выскакивать на улицу и разгонять их старой метлой.

Абео не раз доводилось вести пьяного отца до дома, но этот был особенным. Несмотря на то что состояние нестояния было для Юлия не в новинку, в тот день он окончательно утратил человеческий облик. Лицо отекло и покраснело, сосуды в заплывших глазах, смотрящих в пустоту, полопались, немногочисленные остатки волос прилипли к потному лбу, а пропахшую потом рубаху украшало пятно ароматной рвоты с кусочками недавнего ужина. Будучи в два раза легче отца, Абео с трудом мог устоять на ногах, чувствуя, как его тучное тело всем весом

оперлось на его плечо. Абео неумолимо шёл вперёд, делая маленькие шаги и стиснув зубы. Юлий издавал нечленораздельные звуки и лениво волочил ноги по каменной плитке. На полпути до дома он обмочился, наполнив аллею отвратительным смрадом, подобным тому, что исходит от бездомных.

– Хочу выпить, – пробормотал Юлий, едва ворочая языком.

Абео проигнорировал его слова и продолжил ковылять в сторону дома, давая отцу повиснуть на своём плече. После того как отец трижды повторил свою просьбу, Абео категорично отрезал:

– Мы идём домой.

– Ты чё, щенок! – заревел Юлий и, уперевшись ладонью в грудь Абео, с силой оттолкнул его. Тот устоял на ногах, ледяным взглядом смотря на отца. – Ты меня жить не учи, сукин ты сын...

Ноздри Юлия раздувались от гнева. Из рта пахло как из месяцами невымытой конюшни. Его глаза казались стеклянными – в них потухло всё человеческое, любые проблески ума, сострадания, надежды. Юлий пошатнулся и, звучно сплюнув, сам поплёлся в сторону дома, но уже через пару футов Абео пришлось снова подхватить его, чтобы отец не влетел лбом в фонарный столб.

Уснул Юлий моментально, едва седая голова коснулась подушки. Оставив его одного, Абео заперся в своей комнате и сел на кровать. Он долгое время бездумно смотрел на дверь, вслушиваясь в тиканье часов. Глаза изучали резьбу, огибающую проём и выющую вдоль латунной ручки. В какой-то момент Абео поймал себя на том, что его щёки горят, будто пламя из печи чудесным образом вырвалось на свободу и коснулось их своими пылающими языками. Осторожно дотронувшись кончиками пальцев до своей фарфоровой кожи, Абео почувствовал, что по щекам текут слёзы. Вздвогнув от неожиданности, он вдруг разразился рыданиями. Губы дрожали, в горле стоял болезненный ком, а всё тело сотрясало, как хрупкая юная лиственница на бореиском ветру. Абео плакал, завывал, всхлипывал. Всё, что копилось в груди пять лет, наконец выплеснулось наружу, заполнив его до краёв.

Юлий умер через две недели, но для Абео его не стало именно в тот день.

«Дорогая Ривер!

Как твои дела? Хорошо ли ты себя чувствуешь? Тепло ли у вас или нужно прислать одеяло?

Как вы готовитесь к Хроносу? У нас в столице все ждут праздника – уже украсили дома, хотя до торжества ещё три недели...»

Абео отложил перо и тоскливо вздохнул. Он чувствовал себя круглым дураком, выводя буквы на бумаге. Письма на Храмовый Остров всегда оставались без ответа – ничего не возвращалось с этих проклятых земель, даже обрывки бумаги. Абео мало представлял, чем пара

писем от Ривер может ему навредить: если он не заразился, засыпая с ней в обнимку на протяжении трёх лет, вряд ли зараза пройдёт его сейчас. Но со Слепым Легионом спорить было бесполезно. Иногда Абео задумывался, получает ли сестра его письма – или хмурые Совы сжигают их где-нибудь в ближайшем лесу? И всё же он не пропускал ни одной недели и продолжал писать ей, пусть и не получая ответа. Когда собеседник не может тебе ответить, темы для разговора быстро иссякают. Абео старался наполнять свои письма вопросами: бытовыми, неоднократно повторявшимися ранее, не особенно важными... Но ему представлялось, как Ривер читает письмо и хотя бы мысленно ведёт с ним диалог. Обычно это давало надежду, но бывали дни, когда всё происходящее казалось особенно абсурдным. Этот был как раз из таких. Абео скомкал листок и нервно запустил его в мусорную корзину под прилавком, после чего уронил на него голову, зарывшись лицом в складки атласных рукавов. Чувства пробивались с задворок сознания, будто через глухую стену: после смерти отца на Абео свалилось столько всего, что он едва соображал от усталости. Он несколько раз думал всё бросить, но аптека – единственное, что у него осталось. Выкупить поместье в Монтисе ему было не на что, а кроме аптекарского ремесла, он ничего толком не умел. Абео чувствовал себя невероятно одиноко: в мире не было ни одного человека, на которого он смог бы положиться.

– Послеобеденный сон и правда полезен для здоровья, – послышалось откуда-то сверху.

Абео встрепенулся и встретился растерянным взглядом с посетителем. Погрузившись в раздумья, он не услышал дверной колокольчик и теперь жутко стыдился своей неучливости. Перед ним стоял высокий мужчина средних лет. По специальному поясу, тянущемуся поверх жилета, и лавровой ветви, украшающей шляпу, можно было понять, что этот человек работает врачом. Абео быстро вспомнил его – он был частым гостем в лавке Альбусов и неоднократно закупался большим количеством лекарств. Абео никогда не выпадало шанса разглядеть его – обычно с посетителями общался Юлий, но теперь он наконец оказался лицом к лицу с тем, кто спасает жизни. Его всегда восхищали настоящие врачи, а госпиталь Непобеждённой в другом конце квартала манил обжигающим светом несбыточной мечты.

– Вы в порядке, молодой человек? – улыбнулся врач, и Абео снова мысленно проклял себя за оплошность.

– Да... Простите! Да ведут вас небесные огни! Ваш заказ готов, мне надо только...

– Не переживайте так. – Голос мужчины звучал умиротворяюще. – Я бы попросил добавить ещё три унции зёрен Аши. Если они ещё остались.

– Конечно!

Абео с таким рвением бросился в подсобку, что едва не снёс стеллаж со стеклянными пузырьками микстур. Он не мог позволить себе оплошать перед таким человеком. В два счёта отсчитав нужное количество ингредиентов, он уже через пару мгновений водрузил на прилавок большой деревянный ящик. Заказ улыбчивого гостя всегда оставался практически неизменным: обезболивающие микстуры, жаропонижающие отвары и отдельные алхимические компоненты, в числе которых были те самые зёрна Аши. Растущие в древних пустошах, где когда-то обитали дикари Аш'Кхари, они были известны своим тонизирующим эффектом, но в Аструме приобрели скорее печальную славу. Зёрна часто использовали не по назначению, жуя или растирая в порошок в надежде обуздать тело и заставить его поверить, что ему не нужен сон, чтобы быть продуктивным. Со временем любители подобных экспериментов над собой начинали выделяться из толпы: худоба, впалые щёки, бегающий взгляд, быстрая речь, спутанные мысли... Смотреть страшно. Но, по иронии судьбы, именно зёрна Аши стали спасением для эгеров. Их невысокий концентрат в микстуре, что они вынуждены были принимать, не так быстро разрушал организм, но позволял неспящим быть... неспящими. А потому в аптеке их и по сей день можно было приобрести без труда. Абео всё ещё помнил, как страдала от этой отвратительной смеси его маленькая сестра, а потому всегда испытывал особый тревожный трепет, продавая очередную порцию кому-то из посетителей.

– Простите мою непочтительность, – не поднимая глаз, начал Абео, – но вы ведь работаете с неспящими, правда?

– Точно так, – не без гордости ответил врач.

– Вот как... – Абео выдержал паузу, не зная, как подступиться к разговору. Наконец он выпалил на одном дыхании: – Может, вы знаете, есть ли новости об излечении эгерума? Скоро всё это закончится?

– Если бы я знал, мой друг, – покупатель покачал головой. – Однако и огорчать вас я не стану. Видите это? – врач указал на тёмные круги у себя под глазами. – Тружусь в поте лица! Чтобы в следующий раз, когда вы зададите мне такой вопрос, обрадовать вас хорошими новостями.

– Вы делаете великое дело, – восторженно выдохнул Абео.

– Пустяки, – отмахнулся врач. – К слову, что-то давненько не видно вашего отца. Уж не приболел ли он, простите моё любопытство?

– Он умер в прошлом месяце. – Абео постарался произнести эту фразу как можно спокойнее, но ему это не слишком-то хорошо удалось.

– Простите, ради всего святого, – сконфузился врач. – Я не хотел тревожить ваши раны. Эйра Юлий был прекрасным человеком, мне очень жаль.

– Он с богами, – сдержанно ответил Абео.

– Ах да... Столько времени я у вас бывал, а имени вашего так и не знаю.

– Абео. Абео Альбус. – Он склонил голову в скромном поклоне.

– Тэо Рэсис, – со слегка избыточной торжественностью представился врач и, схватив маленькую ладонь юного борейца, бросился трясти её в крепком рукопожатии. – Спешу заметить, что вы очень талантливы в своём ремесле, особенно для столь юного возраста.

– Да будет вам, – засмутился Абео. – Вот был бы я врачом, это бы чего-то стоило. А настаивать травы каждый бы смог.

Расплатившись, Тэо с усилием оторвал ящик лекарств от прилавка и, попрощавшись с молодым аптекарем, направился к выходу. Входная дверь отворилась бесшумно – Абео следил, чтобы петли всегда были смазаны. Колокольчик над входом подал свой негромкий звонкий голосок, как вдруг Тэо остановился в дверях и ещё раз смерил взглядом младшего Альбуса:

– Знаете что, эйра Абео? Я давно ищу себе помощника, и, вероятно, такой способный молодой человек, как вы, определённо мог бы быть мне полезен.

– Помощника? – опешил Абео. – Но я не заканчивал университета...

– Речь идёт не о медицине. – Тэо вдруг понизил голос: – Точнее, не совсем о ней. Мне нужен надёжный поставщик зёрен Аши и некоторых других лекарств.

– Ах это... Эйра Тэо, я всегда рад доставить вам любой заказ, какой вы пожелаете. Можете обращаться в любое время!

– Дело в том, что эти поставки должны несколько отличаться от обычных. А если точнее – никто не должен знать, что вы их получили и куда они отправились. Это должно остаться в тайне даже для вашей учётной книги.

– Я не понимаю, – растерялся Абео. – У нас в лавке всегда всё законно, почтенный эйра. Все разрешения свежие и ингредиенты высшего качества. Зачем мне может понадобиться от кого-то это скрывать?

– Могу я пригласить вас на кружку чая? – неожиданно сменил тему эйра Рэсис. – В восточном квартале один охаец держит замечательную чайную. Думаю, нам с вами есть что обсудить.

– С радостью. – Абео крайне смутило это предложение, но отказаться он не мог. Он не понимал, с чего вдруг такому уважаемому человеку приглашать его на чай. Не понимал Абео и таинственной схемы, которую задумал Тэо Рэсис. Чем ему может помочь осиротевший

мальчишка-аптекарь, не знающий никого в этом огромном городе? Абео с особым волнением предвкушал эту встречу, даже не подозревая, насколько после неё изменится его жизнь.

Глава 14

Небесная Игла

Наши дни

Небесная Игла. Мирах. Ноттские провинции. Аструм

Бирюзовый зал был чуть меньше основной столовой, но важных гостей императрица предпочитала принимать исключительно здесь. Авроре нравилось благородство красок: голубые стены контрастировали с бронзовыми канделябрами. Отблески металла особенно красиво играли в лучах дневного солнца, бьющих сквозь оконные рамы, вытянувшиеся до самого потолка. Из сада доносилось журчание фонтанов и пение птиц, а небольшой размер помещения располагал к приятной беседе.

Сиятельная восседала в кресле, обтянутом бархатом в цвет стен. Величественная, как и всегда. Густые тёмно-каштановые волосы идеальными локонами спадали на покатые загорелые плечи. Её кожа отливала оттенками оливкового и золотого, а внимательные тёмные глаза всегда смотрели строго, но по-доброму. Аврора была облачена в пышное лиловое платье с атласными рукавами и алым поясом. Императрицу легко можно было выделить взглядом среди присутствующих, и совсем не из-за золотой короны в виде птичьих крыльев или жемчужных нитей, струящихся по её наряду. От других её отличала стать, присущая исключительно роду Мортисов. Высокий рост, широкая кость, острые и слегка грубоватые черты лица. Она будто была прямым потомком Звёзднорождённых, выделяясь среди простых смертных, даже если облачить её в простую крестьянскую одежду. Однако даже сильным мира сего свойственно беспокойство. Вот и императрица выглядела взволнованной и даже подавленной. Дело было в том, что, в противовес прекрасной погоде и успокаивающей атмосфере бирюзового зала, протекающая здесь беседа никак не могла считаться приятной.

На софе перед Сиятельной расположились четыре девушки. Они старались сохранять спокойствие и не терять лица, но одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять, как сильно они напуганы. Их глаза были прикованы к Авроре. Они заламывали руки и закусывали губы. Каждая из них была готова на всё, лишь бы понравиться императрице.

– ...И наконец – Серена Грисео, – представил одну из них глава императорского совета. Светловолосая девушка встала и с неловкой улыбкой склонила голову. – Почётный член палаты счетоводов. Дочь трибуна Делия Грисео. Двадцать лет, не замужем, абсолютно здорова телом и душой. Обучена этикету, умеет поддерживать светскую беседу, прекрасно поёт.

– Очень мило, – натянуто улыбнулась Аврора. Она окинула всех девушек отсутствующим взглядом. Императрица плохо умела скрывать недовольство, за что глава совета неоднократно делал ей замечание. Прозрачность эмоций – не лучшее качество для успешного политика. И всё же Аврора оставалась кристально честна с окружающими в любой ситуации: даже если она молчала, её глаза говорили за неё. Вряд ли Сиятельная была настолько неусидчива, чтобы не суметь освоить этот несложный навык. Здесь скорее играли роль её упрямство и приверженность убеждениям. И немного – желание насолить главе совета эйра Вису Дорсо, который всё ещё пытался сделать из Авроры правителя, которого сам хотел видеть во главе страны, вместо того чтобы хоть раз попытаться принять ее настоящую.

– Милые эйри, я думаю, что вы можете быть свободны, – сказала Аврора, отхлебнув вина из резного серебряного кубка. – Позвольте нам с эйра Висом пообщаться с глазу на глаз.

– О решении вам сообщат позже, – суетливо добавил глава совета, бросив искрящийся недовольством взгляд на Сиятельную.

Девушки удалились, и стражи в золотых масках закрыли за ними массивные двери из тёмного дерева. Вис Дорсо по-старчески медленно опустился в кресло и залпом осушил половину своего бокала.

– Вы ведь снова никого не выбрали, правда? – обречённо спросил он, глядя на грифонью ласточку, опустившуюся на ветку за окном и чистящую переливающиеся бронзой перья.

– Ну почему же. Последняя вполне ничего. Просто они все недостаточно...

– Недостаточно Рекс Мортис?

– Недостаточно презентабельны для переговоров с Золотой Четвёркой.

Глава совета застал её врасплох своим вопросом, и Аврора недовольно поджала губы. На самом деле он был прав: ни одна из этих девушек не сравнится с её сыном, будь она хоть трижды дочерью трибуна и почётным членом всех в мире палат и обществ. Аврора ненавидела весь этот фарс, но и отказаться от него не могла – положение обязывало.

– При всём уважении, Сиятельная. От них требуется присутствовать на переговорах и красиво улыбаться. Никто из них не станет вашей наследницей по-настоящему.

– И всё же у меня уже есть наследник.

– Вы знаете, не мы пишем законы. Я не меньше вашего люблю принца Рекса. Но охайцам совсем не обязательно знать о том, что вы так и не обзавелись законной наследницей.

Вис облизнул сухие губы и заглянул Авроре в глаза. Несмотря на преклонный возраст, глава совета выглядел достойно. Мужественные черты лица, волевой взгляд, тщательно уложенные гладкие серебристые волосы. По незнанию его можно было бы принять за военного, а не за политика. Впрочем, в управлении империей Вис Дорсо часто поступал по-военному: не гнушаясь необходимыми жертвами и до конца следуя выбранной стратегии. Словом или пролитой кровью – он всегда добивался своего. Без этого человека Аструм не был бы таким, каким являлся, и все относились к эйра Вису с должным почтением. Все, кроме Авроры. Сиятельная всегда расходилась во взглядах с главой совета, и его снисходительность по отношению к ней ужасно злила императрицу. Вис с благоговением отзывался о деяниях её матери, чьим советником ему посчастливилось быть. Но сама Аврора так и осталась в его глазах несмышлёной девчонкой, несмотря на то что давно разменяла пятый десяток. Вот и сейчас он смотрел на неё с заботливой улыбкой, но в его глазах блеснула сталь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.